

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА
«ПИТЕР» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
ОПТОМ И В РОЗНИЦУ У НАШИХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ.

Дальний Восток

Владивосток, «Приморский торговый дом книги»,
тел./факс (4232) 23-82-12.
E-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга»,
ул. Пугевая, д. 1а,
тел. (4212) 36-06-65, 33-95-31
E-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»,
тел. (4212) 32-85-51, факс 32-82-50.
E-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»,
тел. (4212) 39-49-30.
E-mail: zakaz@booksmirs.ru

Европейские регионы России

Архангельск, «Дом книги»,
пл. Ленина, д. 3
тел. (8182) 65-41-34, 65-38-79.
E-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь»,
пл. Ленина, д. 4,
тел. (4732) 26-77-77.
<http://www.amital.ru>

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»,
тел./факс (4012) 21-56-28, 65-65-68.
E-mail: nshibkova@vester.ru
<http://www.vester.ru>

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»,
Московское шоссе, д. 15,
тел. (846) 331-22-33.
E-mail: chaconne@chacccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»,
пр. Революции, д. 58,
тел. (4732) 51-28-93, 47-00-81.
E-mail: manager@kmsvrn.ru

Северный Кавказ

Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424,
тел./факс (87934) 6-93-09.
E-mail: rossy@kmw.ru

Сибирь

Иркутск, «ПродаЛитЪ»,
тел. (3952) 20-09-17, 24-17-77.
E-mail: prodalit@irk.ru
<http://www.prodalit.irk.ru>

Иркутск, «Светлана»,
тел./факс (3952) 25-25-90.
E-mail: kkcbooks@bk.ru
<http://www.kkcbooks.ru>

Красноярск, «Книжный мир», пр. Мира, д. 86,
тел./факс (3912) 27-39-71.
E-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»,
тел. (383) 336-10-26, факс 336-10-27.
E-mail: office@top-kniga.ru
<http://www.top-kniga.ru>

Татарстан

Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»,
тел. (843) 272-34-55.
E-mail: tais@bancorp.ru

Урал

Екатеринбург, ООО «Дом книги»,
ул. Антона Валека, д. 12,
тел./факс (343) 358-18-98, 358-14-84.
E-mail: domknigi@k66.ru

Челябинск, ТД «Эврика», ул. Барбюса, д. 61,
тел./факс (351) 256-93-60.
E-mail: evrika@bookmagazin.ru
<http://www.bookmagazin.ru>

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»,
ул. Артиллерийская, д. 124
тел. (351) 247-74-03, 247-74-09, 247-74-16.
E-mail: zakup@intser.ru
<http://www.fkniga.ru>, www.intser.ru

Под ред. С. Ланцова

Политическая конфликтология

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 — «Политология»

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2008

ББК 66.043.2я7
УДК 327.56(075)
П50

Рецензенты:

- Стребков А. И.**, завкафедрой конфликтологии факультета философии и политологии СПбГУ, доктор политических наук, профессор
Максимова В. С., зав. кафедрой международных отношений факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
Ильин А. Ю., завкафедрой политологии факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, кандидат философских наук, доцент

П50 Политическая конфликтология: Учебное пособие / Под ред. С. Ланцова. — СПб.: Питер, 2008. — 319 с.: ил. — (Серия «Учебное пособие»).

ISBN 978-5-91180-681-1

В учебном пособии анализируются сущность и закономерности развития политических конфликтов. Рассматриваются различные факторы, определяющие возникновение конфликтов; описаны причины и современная типология международных конфликтов; показаны угрозы, которые несут в себе международные конфликты и кризисы.

Значительное место в книге уделено проблемам политического насилия, проявляющегося в революционных кризисах, ведущих к радикальным общественным изменениям, и в террористических акциях.

Указываются пути мирного урегулирования международных конфликтов, политические и правовые средства такого урегулирования. Дается характеристика деятельности международных межправительственных и неправительственных организаций по решению многочисленных проблем в зонах конфликтов. Рассматриваются направления внешнеполитической деятельности Российской Федерации по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве.

Учебное пособие соответствует Государственному образовательному стандарту РФ и имеет гриф УМО. Оно предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Политология» и изучающих курс «Политическая конфликтология», а также тех, кто изучает проблемы политических конфликтов в рамках образовательных программ по специальностям и направлениям «Конфликтология», «Социология», «Международные отношения», «Регионоведение».

ББК 66.043.2я7
УДК 327.56(075)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91180-681-1

© ООО «Питер Пресс», 2008

Оглавление

Предисловие	6
ЧАСТЬ I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ	9
Глава I. Политический конфликт как социальный феномен	10
§ 1. Особенности конфликтов в политической сфере	10
§ 2. Конфликтогенные факторы политического процесса	16
Контрольные вопросы и задания	22
Глава II. Типология и динамика развития политических конфликтов	23
§ 1. Типы и виды политических конфликтов	23
§ 2. Этапы развития политических конфликтов	32
Контрольные вопросы и задания	36
Глава III. Идеологический фактор политических конфликтов	37
§ 1. Сущность и функции политической идеологии	37
§ 2. Основные идеологические течения о путях разрешения социально-политических конфликтов	40
§ 3. Радикальные идеологические концепции и политический экстремизм	48
Контрольные вопросы и задания	54
Глава IV. Религиозный фактор политических конфликтов	56
§ 1. Религия как социальный институт	56
§ 2. Политика и религия	58
§ 3. Религиозные конфликты в современном мире	62
Контрольные вопросы и задания	67
Глава V. Этнополитические конфликты	68
§ 1. Сущность этнополитических конфликтов	68
§ 2. Этнополитическая мобилизация как фактор зарождения и развития этнополитических конфликтов	72
§ 3. Особенности урегулирования этнополитических конфликтов	81
Контрольные вопросы и задания	83
Глава VI. Психологический фактор политических конфликтов	84
§ 1. Психологические механизмы политических конфликтов	84
§ 2. Психологические факторы урегулирования и разрешения конфликтов	89
Контрольные вопросы и задания	95

4 Оглавление

Глава VII. Социальные конфликты и политические революции	96
§ 1. Теоретические концепции революции	96
§ 2. Революции в политической истории России	105
§ 3. Политические революции и современность	110
Контрольные вопросы и задания	117
Глава VIII. Политические конфликты и терроризм	118
§ 1. Сущность и типология терроризма	118
§ 2. Проблемы и трудности борьбы с терроризмом	125
Контрольные вопросы и задания	129
Глава IX. Технологии разрешения политических конфликтов	131
§ 1. Методологические основы стратегии разрешения политических конфликтов	131
§ 2. Методы и приемы разрешения политических конфликтов	142
Контрольные вопросы и задания	146
ЧАСТЬ II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	147
Глава X. Сущность и типология международных конфликтов	148
§ 1. Природа международных конфликтов	148
§ 2. Международные конфликты в системе международных отношений	160
§ 3. Классификация международных конфликтов	167
Контрольные вопросы и задания	171
Глава XI. Структура и процесс развития международного конфликта	172
§ 1. Структура международного конфликта	172
§ 2. Этапы развития международного конфликта	182
§ 3. Кризис как особая фаза развития международного конфликта	184
Контрольные вопросы и задания	192
Глава XII. Вооруженные конфликты и международная безопасность	193
§ 1. Особенности современных вооруженных конфликтов	193
§ 2. Основные теоретические подходы и практические направления в обеспечении международной безопасности	201
Контрольные вопросы и задания	212
Глава XIII. Пути и формы мирного урегулирования международных конфликтов	213
§ 1. Способы выхода из конфликтной ситуации	213
§ 2. Роль третьей стороны в мирном урегулировании конфликтов	220
Контрольные вопросы и задания	229

Глава XIV. Роль переговорного процесса в мирном урегулировании международных конфликтов	230
§ 1. Виды и функции международных переговоров	230
§ 2. Особенности подготовки и организации международного переговорного процесса	235
§ 3. Стратегия и тактика переговорного процесса	238
§ 4. Национальные стили ведения переговоров	242
Контрольные вопросы и задания	247
Глава XV. Международное право и международные конфликты	249
§ 1. Роль международного права в регулировании международных отношений	249
§ 2. Источники, нормы и принципы международного права	252
§ 3. Правовые средства мирного урегулирования международных конфликтов	261
Контрольные вопросы и задания	266
Глава XVI. Правовое регулирование вооруженных конфликтов	267
§ 1. Эволюция правовых средств регулирования вооруженных конфликтов	267
§ 2. Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов	274
Контрольные вопросы и задания	279
Глава XVII. Роль международных организаций в урегулировании конфликтов и кризисов	280
§ 1. Природа и типология международных организаций	280
§ 2. Место и роль ООН в современном мире	285
§ 3. Основные направления миротворческой деятельности международных межправительственных организаций	292
§ 4. Деятельность международных неправительственных организаций в конфликтных зонах современного мира	297
Контрольные вопросы и задания	299
Глава XVIII. Проблемы конфликтов на постсоветском пространстве во внешней политике современной России	301
§ 1. Конфликты постсоветского пространства: причины возникновения, тенденции развития и типология	301
§ 2. Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации по урегулированию конфликтов на территории бывшего СССР	310
Контрольные вопросы и задания	316
Литература	317

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние полвека во многих странах мира, а с недавних пор и в России растет интерес к исследованию конфликтов. На основе этих исследований сложилась конфликтология — междисциплинарная научная отрасль, развивающаяся на стыке политологии, философии, социологии, психологии, правоведения. Конфликтология имеет как теоретическое, так и большое практическое значение, поскольку специалисты-конфликтологи не только занимаются научными исследованиями, но и вырабатывают и обосновывают предложения по управлению конфликтами, обеспечивая наиболее оптимальные и безопасные для общества стратегии и пути работы в этом направлении.

Конфликтология раскрывает общие закономерности вызревания и развития конфликтов. Во всех сферах общества действуют живые люди, и в их поведении в конфликтных ситуациях можно выделить схожие черты, независимо от того, где возникают эти конфликты — в экономике, политике или семейной жизни. В то же время конфликты в каждой из сфер жизни людей и общества обладают своей спецификой. В частности, политика традиционно считается едва ли не самой конфликтной из всех сфер общественной жизни. Недаром многие мыслители, начиная с Карла Маркса и заканчивая Карлом Шмиттом, объясняли природу политики через парадигму конфликта. Но, пожалуй, главная специфика политических конфликтов — то, что их развитие может приводить к использованию вооруженного насилия. В международных конфликтах такое насилие может принять грандиозные масштабы, представляющие угрозу для всей человеческой цивилизации. Следовательно, цена мирного разрешения конфликтных ситуаций в политике гораздо выше, чем в какой-либо общественной сфере.

Вопросы политической конфликтологии сегодня изучаются в рамках нескольких учебных программ по подготовке специалистов по различным направлениям социально-гуманитарного знания. Проблемы политической конфликтологии студенты-политологи изучают как в рамках одноименного курса, так и в процессе освоения других дисциплин.

лин политологического профиля. Проблемы политической конфликтологии изучаются также в процессе подготовки будущих социологов, психологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения. На факультете философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета работает первая в нашей стране кафедра конфликтологии, которая осуществляет подготовку студентов именно по этому направлению. Студенты, изучающие проблемы конфликтологии, получают теоретические знания и практические навыки в области управления политическими конфликтами.

В Российской Федерации в последние годы по политической конфликтологии было опубликовано множество работ учебно-методического характера, но учебных пособий среди них было немного¹. Проблемы политических конфликтов отчасти освещаются в учебных пособиях по политологии и международным отношениям, однако комплексных работ по данной проблематике пока недостаточно.

Предлагаемое учебное пособие подготовлено с учетом опыта изучения проблем внутриполитических и международных конфликтов в рамках различных социально-политических дисциплин в Санкт-Петербургском государственном университете и других высших учебных заведениях. Структура работы включает две части. В первой части рассматриваются общие проблемы политической конфликтологии. Особое внимание уделено выявлению специфики внутриполитических конфликтов в целом и характеристике особенностей их отдельных разновидностей. Во второй части в центре внимания находятся проблемы изучения и урегулирования международных конфликтов.

Учебное пособие может быть использовано в процессе изучения общепрофессиональной дисциплины «Политическая конфликтология», предусмотренной государственным стандартом по специальности и направлению «Политология», а также в изучении других учебных дисциплин, в рамках которых затрагиваются проблемы социально-политических конфликтов.

Учебное пособие подготовлено коллективом авторов. Общее руководство и научное редактирование осуществлено доктором политических наук, профессором С. А. Ланцовым. Отдельные главы написаны следующими авторами:

¹ Можно отметить следующие издания: *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999; *Фельдман Д. М.* Политология конфликта. М., 1998; *Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжов О. А.* Политическая конфликтология. М., 2002.

8 Предисловие

предисловие, главы III, VII, VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII написаны доктором политических наук, профессором С. А. Ланцовым; главы I, II, IX — доктором политических наук, профессором В. А. Ачкасовой;

глава IV — кандидатом политических наук И. С. Ланцовой;

глава V — доктором политических наук, профессором В. А. Ачкасовым;

глава VI — кандидатом философских наук, доцентом Л. А. Ланцовой;

глава XVIII — кандидатом исторических наук, доцентом И. Н. Белобородовой.

Часть I

**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНФЛИКТОЛОГИИ**

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

§ 1. Особенности конфликтов в политической сфере

Политический процесс, содержание которого можно рассматривать как различные формы взаимодействия политических субъектов, включает в себя и конфликтные взаимоотношения. Понятие *конфликт* для целого ряда зарубежных и отечественных исследователей выступает явлением, присущим самому феномену власти. Власть ассоциируется с противостоянием, сопротивлением, принуждением, санкциями и другими «негативными проявлениями», поэтому большинство авторов включают конфликт в число неотъемлемых элементов властных отношений. В первую очередь этот тезис относится к власти политической. Некоторые авторы утверждают даже, что политика уже сама по себе выступает не чем иным, как глобальным конфликтом.

Для западной науки с ее богатыми традициями в области конфликтологической парадигмы вообще характерна исключительная поливариантность методологических оценок и подходов к определению феномена политического конфликта. Теоретики конфликтов от Карла Маркса до Георга Зиммеля полагали, что конфликт есть имманентная характеристика социального развития. В то же время и сегодня продолжается дискуссия относительно содержания указанной категории, несмотря на ставшие уже классическими определения, которые даны в работах Л. Коузера, К. Боулдинга, Р. Дарендорфа и др.

По мнению Ральфа Дарендорфа, базовые основания теории конфликтов заключаются в следующем.

1. Любое общество постоянно меняется, общественные изменения происходят всегда и везде.

2. Любое общество всегда демонстрирует признаки несогласия и конфликта, общественный конфликт присутствует всегда и во всем.
3. Для любого общества характерно насилие одной его части по отношению к другой.

Вместе с тем Дарендорф проводит серьезные различия между классовыми политическими конфликтами XIX в. и современными формами конфликтов:

«Реальные конфликты всегда зримы. Мало смысла говорить о глубоком расколе социальных структур, если из него не следует заметных социальных и политических разногласий. Поэтому очевидно, что в современных обществах нет классового конфликта в его классическом понимании. Во всяком случае, большинство наблюдателей не усматривают политических сражений между группами, стоящими по разные стороны обычных барьеров власти и прав. Конечно, существуют остатки прежнего конфликта. Класс большинства по-прежнему ведет свои бои за перераспределение. Кое-где еще используется лексика классового конфликта, и причины этого можно понять, если вспомнить ножницы “север — юг” в Италии или “юг — север” в Великобритании. Однако даже в этих странах классы не образуют главного базиса для конфликта, и хотя начинают возникать новые распределительные линии и антагонизмы, пока они не приводят к организованным столкновениям между новыми имущими и новыми неимущими.

Если люди и действуют организованными группами, то теперь это, скорее, группы особых интересов или социальные движения, а не классовые партии. Их сегментация... объясняется социальными изменениями... Люди борются или за равную оплату женского труда, или против определенных форм загрязнения окружающей среды, или за разоружение, но делают это, опираясь на общий для всех гражданский статус. В этом смысле социальные движения рождаются исключительно внутри гражданского общества. Даже гражданское неповиновение имеет смысл лишь в том случае, когда существуют стабильные рамки гражданских прав — и обязанность повиноваться закону»¹.

Патриарх европейской политической науки Морис Дюверже в труде «Введение в политику» (1964) построил свою теорию на понятиях конфликта и интеграции. Он последовательно рассматривает биологические, психологические, демографические, географические, общественно-экономические и культурные факторы при анализе различных форм политического конфликта. В результате этого анализа автор делает вывод: в любом обществе сосуществуют конфликты, интеграция

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М., 2002. С. 210–211.

и эволюция, причем последняя никогда не устранил все общественные конфликты. Именно с таких позиций Дюверже критикует марксизм, который представляет коммунизм как своеобразный «золотой век». Французский исследователь стремится к содержательному анализу противоречий, даже когда рассуждает о природе горизонтальных и вертикальных политических конфликтов, поскольку конфликт между индивидуумами, группами и классами одного уровня существенно отличается от противоречий между субъектами и объектами власти так же, как борьба в рамках политического режима — от борьбы за режим. Аналогично различие между открытыми конфликтами демократических систем и скрытыми конфликтами систем недемократических. Политические конфликты, считает М. Дюверже, сосредоточены вокруг проблемы власти, характеризуемой с разных сторон, тем не менее определяющими в них являются общественно-экономические факторы.

Европейский дух этой теории значительно отличается от американского, иллюстрируя который, К. Дойч («Политика и управление», 1970), например, разделяет солидарные и конфликтные системы в соответствии с тем, что служит их связующим началом — взаимная польза или взаимное столкновение интересов. По мнению Дойча, в действительности существуют лишь смешанные системы с тем или иным доминирующим фактором, однако его теория сосредоточена на солидарных системах, конфликтные же выступают как проблема, которую предстоит решить. Англосаксонская политология в силу своей прагматической направленности превратилась в одно из самых влиятельных научных направлений — в теорию регуляции конфликтов, владения конфликтной ситуацией.

Теоретические подходы Д. Аптера («Введение в политический анализ», 1973) наиболее наглядно показывают, что одним из главных сюжетов американской политической науки как раз и является исследование проблематики конфликтов.

В соответствии с концепцией Аптера, существует три степени и три формы общественных конфликтов в зависимости от того, происходит ли столкновение предпочтений (кооперация), интересов (конкуренция) или основных ценностей, и только в последнем случае можно говорить о подлинном, открытом конфликте. Следовательно, главный вопрос состоит в том, как трансформировать конфликты ценностей в конфликты интересов, т. е. в конкуренцию или прямо в кооперацию. Практическая направленность такого подхода не в том, чтобы вооружить политиков теоретическим инструментом, а в формировании установок общественного сознания, совместимых с регулированием,

преобразованием конфликтов. Как пишет сам Аптер, американская политическая система чаще всего критикуется за то, что две крупные политические партии декларируют одни и те же ценности, поэтому между ними действительно невозможен истинный конфликт, самые существенные их разногласия приобретают форму конкуренции, а в некоторых вопросах преобладает кооперация. Таким образом, в масштабах всего общества становится возможен консенсус. Теория Аптера созвучна тем концепциям демократии, которые посвящены борьбе конкурирующих элит за власть, а также кооперации пришедших к власти элитарных групп в различных сферах общественной жизни (речь идет о политической, военной, экономической и культурной элитах). В результате урегулирование конфликтов становится прерогативой конкурирующей элиты, ждущей от масс не участия, а поддержки. В развивающихся странах, где политическая система находится в стадии становления, конфликты закономерны, считает Аптер, ибо теория модернизации обуславливает быстрые и радикальные изменения, направляемые элитой, стоящей во главе модернизационного процесса. Все это наталкивается на сопротивление общества, обостряет конфликты, но в дальнейшем ход развития устремляется в русло «системы примирения», близкой принципу полиархии Р. Даля («Полиархия», 1971). Даль считает, что основание для урегулирования конфликтов — во взаимной гарантии терпимости к интересам друг друга со стороны групп, участвующих в конфликте ценностей. Как известно, принцип полиархии в противоположность идеальной демократии нацелен на поиск реалистичных, наиболее существенных критериев реальной демократии, именно поэтому система урегулирования конфликтов занимает центральное место в проблематике демократии.

Несомненную значимость в отношении изучения политических конфликтов представляет социально-политическая концепция П. Бурдьё. Она актуальна уже потому, что автор, исходя из теоретических посылок классиков конфликтологической парадигмы, предлагает свой подход к трактовке сущности и динамики социальных коллизий. Сегодня этот подход представляется более релевантным общественным процессам рубежа столетий, нежели труды основателей конфликтологии.

Формирование социальных классов, групп и их агентов, конфликтных и конкурентных отношений между ними французский социолог связывает с неравным распределением капитала — экономического, культурного, социального, престижного. Сложная структура классов, социальных групп и их фракций, а также совокупность капиталов и видов «собственности» и составляют социальное пространство. Эко-

номические и культурные различия между группами выступают в качестве объективных разграничителей этого пространства. Социальное пространство включает конкретные поля деятельности, где и происходит конфликт в разных формах. Политические, экономические, духовные и другие конфликты и есть столкновения указанных социальных сил на соответствующих полях за удовлетворение или защиту своих интересов. При этом конфликтны не только интересы больших социальных групп, не только действия политических партий, отражающих эти интересы, но и представления в голове самого индивида относительно программ и кандидатов на властные статусы и роли.

При всех многочисленных подходах к определению социально-политических конфликтов большинство современных авторов — от К. Булдинга до А. Ага и П. Бурдые — солидарно относительно их (конфликтов) основных черт.

Прежде всего, следует отличать категории противоречия и конфликта. Суть категории «противоречие» традиционно связывалась с многообразием элементов единого целого. Противоречие и есть отношение особого рода между этими элементами целого, возникающее при появлении всякой рассогласованности, несоответствия в структуре целого. Поскольку же абсолютно устойчивого соответствия ни в одном реальном предмете нет, постольку противоречие носит универсальный характер; и хотя история показывает, что глубокие религиозные, идеологические и политические различия, как правило, ведут к конфликтам, последние не носят неизбежного характера. Конфликт может быть представлен как момент обострения в развитии противоречия. При этом возникший и разрешенный конфликт не обязательно устраняет породившее его противоречие. Если противоречие, выступающее основанием политического конфликта, может не осознаваться участниками политических отношений, то конфликт всегда осознан и предполагает определенные действия сторон друг против друга. Политическому конфликту предшествует социальная напряженность, формирование предубеждений, скрытой враждебности и подозрения между субъектами будущего конфликта, устанавливающееся осознание расхождения их интересов, стремление к доминированию или реваншу. Политический конфликт — это такой тип диалектического взаимодействия, непременным условием которого является совокупность представлений субъектов о себе самих (своих мотивах, целях, ценностях и т. п.), оппонентах (их мотивах и целях), социальной среде, в которой происходит конфликт. Таким образом, противоречие, выступая осно-

ванием политических различий, может и не приводить к открытому противоборству, в то время как политический конфликт имеет открытые формы противостояния и, как правило, осознан участниками. Речь идет о представлениях субъектов о самих себе и друг о друге, а также об условиях, в которых разворачивается конфликт.

Анализ конфликтных взаимоотношений требует ответа на ряд вопросов: кто выступает участниками (субъектами) конфликтов, каков предмет политического конфликта, как разворачиваются конфликтные противостояния, наконец, в чем заключаются наиболее эффективные технологии и инструментарий разрешения и урегулирования конфликтов.

Политический конфликт не представляет собой совершенно уникального феномена общественной жизни. На него распространяются общие характеристики любых социальных конфликтов. В первую очередь это относится к участникам конфликтных взаимодействий. Субъектами (оппонентами) в политических конфликтах могут выступать как отдельные индивиды, так и самые различные социальные группы, интересы которых сталкиваются реально или предположительно, при этом властные ресурсы как мощный распределительный инструмент выступают объектом противоборства.

Предметом конфликта, т. е. тем, по поводу чего возникает конфликт между сторонами, могут выступать два вида дефицита: позиционный дефицит (т. е. дефицит социальных позиций — социальных статусов, ролей) и дефицит источников (т. е. дефицит определенных материальных или духовных ресурсов). Конфликт возникает только в том случае, если стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга. В конфликте речь всегда идет о способности контролировать и направлять действия другой стороны. С политической точки зрения это означает борьбу за политическое доминирование. Условием реализации этой цели является обладание реальным политическим капиталом (финансы, право, репрессивный аппарат и т. п.). Отсюда следует, что в политике идет борьба не только за монополию применения инструментов власти, ее ресурсов, но и за монополию разработки и распространения принципа легитимного разделения социального мира и тем самым — за монополию мобилизации групп. Поэтому сводить сущность политического конфликта лишь к завоеванию власти совершенно неправомерно.

Одно из наиболее распространенных определений политического конфликта содержится в «Политологическом словаре»:

- ▶ «Политический конфликт — столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе».

Источником и основанием политического конфликта, считают авторы словаря, являются социально-экономические противоречия, объективно присущие любому обществу, которые в кризисные и переходные периоды от одного исторического этапа к другому приобретают конфликтную форму, определяемую несовместимостью коренных интересов субъектов политики.

В отечественной науке долгое время доминировало представление о том, что предназначение политики, государственной власти заключается в поиске «баланса интересов», полностью устраняющего конфликт. Поскольку же идеологема «всеобщей цели» была базовой для советского общества, то считалось, что найти такой баланс не представляет труда. Конфликты сиюминутны и преходящи. Во властных же структурах они вообще не должны иметь место — это служит основным гарантом стабильного развития общественной системы. В действительности конфликты, развернувшиеся в постсоциалистическом обществе, есть проявление и порождение серьезных противоречий, которые не получали своего разрешения в рамках существовавшей системы, создавали своеобразный «мультипликационный» эффект, обостряя имевшиеся ранее латентные конфликты и приводя к возникновению новых.

§ 2. Конфликтогенные факторы политического процесса

В конфликтном противостоянии существуют два основных слоя: верхний, определяемый социально-экономическими и политическими параметрами, и нижний — ценности и традиции, свидетельствующие о наличии или отсутствии «культуры согласия» в обществе. Этот нижний слой более всего соотносится с собственно процедурными факторами и во многом определяет ориентацию на совместные или односторонние решения. При этом субъективные (прежде всего социокультурные и социально-психологические) предпосылки конфликтов вплетены в ткань объективных (экономико-политических) настолько

тесно, что порой их автономное исследование представляется делом весьма сложным.

Следует учитывать, что наиболее общие причины конфликтов в реальной жизни получают форму *конфликтогенных факторов* — своеобразной проекции главных источников борьбы (богатства, власти, престижа, достоинства) на конкретные условия. Речь идет прежде всего об общих *социально-политических факторах* (первая группа факторов): политический режим, особенности политической системы и в целом политических отношений оказывают серьезное воздействие на уровень социальной напряженности и конфликтности в обществе. Распад принудительной системы сдержек и контроля в совокупности с большей свободой выражения мнений и доступа к информации являются теми факторами, которые неизбежно ведут к обострению социальной ситуации и назреванию политических конфликтов. Так, в России люди, долгое время накапливающие неудовлетворенность невозможностью что-либо изменить в своем положении (авторитарная система управления оставляла минимум для таких возможностей), вдруг почувствовали, что могут реально влиять на ход политических и социальных процессов. В то же время низкий уровень политической культуры и недостаточный опыт борьбы породили иллюзию о смене руководства как главном условии реформ — появится новый начальник и все изменится.

Вторая группа — *социально-экономические конфликтогенные факторы*, способные породить серьезные политические противостояния. Так, фактор экономического неравенства традиционно рассматривался как одно из главных оснований социальных волнений и политических потрясений. Фундаментальное обоснование этот фактор получил в классовой теории К. Маркса, признаваемой большинством современных исследователей вполне адекватной историческому контексту XIX в. Неравенство в распределении средств производства и социальных благ, вытекающее отсюда неравенство жизненных шансов могут и сегодня рассматриваться в качестве важнейшей, часто неявной причины конфликтов.

Помимо общественного неравенства, экономические факторы включают в себя экономико-географические характеристики производства, престижность того или иного вида деятельности, ее сложность, тяжелые условия и составляющие, обусловленные специфическими особенностями той или иной отрасли. Примером того, как подчас переплетаются эти факторы, стало забастовочное движение шахтеров в России в середине 90-х гг.

Долгое время шахтерская профессия была одной из самых престижных из-за высокой оплаты и общественной репутации, которая сложилась еще в 30-х гг. прошлого века (вспомним хотя бы стахановское движение). В 1980-е гг. шахтеров стали обгонять по заработку нефтяники, рыбаки, работники других отраслей, и они почувствовали «профессиональную обиду». Канадский ученый Д. Мендел на основании исследований причин недовольства шахтеров пришел к выводу, что их забастовочное движение порождено следующими факторами:

- ◆ во 2-й половине 1950-х гг. советское правительство приняло решение переориентировать энергетический комплекс на газ и нефть. В результате в 1960-е гг. уголь составлял 60 % объема добычи топлива, а в 1980-е — уже только 20 %. Естественно, произошло изменение приоритетов капиталовложений;
- ◆ весь выпуск продукции (добычи угля) определялся госзаказом;
- ◆ отсутствовали прямые связи с потребителем, предприятия не имели права продавать или менять сверхплановую продукцию на товары народного потребления, хотя в других отраслях это становилось практикой.

Данные показывают, что забастовки были крайней реакцией на методы осуществления экономической реформы.

Особую группу конфликтогенных факторов представляют *этнокультурные стимуляторы* политических конфликтов. Речь идет прежде всего о наличии негативных стереотипов в отношении представителей других этносов и приписывании им недоброжелательных установок в отношении себя. Эти стереотипы, а на их основе и конфликты, порождаются распределением и признанием.

Среди еще одной группы конфликтогенных факторов — *социально-психологических* — особую значимость приобретают психолого-демографические. Психология возраста, пола отражается на эмоциональных и других аспектах поведения людей.

Важным условием зарождения и разворачивания политического конфликта выступают *ресурсы*: деньги, время, знания, информация, связи, общественное положение, наличие силы (военной, моральной и пр.).

Таким образом, конфликты порождаются множеством различных групп факторов, ни одна из которых не может занимать приоритетное положение. Напротив, эти факторы, определяющие социальную основу и предмет противостояний, проявляются только в сочетании с социально-психологическими факторами. По мнению ряда исследовате-

лей¹, в ближайшие годы в Европе основными будут две группы факторов — экономические и культурные, определяющие как предмет будущих конфликтов, так и идентификацию их участников.

Чтобы точнее уяснить природу конфликта и его отличие от смежных явлений, необходимо определить границы конфликта, т. е. его внешние пределы в пространстве и времени. Эти проблемы, не столь уж важные в случае семейной ссоры, перерастают в крупные политические и правовые вопросы, стоит лишь перейти к межгосударственным или межнациональным отношениям, касающимся, например, территории.

Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, внутрисистемный и временной.

Пространственные границы политического конфликта определяются территорией, на которой происходит конфликт. Ясно, что эта территория может быть самой разной по величине — от минимального пространства (например, городской площади) до всего земного шара. Четкое определение пространственных границ конфликта особенно важно в международных и межэтнических отношениях, что тесно связано с проблемой участников конфликта. В нашей недавней истории такая задача неоднократно возникала и возникает до сих пор при урегулировании межнациональных конфликтов в Приднестровье, Таджикистане, Северном Кавказе и других местах, где следовало четко определять территориальные границы зоны конфликта для осуществления превентивных мер.

Внутрисистемный аспект развития конфликта и определения его границ связан с тем, что любой конфликт происходит в определенной системе, будь то группа сослуживцев, государство, международное сообщество и т. д. Внутрисистемные отношения сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть глубоким, обширным или частным, ограниченным. Определение внутрисистемных границ конфликта требует четкого выделения конфликтующих сторон из всего круга его участников. Ведь помимо непосредственно борющихся сторон участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, пособники, организаторы конфликта (сами в нем прямо не замешанные), а также третейские судьи, советники, сторонники и противники тех или иных лиц, конфликтующих между собой. Все эти лица (или организации) — элементы систе-

¹ Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 170.

мы. Внутрисистемные границы конфликта важно знать для воздействия на происходящие процессы, в частности для предотвращения разрушения системы в целом.

Временные границы — это хронологическая продолжительность конфликта, его начало и конец. От того, считать ли конфликт начавшимся, продолжающимся или уже закончившимся, зависит, в частности, степень эффективности применяемых технологий разрешения конфликта. Анализ динамики важен и для того, чтобы верно оценить роль участвующих в конфликте сил.

Следует иметь в виду, что любой конфликт несет в себе как позитивные, так и негативные черты, однако преобладание в нем тех или других позволяет охарактеризовать его как конструктивный либо же как деструктивный (см. главу II).

Итак, специфика политического конфликта заключается в следующем.

1. Политический конфликт — неотъемлемая черта мира политики, мотивационная основа политической жизни. Одно невозможно без другого, поэтому современные определения политики предполагают включение в ее структуру феномена конфликта. Так, по мнению ряда политологов, политика может быть определена как борьба субъектов, преследующих конфликтующие между собой цели, результатом которой становится регулируемое и контролируемое властью распределение ценностей. Разногласия, соперничающие точки зрения, столкновения — все, с чем обращаются к власти, требуя их разрешения, и представляет собой то, что называется политическими конфликтами.
2. Мир политики — это мир публичности, пространство для множества возможных действий. Именно в открытом общественном столкновении мнений социальный мир приобретает новый характер, становится политическим миром.
3. Мир политики — это мир отношений, способствующих конкретной индивидуальной свободе благодаря возможности *выбора*, но в то же время усиливающих недовольство и беспокойство. В результате формируется стратегия действий и ценностные суждения, которые придают политическим представлениям рационально-прагматический характер. Это создает потенциальную основу конфликта, поскольку каждый индивидуальный или групповой субъект, имеющий свои собственные интересы, так или иначе сталкивается с интересами других субъектов.

4. Предметом политического конфликта могут быть специфические ресурсы — государственная власть, устройство властных институтов, политический статус социальных групп, ценности и символы, являющиеся базой политической власти и данной политической общности в целом. В этом состоит ключевое отличие политического конфликта от индустриального конфликта: если в экономике ресурсы делят более или менее справедливо, а иногда соглашаются на кооперацию, чтобы сначала увеличить производство продукта, а потом его разделить, то в политике это невозможно. Пост президента, главы правительства нельзя разделить, да и число мест в парламенте строго ограничено. Если в экономике, согласно либеральной доктрине, все вещи имеют меновую стоимость, то в политике иначе: для политической свободы и политической независимости нет справедливого эквивалента.
5. Политический рынок представляет собой один из наименее свободных рынков, поскольку, с одной стороны, доминирует монополия производства политической продукции (программ, заявлений, платформ), предоставляемая профессионалам, а с другой — отсутствует компетентность в политике у рядовых граждан. Поэтому очевидны острота и жесткость межпартийной конкуренции за голоса избирателей, инициируемая прежде всего *сверху*, высшими эшелонами власти.
6. Жесткость и острота политической борьбы объясняются, помимо прочего, тем, что кредит доверия тому или иному политику выдан не только в обмен на пропагандируемые им идеи, но и *ему лично*, благодаря его качествам. Поэтому оппонент стремится не только к тому, чтобы опровергнуть эти идеи чисто логическими и научными аргументами, но и дискредитировать их, равно как и их носителя.
7. Политический конфликт предполагает мобилизацию максимальной численности как одной, так и другой конфликтующей стороны. Их борьба может рассматриваться как *превращенная, сублимированная форма классово-борьбы*, хотя классы и другие социальные группы становятся непосредственными участниками конфликта лишь в самом крайнем («революционном») случае. Это отличает политический конфликт от юридического. В последнем спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями), и, следовательно субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта, обладают правовыми «признаками», а конфликт влечет юридиче-

ские последствия. Юридический конфликт также предполагает «вербализованную» борьбу, умение «сражаться словами» при помощи убедительных доводов сторон. Но это борьба в рамках и на почве права, между субъектами права, и сама юридическая коллизия не предполагает мобилизации широких масс. Политический конфликт, напротив, предполагает борьбу именно за такую мобилизацию, при этом ее масштабы могут оказывать политическое воздействие, в том числе и на судебные решения.

Контрольные вопросы и задания

1. Укажите сходство и различие понятий «социальный конфликт», «юридический конфликт», «политический конфликт».
2. Опишите содержание основных подходов к пониманию политического конфликта.
3. Какие понятия раскрывают структуру конфликта?
4. В чем отличие понятий «причины конфликта» и «конфликтогенные факторы»?
5. Каковы временные и пространственные границы конфликта?
6. В чем заключаются положительные и в чем — отрицательные последствия конфликтов, возникающих в сфере политики?
7. Приведите примеры политических конфликтов в истории России.
8. Сохраняется ли потенциальная опасность политических конфликтов в современной России?

Глава II

ТИПОЛОГИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Типы и виды политических конфликтов

Важное условие анализа политических конфликтов — создание их типологии. Сложность решения этой задачи связана с идентификацией политического конфликта и заключается в том, что его можно расценивать как борьбу между корпоративно-клановыми группировками в структурах власти; как коллизию между реформаторами и контрреформаторами; как противостояние разных политико-идеологических образований и т. д. Эта сложность идентификации конфликтов определяется множеством пересекающихся в них противоречий и интерпретацией этих противоречий в сознании участников. При этом зачастую происходит не просто взаимопересечение и накладка конфликтов друг на друга, но и их взаимное стимулирование, поэтому вопрос о первичности какой-либо составляющей лишается смысла.

Предлагаемые в литературе разнообразные типологии конфликтов основаны, как правило, на различных признаках, формальных нормах или ценностных суждениях. Так, с точки зрения областей проявления политические конфликты разделяются на *международные* и *внутриполитические*; по характеру нормативной регуляции — на *институционализированные* и *неинституционализированные*; по возможности их регулирования — *конфликты с нулевой* (не имеющие вариантов регулирования) и с *ненулевой суммой*; по временной продолжительности — *кратко-, средне- и долгосрочные* конфликты; с точки зрения публичности — *явные* и *латентные*.

Важным критерием типологии конфликтов выступает их функциональная направленность, поэтому выделяют конфликты *конструктивные* и *деструктивные*. Собственно говоря, любой конфликт несет

в себе как позитивные, так и негативные черты, однако преобладание в нем тех или других позволяет охарактеризовать его как конструктивный либо как деструктивный. Позитивные стороны конфликта заключаются в следующем:

- ◆ конфликт ускоряет процесс самосознания и одновременно служит осознанию (идентификации) общности, сходству интересов;
- ◆ он способствует разрядке, играет роль отводного клапана для конструктивного выхода эмоций;
- ◆ демонстрирует недовольство существующим положением;
- ◆ предотвращает застой, заставляет двигаться вперед, отрицая старые, отжившие отношения.

Деструктивное воздействие выражается, во-первых, в том, что конфликт создает угрозу социальной системе и подрывает доверие сторон; во-вторых, он порождает разобщенность.

Необходимо учитывать и деление конфликтов на *действительные* и *мнимые* («фантомные»). К реальным причинам конфликтов относятся особенности структурного и функционального состояния той или иной системы (социальная нестабильность, организационные недостатки в организации совместной деятельности и т. д.). Что же касается мнимых конфликтов, то для их понимания важное значение имеет теорема Томаса, которая гласит:

«Если воспринимают некоторую ситуацию как реальную, то она будет реальной и по своим последствиям».

Применительно к конфликту это означает, что если есть несовпадение интересов между акторами, но это несовпадение не воспринимается, не ощущается ими, то такое несовпадение не приводит к конфликту. И наоборот: если между субъектами существует общность интересов, но сами участники испытывают друг к другу враждебность, то отношения между ними обязательно будут развиваться по схеме конфликта, а не сотрудничества. Так воображаемое превращается в действительность.

Еще одна классификация конфликтов предполагает их деление по степени интенсивности. Автор этой типологии — известный американский конфликтолог Д. Дэна — предлагает выделять следующие формы конфликтов:

- ◆ стычки (мелкие неприятности, не представляющие серьезной угрозы);

- ◆ столкновения (серия непрекращающихся стычек, связанных с расширением круга причин, вызывающих конфликт, уменьшением желания сотрудничать с другой стороной и т. д.);
- ◆ кризисы (постоянные и неизбежные столкновения, в результате чего создается так называемая тупиковая ситуация, когда оппоненты окончательно прерывают отношения).

При этом внутривнутриполитические кризисы можно дифференцировать по степени глубины и опасности для общественной стабильности:

- ◆ *Правительственный кризис*, который наступает вследствие утраты правительством авторитета в обществе, аппарате и парламенте. Этот вид кризиса может начаться, например, в результате отхода части министров от выполнения согласованной и одобренной парламентом программы (наиболее ярко эти процессы разворачиваются в стране классической «нестабильной демократии» — Италии).
- ◆ *Парламентский кризис*, означающий паралич парламента. Конфликты в парламентской деятельности существуют перманентно. Они очень разнообразны и могут возникать между парламентскими фракциями; между парламентом и правительством; между парламентом и президентом; между парламентом и группами давления и т. д. Однако в условиях обострения межфракционной и другой борьбы, когда конфликт достигает своего апогея, может возникнуть ситуация, парализующая работу парламента. Выход из такого кризиса связан либо с отставкой правительства, либо с роспуском парламента и назначением досрочных выборов.
- ◆ *Конституционный кризис*. Обычно ему предшествуют конституционные конфликты, связанные с несовершенством Основного закона, попытками нарушить этот закон государственными органами вследствие политического расчета или правовой неграмотности. Примеров перерастания конституционных конфликтов в конституционные кризисы предостаточно. Один из самых характерных связан с правовым статусом провинции Квебек (Канада), которая населена франкоязычными канадцами, настаивающими на расширении компетенции территории вплоть до отделения. Несмотря на то что в конституцию было внесено более 60 поправок, расширяющих права провинций, ситуация вокруг Квебека остается потенциально конфликтной. Для ее урегулирования правительство не раз обращалось к едва ли не самому эффективному средству — общеканадскому референдуму. Однако если на референдуме 1992 г.,

призванном одобрить переустройство страны, подавляющее большинство населения ответило отрицательно, то в 1995 г. большинством всего в 2 % удалось сохранить целостность государства.

Конституционный кризис потряс и Россию в сентябре—октябре 1993 г., когда, согласно Указу Президента РФ Б. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», не только распалась система Советов, но была приостановлена и деятельность Конституционного суда.

Еще один критерий типологии конфликтов вводит М. Дойч. Он предлагает классифицировать конфликты по типу их участников (личность, группа, нация) и по видам отношений (внутри- и межсистемный уровни) следующим образом:

- ◆ внутри- и межличностные (индивидуально-психологический уровень);
- ◆ внутри- и межгрупповой (социально-психологический);
- ◆ внутринациональный и международный.

Классической стала и типология выделения конфликтных ситуаций по статусной позиции их акторов:

- ◆ *горизонтальные* (лица или группы, не находящиеся в подчинении друг другу);
- ◆ *вертикальные* (оппоненты, находящиеся в иерархическом соподчинении);
- ◆ *смешанные*, в которых представлены вертикальные и горизонтальные их составляющие.

Типология уровней конфликтов в политическом анализе занимает особое место, поскольку определяющим для политических отношений является их вертикальное измерение, т. е. именно отношения «господства/подчинения».

В свою очередь, вертикальные конфликты подразделяют на *конфликты макро- и микроуровня*.

В основе макроконфликтов лежат противоречия между различными социальными группами, прежде всего это конфликт между властью и обществом в целом либо его составляющими. Такого рода конфликты в России достигли своего апогея в конце 1980 — начале 1990-х гг., когда отношения между старой номенклатурной элитой и социумом обострились до крайности.

Макроконфликты имеют форму государственно-правовых противоречий и выступают в виде конфликтов между государством и личностью (проблемы соблюдения прав человека), государством и правовым статусом ущемленных групп населения, между государством (либо его отдельным институтом) и обществом. На макроуровне наиболее типичным случаем является различие статусов «верхов» и «низов», истеблишмента и массы. Такое различие потенциально несет в себе конфликт. Этот потенциал реализуется в двух полярных ситуациях, чаще всего наблюдавшихся в политической истории. Во-первых, в ситуации, когда «верхи» усиливают свое властное давление на «низы», а «низы» оказывают сопротивление, полагая, что властвующая элита переступила допустимый предел. Во-вторых, когда «низы» резко усиливают свои притязания на власть (например, требуют расширения избирательных прав, права на создание политических объединений, на участие в государственном управлении и т. д.). Ситуация завершающего этапа перестройки в нашей стране (1989–1991 гг.) определялась конфликтом именно второго типа: массы отказывали в доверии власти и заявляли о своих суверенных правах на изменение политики, структуры, а затем и режима в целом.

Микроконфликты базируются на противостоянии внутри той или иной социальной общности. Например, применительно к политической элите — это конфликты между ее основными частями, а также в рамках каждой из них. Поэтому данный тип конфликтных противостояний принимает форму государственно-административных конфликтов. Основу государственно-административных противоречий составляет неравновесность полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти. Например, чрезмерно широкие функции в разработке внутренней и внешней политики резко диссонируют с практическим отсутствием контроля за ней со стороны парламента. Расплывчатость и неопределенность компетенции двух ветвей власти вызывает ситуацию «перетягивания каната» и стимулирует желание взять на себя решение вопросов, имеющих пограничный или спорный характер. Поэтому важной проблемой для нормального функционирования властей становится четкое разграничение полномочий различных государственных органов. На личностном уровне такая конфликтная ситуация проявляется в смешении ролей и ценностных ориентаций представителей законодательной и исполнительной элиты, принимая форму вопроса «кто главнее?». При этом наиболее острые схватки связаны с проблемами контроля и распоряжения собственностью, а также назначения на ключевые места в органах государствен-

ной власти. Таким образом, содержание этих конфликтных противостояний может быть разным, например, функциональное или статусно-ролевое, однако участниками коллизий выступают носители власти.

В государственно-административной сфере (подобно любой другой) конфликты разворачиваются на трех уровнях — взаимодействия институтов, организаций и индивидов. В отдельные периоды конфликтные ситуации (например, по вопросам формирования бюджета, реорганизации госаппарата, связанного с перемещением значительного количества персонала, назначения лиц на ключевые посты в правительстве и т. д.) могут создавать значительную напряженность, обостряя отношения субъектов государственного управления. Вместе с тем проявление нарастающих разногласий — это более оптимальный вариант, чем скрытое нарастание недовольства и латентное развитие конфликта.

Государственно-административной сфере органически присуща структурная упорядоченность звеньев системы управления, их иерархичность, определенность процедур деятельности и ответственности участников служебных отношений, равно как и атмосфера исполнительности. Именно эти черты во многом определяют характер и уровень доминирующих здесь форм конкурентного взаимодействия.

Описанные особенности государственно-административной сферы предполагают в основном рассудочные — в противовес чувственным и иррациональным — поводы возникновения конфликтов, а также, как правило, отсутствие самых разрушительных для человеческого сообщества конфликтов — ценностных. Мотивация конкурентного поведения формируется обычно в связи с распределением (перераспределением) материальных ресурсов, статусов, ролей.

Тем не менее системе государственного управления присуща и серьезная функциональная раздробленность, что выражается, например, в стремлении отдельных министерств, ведомств, правительственных комиссий и других государственных структур присвоить функции иных органов управления; в дублировании; в несогласованности процессов планирования и бюджетного финансирования и т. д.

Таким образом, административно-государственная сфера — это неравновесная биполярная система: с одной стороны, она представляет собой целостное образование с жестко разделенными и формально закрепленными функциями, поэтому конфликт в ней играет второстепенную роль; с другой — она воспроизводит конфликты как структурно и функционально разделенная система.

В государственно-административной сфере присутствуют все три идеальных типа конфликтного поведения, выделенных в модели канадского ученого А. Раппопорта: «сражение», «игра» и «дебаты» («спор»). Однако эта типология конфликтов наиболее применима к сфере международных отношений (см. главу X).

Типология государственно-административных конфликтов:

1. Конфликты между политическими и государственно-административными (групповыми и индивидуальными) субъектами (структурами).
2. Конфликты между государственно-административными структурами и организациями государственного и частного секторов.
3. Конфликты между ведомствами, министерствами и другими организационно оформленными звеньями управления.
4. Конфликты между центральными, региональными и местными органами государственного управления.
5. Функционально-ролевые (вертикальные и горизонтальные) конфликты внутри государственных организаций и учреждений.
6. Неформальные конфликты внутри и между отдельными государственными учреждениями.

Противоречия между политическими и государственно-административными структурами — это конфликт принципов и критериев, которые, с одной стороны, ориентируют государственные институты на закрепление и стабилизацию политической власти, а с другой — нацелены на макроэкономическое регулирование общественных отношений. На практике это происходит, когда, например, органы хозяйственного (макроэкономического) управления переходят к политическим методам достижения целей (внеэкономическое принуждение) или же саботируют выполнение своих функций. Толчком к возникновению конфликтов может служить и реорганизация госаппарата, не учитывающая интересы госслужащих.

Возникновение угрозы правящему режиму со стороны государственных органов макроэкономического управления обычно быстро ликвидируется путем реорганизации министерств и кадровых назначений, усиления персональной ответственности.

Конфликты между государственно-административными структурами и организациями государственного и частного секторов можно подразделить на две группы: конфликты между органами государст-

венного управления и подчиненными им предприятиями и конфликты между государственными учреждениями и частным сектором.

В первом случае источником противоречий служат противоположные стремления сторон: государственные органы пытаются усилить свой контроль, а государственные предприятия — освободиться от их чрезмерной опеки. Подобные конфликты порождаются сложившейся системой хозяйствования и активностью групп интересов, представляющих различные категории госслужащих (врачей, учителей, пожарных и пр.). Такие противоречия разрешаются за счет перераспределения материальных ресурсов и взаимного уточнения прав. Их развитие и урегулирование имеет преимущественно институционализированный характер.

Сложнее и разнообразнее противоречия между государственными учреждениями и частным сектором. Причин их много: неполное исполнение государством своих обязанностей (например, по охране правопорядка, осуществлению финансового надзора и т. д.), монополизм на рынке определенных услуг, криминализация деятельности государственных органов и пр. Поскольку частный сектор менее сплочен и организован, а госарбитраж часто бывает неэффективным, государственные структуры нередко оказываются победителями, что провоцирует усиление моральной напряженности между государством и гражданским обществом.

Конфликты между ведомствами, министерствами и другими организационно оформленными звеньями управления государством включают:

а) конфликты, порождаемые борьбой за ослабление зависимости от других вертикальных и горизонтальных структур, корпоративными интересами служащих, различиями в статусных и текущих полномочиях. Особо остро такого рода конфликты протекают в периоды преобразований госаппарата;

б) борьбу за долю ведомства (организации) в бюджете. Авторитет и вес того или иного ведомства в госсекторе зависят именно от доли средств, которую оно контролирует;

в) противоречия между органами, выполняющими координирующие функции (например, министерством экономики) и отраслевыми министерствами (министерством электронной промышленности, приборостроения и т. п.).

Особый вид политических конфликтов — конфликты между центральными, региональными и местными органами государственного управления. В основе таких конфликтов лежит несовпадение специ-

фических интересов населения отдельных территорий. Территориальная и физическая разобщенность органов управления стимулирует противоречия в подходах к реализации решений как общегосударственного масштаба (на местах не всегда верно понимают мотивы их принятия), так и местного значения («наверху» плохо учитывают местную специфику). Важным источником напряженности могут стать умонастроения соответствующих слоев бюрократии (подчиненное и даже унижительное положение местных органов власти, с которыми не считается центральная власть).

При урегулировании этих противоречий колоссальную роль играет оптимальная степень иерархической соподчиненности государственных органов, под которой понимается упорядочение двусторонних связей, уточнение взаимных полномочий в соответствии со спецификой условий в каждый конкретный момент, налаживание бесперебойной информации.

Внутриорганизационные конфликты возникают:

- а) между структурными звеньями и организацией в целом;
- б) между отдельными подразделениями, в том числе линейными и функциональными, иерархически подчиненными и не находящимися в вертикальном соподчинении, между ролевыми и фактическими свойствами субъектов управления.

В процессе функционирования и развития любой организации прежние цели дополняются зачастую несовместимыми, что создает новые конфликтные ситуации, например, ценностные основания и принципы сталкиваются с целями выживания. Это влечет за собой и мотивационные различия, порождающие так называемые аппетенционно-аверсионные конфликты, способные конструировать такие формы поведения служащих, которые порой далеко уведут их от первоначального восприятия причин спора. Мотивы поступления на госслужбу далеко не одинаковы: одних привлекает успех, других — стабильность денежного вознаграждения, третьих — престиж и т. д. Кроме того, государственные служащие зачастую представляют различные школы и направления; наконец, существуют ревность, просто неприязнь людей. Поэтому мотивационная форма конфликта имеет в этом отношении тенденцию к перерастанию в ценностную. Это происходит, когда служащие по-разному понимают свой статус и цели пребывания в организации.

Особый оттенок в конкуренцию целей привносят и отношения линейных и функциональных (штабных) подразделений организации. Конфликт между представителями администрации и специалистами

обусловлен стремлением каждой из сторон обеспечить себе решающее влияние при принятии принципиальных для организации решений. Как одни, так и другие обвиняют друг друга в узости мышления, неспособности профессионально ставить задачи развития организации, недисциплинированности и диктате.

По мнению многих ученых, преодолеть наиболее разрушительные последствия дивергенции целей можно за счет объединительных потенций руководителей или соответствующих коллегиальных органов (комиссий, комитетов, связанных групп).

§ 2. Этапы развития политических конфликтов

Граница между конфликтом, разногласиями и ситуациями, в которых высказываются взаимные претензии, отнюдь не всегда перерастающие в конфликт, очень тонкая и подчас не лежит на поверхности. Фиксация конфликтных ситуаций — задача чрезвычайно сложная. Основанием для ее решения выступает выделение этапов развертывания политического конфликта.

Известно, что любое социальное явление проходит в своем развитии четыре основные стадии: зарождения, или возникновения; формирования; расцвета и преобразования (угасания). Эта общая схема накладывается и на динамику политического конфликта. При этом и в теории, и на практике при анализе конфликтов зачастую допускается общая ошибка: за конфликт принимается его завершающая стадия, «взрыв», после которого наступает или стабилизация, или распад системы, объединяющей конфликтующие стороны. К сожалению, упускается главное — необходимость распознать начало конфликта, его скрытую стадию.

Эта первая, латентная стадия, характеризующаяся социальной напряженностью, отмечена появлением чувства неудовлетворенности существующим положением вещей, симптомов беспокойства. Симптомы латентной стадии включают, как правило, эмоциональные реакции негативного плана, в том числе враждебность и агрессию, а также утопичные надежды, проявляющиеся в разного рода фантазиях, ностальгии по прошлому и т. д. Эта стадия охватывает как отдельные общественные слои и группы, так и властные структуры. Представители властных элит испытывают сомнения и неуверенность относительно правильности выбранного курса. В рамках же общественного мнени-

ния острота политических проблем, несмотря на их неопределенность, обнаруживается в теоретических дискуссиях, полемике на страницах прессы и т. д.

В целом на уровне общества выделяются три признака напряженности:

- ◆ в широких кругах населения распространяются недовольство положением дел в разных сферах и неудовлетворенность существующим порядком;
- ◆ утрачивается доверие к властям, исчезает ощущение безопасности; широкое хождение приобретают пессимистические оценки будущего, слухи. Таким образом, в обществе складывается атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения;
- ◆ массовые действия: ажиотажный спрос и скупка товаров, миграция в другие регионы, за границу; стихийные и организованные митинги, демонстрации, забастовки.

Таким образом, на первой стадии динамики конфликта возникает *конфликтная ситуация* — латентная, скрытая часть конфликта, которая характеризуется социальной напряженностью. Под латентной частью понимается потенциальный конфликт, который может вспыхнуть, когда сформируются подходящие условия. Например, утвердив в 1940 г. план «Барбаросса», предусматривающий нападение на СССР, Гитлер еще не развязал военного конфликта между Советской Россией и Германией, но уже вступил в его латентную стадию; началом же открытого конфликта стало, как известно, 22 июня 1941 г.

Следующая стадия политического противоборства предполагает его институционализацию: предмет конфликта начинает осознаваться участниками. Внимание субъектов сосредоточивается на одной-двух болезненных проблемах: недовольство государственной политикой, деятельностью правительства, неудовлетворенность существующим статусом и пр. На этой стадии происходит постепенная консолидация оппонентов, их мобилизация, а мнения становятся реальной силой. Субъекты начинают осознавать свои собственные интересы и стремления противника.

Необходимо отметить, что в реальной жизни две первые стадии трудно различимы. В то же время можно диагностировать наличие социальной напряженности с помощью специальных исследований и внимательного отслеживания обстановки в социуме.

Стадия формирования конфликта завершается инцидентом.

Инцидент — центральное и решающее звено конфликта. Он олицетворяет наступление открытой борьбы за обладание объектом (ценностью, благом). Инцидент предполагает по крайней мере три совпадающих условия.

1. Первый участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (т. е. своему противнику). При этом под действиями понимаются как физические движения, так и передача информации (устное слово, телевидение, печать и пр.).
2. Второй участник (противник) осознает, что указанные действия направлены против его интересов.
3. В связи с этим он и сам предпринимает ответные активные действия, направленные против первого участника.

Все инциденты можно подразделить на две группы.

- ◆ Действия соперников, носящие открытый характер. Это словесные прения, перепалка, экономические санкции, политическая борьба и пр.
- ◆ Скрытые действия оппонентов, особенности которых состоят в попытке утаить свои намерения от противника, запутать, обмануть противоположную сторону. Такая деятельность предназначена для того, чтобы навязать сопернику невыгодный ему образ действий и выявить его цели и стратегию. Основной метод в этом случае — так называемое *рефлексивное управление*. Оно представляет собой способ управления, при котором основания для принятия решений передаются одним из действующих лиц другому. Это означает, что один из соперников пытается передать и внедрить в сознание другого такую информацию, которая заставляет этого другого действовать так, как выгодно тому, кто передавал информацию. В состав рефлексивного управления входят провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще любая ложь, которая может иметь, в свою очередь, сложную структуру и принимать тем самым вид правдивой информации.

Очевидно, что первый вид инцидента — открытые действия — встречается значительно реже, чем второй. Обычно на открытые выступления отваживаются авантюристы или Дон-Кихоты либо же простодушные, прямолинейные по своему характеру люди. Второй тип инцидента распространен практически во всех видах конфликтов и различных сферах — от склок, сплетен в небольшой организации или

семье до политических интриг в высших эшелонах власти, в сфере экономических отношений.

Третья стадия динамики конфликта — это фаза открытого противоборства. Его субъекты — движения, объединения, политические партии становятся подлинной движущей силой, заметней ощущается роль политических лидеров, оказывающих направляющее влияние на политические процессы. В свою очередь, организованная оппозиция, начиная открытые действия, побуждает властную элиту вступать в разного рода контакты и проводить ответные операции.

Если же власти бездействуют, т. е. не пытаются разрешить коллизию (в правовых рамках или же с помощью применения силы), конфликт из социального, экономического или правового превращается в собственно политический. Резко расширяется его предмет: конфликт начинает функционировать по принципу «воронки», т. е. втягивает в свою орбиту и делает спорными все новые проблемы. Расширяется состав участников конфликта. Становится весьма вероятным революционный взрыв, а на первый план все отчетливее выдвигаются силовые, вооруженные средства подавления конфликта. Из сферы политического противоборства он переходит в разряд военного конфликта, когда вооруженное насилие используется в качестве главного средства разрешения противоречий.

Стадия завершения конфликта, подчиняясь изложенному развитию событий, тем не менее отнюдь не всегда приобретает характер вооруженной борьбы. Политический конфликт может разрешиться отставкой правительства или роспуском парламента, отменой непопулярного решения, предоставлением требуемого статуса той или иной социальной или этнической группе и т. д. Вооруженные формы свойственны лишь наиболее глубоким и масштабным политическим конфликтам типа революции, восстания, гражданской войны и т. д.

Кратко характеризуя две последние стадии развития конфликта (расцвета и угасания), следует иметь в виду, что стадия расцвета представляет собой действия по реализации той стратегии, которая выбрана оппонентами (ее порой называют стадией противоборства). Стадия угасания конфликта зачастую имеет целью ликвидацию противника (она может закончиться и истощением сил соперников). Правда, в случае партнерской ориентации участников конфликта содержание названных стадий меняется: на третьей осуществляется поиск вариантов решения проблемы, на четвертой подписывается соответствующее соглашение.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие классификации политических конфликтов наиболее распространены?
2. Какие типы конфликтов характеризуются особой остротой и почему?
3. Чем различаются макро- и микроконфликты в политической сфере?
4. В чем заключаются симптомы зарождения конфликтных ситуаций в политической жизни?
5. Дайте характеристику государственно-административных конфликтов.
6. Что такое инцидент и какова его роль в развитии политического конфликта?
7. Какие стадии развития внутривнутриполитических конфликтов могут представлять собой наибольшую опасность?

Глава III

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Сущность и функции политической идеологии

Зарождение и развитие конфликтов, а также пути и формы их разрешения и урегулирования тесным образом связаны с феноменом *политической идеологии*.

Единого и общепринятого толкования самого термина «идеология» нет. В свое время его ввел в научный оборот французский философ начала XIX в. А. Дестют де Траси. Он толковал идеологию как некую науку об идеях. Впоследствии данный термин стал использоваться для обозначения системы воззрений и духовных ценностей, отражающих интересы отдельной общественной группы, на основе которых определяются цели и средства политической деятельности, направленной на обеспечение этих интересов. Молодой К. Маркс рассматривал идеологию как форму ложного сознания, отражающего интересы эксплуататорских классов, которые стремятся во что бы то ни стало, даже путем лжи и подтасовки фактов, обосновать свое господство. Позже марксисты выдвинули идею о возможности научной идеологии, имея в виду при этом, конечно, свою собственную доктрину. Близкой к точке зрения молодого Маркса была позиция известного немецкого социолога Карла Маннгейма, который делил идеологические течения на собственно «идеологию» и «утопию». К «идеологиям» он причислял ложные утверждения господствующих классов, оправдывающих свое господство; «утопия», по его мнению, означала иллюзорные представления угнетенных о путях и способах освобождения.

Успехи науки и техники, технологический прогресс в середине XX в. побудили некоторых исследователей заговорить о «конце идеологии». В частности, такую концепцию выдвинул американский со-

циолог Даниэл Бэлл. В будущем постиндустриальном обществе он не оставил места идеологии, поскольку, считал ученый, человечество научится решать свои проблемы совместно, на основе позитивного знания и с помощью рациональных инструментов. Однако последующий ход истории показал иллюзорность подобных надежд. Научно-технический прогресс и технологические достижения не смогли устранить из общественной жизни социальные конфликты, следовательно, большинство идеологических доктрин сохранили свою актуальность.

Современный исследователь Э. Шилз связывает востребованность идеологии с необходимостью преодолевать последствия кризисов, неизбежно присутствующих в любом обществе в силу присущей ему конфликтности. Шилз полагает, что само понятие «идеология» можно применить только к таким системам воззрений, которые становятся востребованными в ситуации глубокого социально-политического кризиса. Поскольку мировоззренческие ценности, составляющие основу любой идеологии, по своей силе сопоставимы с силой религиозных убеждений, сама идеология обладает существенным ориентационным потенциалом, который позволяет людям находить выход из сложных кризисных ситуаций.

Идеология, таким образом, выполняет ряд серьезных общественных функций. Во-первых, она способствует интеграции общества в целом или отдельных его частей вокруг определенных ценностей. Такое общество более устойчиво к внутренним конфликтам и внешним угрозам, поскольку общие интересы оказываются сильнее частных. Во-вторых, идеология может выполнять функцию легитимации политической власти в целом и ее отдельных институтов в частности. В-третьих, идеология обеспечивает мобилизацию людей, социальных групп, целых народов на решение самых различных задач общественного развития. Мобилизация с помощью идеологии может поднять население на восстание против существующей власти, может вызвать в массах трудовой энтузиазм, необходимый для достижения экономических целей. В советский период нашей истории власть часто использовала этот ресурс и в отдельные периоды, например, в годы первых пятилеток, добивалась заметных результатов.

В-четвертых, политическая идеология может осуществлять функцию социальной амортизации. Эта функция реализуется в ее способности интерпретировать социальную действительность и ослаблять напряженность в ситуациях конфликта между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения. Пример истории нашей страны показывает, как долго коммунистическая партия, исполь-

зую образ «светлого будущего», отвлекала советский народ от «временных трудностей», которые постоянно сопровождали процесс «социалистического и коммунистического строительства». Было обещано, что лишения и страдания советских людей с лихвой окупятся в коммунистическом обществе, где «источники общественного богатства польются полным потоком», и если не строители коммунизма, то их дети и внуки смогут насладиться из этих источников всеми радостями жизни. В-пятых, политическая идеология выполняет функцию выражения и защиты интересов определенной общественной группы, что делает идеологический взгляд на мир ангажированным и предвзятым. Одни и те же события общественной жизни трактуются по-разному представителями различных идеологий. Если для К. Маркса революции были «локомотивами истории», «праздником угнетенных», то консерваторы считали их общественными катастрофами, когда наружу вырывается все негативное, присущее человеческой природе (см. главу VII).

В структуре политической идеологии можно выделить три уровня функционирования политических доктрин. Первый уровень — теоретико-концептуальный. Он тесно связан с философским знанием, социально-гуманитарными науками. Отдельные мыслители, часто не отдавая себе в этом отчета, могут формулировать идеи, отражающие интересы социальных групп, а иногда наций или государств. Такие идеи находят своих сторонников, давая мотивацию для их политической активности. Однако на основе абстрактных философских положений не всегда возможно строить стратегию и тактику политической борьбы, поэтому необходим и иной, более приближенный к реальной действительности уровень, который можно назвать программно-политическим. На этом уровне общие принципы политической идеологии находят свое отражение в документах политических партий и движений, в разработках, конкретизирующих общетеоретические положения и приспособляющих их к обстоятельствам места и времени. Третий, актуализированный уровень политической идеологии, интерпретирует в простой и доступной форме ее положения и доносит их до широкого круга сторонников и единомышленников. Этот уровень может быть представлен предвыборными лозунгами, агитационными материалами, используемыми в политических кампаниях.

Соотношение между этими уровнями можно проиллюстрировать примером из российской истории. К. Маркс в своем труде «Капитал» высказал убеждение, что неизбежно пробьет «последний час капиталистической частной собственности», когда «экспроприаторов экс-

проприируют». Политические партии, сделавшие марксизм идейной основой своей деятельности, трансформировали теоретическую формулу основоположника в программное требование национализации средств производства. Когда в России дело дошло до революционной практики, один из руководителей Октябрьской революции Лев Троцкий бросил в массы простой и доходчивый лозунг: «Грабь награбленное!».

Политическая идеология — феномен последних двух столетий, она представляет собой продукт модернизации, поскольку в традиционном обществе ничего подобного идеологии в современном значении этого слова не существовало. Место, которое в наши дни занимают политические идеологии, принадлежало религии. Политические идеологии формировались и оказывали возрастающее воздействие на социальную практику по мере секуляризации общества — освобождения его от религиозного влияния, хотя и сегодня влияние религии сохраняется, а временами даже возрастает (см. главу IV).

В современном мире существует множество идеологических течений. Некоторые из них имеют миллионы сторонников, другие же известны узкому кругу лиц. Также существуют различные типологизации и классификации политических идеологий. С точки зрения конфликтологического подхода важнейшим критерием выделения идеологических течений является их подход к путям и способам разрешения и урегулирования конфликтов. Исходя из этого идеологии делятся на две большие группы: умеренные и радикальные. Сторонники идеологии умеренного толка придерживаются преимущественно мирных, ненасильственных способов разрешения социальных конфликтов. Сторонники радикальных идеологий, напротив, выступают за быстрые и глубокие преобразования, не отрицая возможности политического насилия.

§ 2. Основные идеологические течения о путях разрешения социально-политических конфликтов

Умеренные идеологические течения, при всей несхожести их базовых ценностей и принципов, объединены тем, что отдают приоритет таким способам выхода из конфликтных ситуаций, которые не приводят к разрушению существующих общественных систем, а назревшие изме-

нения происходят постепенно и легитимно. К ним с некоторыми оговорками можно отнести все три так называемые «большие» идеологии современности: либеральную, консервативную и социалистическую.

Из современных политических идеологий *либеральная* — одна из старейших. Термин «либерализм» появился довольно поздно, к 40-м гг. XIX в., но как течение политической философии он существовал по крайней мере уже с XVII в. Появление либеральной идеологии было обусловлено начавшейся модернизацией западноевропейского общества и необходимостью борьбы против экономических и политических структур феодализма. Наиболее видными идеологами классического либерализма стали Дж. Локк и Д. Юм в Англии, Ш. Монтескье, Вольтер и Д. Дидро во Франции, И. Кант в Германии. Зарождение либеральной традиции за океаном связано с именами «отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки Джефферсона, Гамильтона, Франклина.

Представителями классической либеральной доктрины был выдвинут ряд идей, которые на всех этапах развития этой доктрины оставались определяющими. Прежде всего это идея об абсолютной ценности человеческой личности и вытекающее отсюда равенство людей от рождения. В рамках либеральной доктрины впервые был поставлен вопрос о неотчуждаемых правах человека — праве на жизнь, свободу, собственность. Государство понималось как результат общественного договора, главная цель которого — защита этих прав. На этой основе возникла концепция правового государства и были выдвинуты требования ограничить объем и сферу деятельности государства, защитить граждан от чрезмерного государственного контроля. Либерализм исходил из необходимости разделения власти, с тем чтобы каждая из ее ветвей не имела бы полного превосходства над другими и была бы для них сдерживающим ограничителем.

Наряду с политическими идеями классический либерализм декларировал и ряд важнейших принципов в сфере экономики. Экономическая доктрина либерализма также основывалась на требовании сократить государственное вмешательство и регламентацию. На практике это означало признание полной свободы частной инициативы и частного предпринимательства. По мнению одного из главных идеологов экономического либерализма А. Смита, свободное взаимодействие индивидов в их экономической деятельности в конечном счете приведет общество к такому состоянию, когда будут удовлетворены интересы всех социальных слоев. Следует отметить, что первоначальная тен-

денция совпадения политического и экономического либерализма в дальнейшем не сохранилась.

Исторический опыт показал, что две основополагающие ценности классического либерализма — свобода и равенство — противоречат друг другу. Этим противоречием было обусловлено его дальнейшее разделение. Левое направление либерализма ориентировалось на элементы эгалитаризма, свойственные раннему либерализму, и нашло свое воплощение в различных вариантах социального либерализма, нацеленных на осуществление социально-экономических реформ. Целью таких реформ должно было стать предотвращение острых социально-политических конфликтов, способных разрушить существующее общество и создать угрозу основополагающим правам и свободам граждан. Другое направление в большей степени вдохновлялось идеями экономического либерализма, отстаивая приоритет частной собственности и частного предпринимательства.

После Второй мировой войны реальное политическое влияние либералов во всех развитых странах значительно ослабло. Это было связано как с тем, что политические идеи либерализма осуществились на практике в большинстве цивилизованных стран, так и с тем, что в политической жизни либералов потеснили социал-демократы. Однако политические партии и организации либеральной ориентации и сегодня представляют собой влиятельную силу в некоторых странах. С 1947 г. существует Либеральный Интернационал, штаб-квартира которого располагается в Лондоне. В программных документах Либерального Интернационала, принятых в 1947, 1967 и 1981 гг., зафиксированы основные принципы политической идеологии либерализма применительно к современным условиям. Либералы считают, что политической свободы не может быть там, где государство полностью контролирует экономику, не оставляя места для частной инициативы. С другой стороны, экономическая свобода невозможна, если отсутствует свобода политическая и не соблюдаются права человека. Либералы выступают за социальную рыночную экономику, которая должна совмещать экономическую эффективность и социально ориентированные цели. Большое внимание уделяется гибкой налоговой политике. Налоги, по мнению либералов, должны поощрять предпринимательскую деятельность и обеспечивать равенство возможностей. Современная либеральная доктрина декларирует необходимость обеспечения полной занятости, ликвидацию бедности. Но либералы категорически возражают против эгалитаризма, они понимают равенство как равные для всех возможности для саморазвития и для того, чтобы вно-

сдать максимальный вклад в развитие общества. Принцип уважения человеческой личности и семьи для либералов по-прежнему лежит в основе общества; они считают, что государство не должно брать на себя полномочия, противоречащие основным правам граждан. Каждый гражданин должен обладать чувством моральной ответственности по отношению к другим членам общества и принимать участие в общественных делах.

Сегодня задачи реформирования общества либералы видят в укреплении реальной власти парламентов, повышении эффективности исполнительной власти и парламентского контроля над ней, децентрализации власти, юридической защиты прав личности и человеческого достоинства, тщательного уравнивания вмешательства и невмешательства государства для того, чтобы примирить интересы человека с интересами общества. В международном аспекте либералы декларируют приверженность принципам сохранения и укрепления мира и безопасности, разоружения, разблокирования региональных и международных конфликтов, развития отношений между странами.

Возникновение *консерватизма* как течения политической мысли относится к XVIII в. Он появился как реакция на распространение революционно-демократических идей эпохи Просвещения, и особенно — на Великую Французскую революцию. Отличительными чертами консерватизма стали традиционализм и реформизм, а также отрицательное отношение к революции. С самого начала аксиомой консервативной идеологии и политики было признание необходимости сохранить неравенство людей. Основатели консерватизма считали, что неравенство в общественном положении верхов и низов служит весьма сильным стимулом для развития общества, побуждая первых сохранять свое положение, а вторых — стремиться пробиться наверх, в ряды первых. Со временем консервативная идеология и политика многое заимствовали из теоретического арсенала либерализма.

После Второй мировой войны западноевропейскому консерватизму пришлось приспособляться к новым историческим условиям, и одной из форм такого приспособления стало появление христианско-демократических партий. Христианская демократия отражала значительную часть политического спектра Западной Европы — от социал-реформизма до правого консерватизма. В политическом курсе христианской демократии в самых разнообразных сочетаниях существовали либеральные и консервативные тенденции. Это во многом определялось широкой социальной базой христианско-демократического движения. В годы холодной войны христианская демократия в значи-

тельной степени сместилась вправо, а ее идеология сблизилась с классическими консервативными традициями.

Сегодня консервативные тенденции наиболее явно прослеживаются в политическом курсе Республиканской партии США. Ее теоретиками были сформулированы основные положения неоконсерватизма, воспринятые и в западноевропейских странах. В основе системы идейных ценностей современного консерватизма лежат следующие убеждения: в безнадежном несовершенстве природы человека, под маской цивилизованного поведения которого скрываются неразумие и греховность; в ограниченности человеческого разума и, следовательно, важности универсального морального порядка, санкционируемого и поддерживаемого религией; в особой роли, которая принадлежит в этой связи традициям, институтам, символам, ритуалам и даже предрассудкам; в ненадежности прогресса ввиду ограниченности поступательного движения, на которое способно общество; в естественном — физическом и умственном — неравенстве людей; в необходимости существования общественных классов и групп, а значит, и в безрассудности попыток социального уравнивания с помощью силы закона; в несовершенстве правления большинства, подверженного ошибкам и склонного к потенциальной тирании, и в связи с этим — в желательности рассредоточения и сбалансирования политической власти; в важнейшей роли частной собственности как гаранта личной свободы и социального порядка.

Представители неоконсерватизма считают, что основой всякого общества является предприниматель, выполняющий важнейшие экономические функции, прежде всего инвестирующий в производство большую часть своих доходов. Разумная экономическая политика должна защищать предпринимателя от сверхвысоких налогов. Способствуя образованию свободных капиталов, такая система стимулирует предложение капитала, а значит, содействует экономическому росту. Положение основной массы населения экономическая концепция неоконсерватизма рассматривает лишь как функцию от развития капитала. Если возрастут капиталовложения, увеличится объем продукции, то население окажется вовлеченным в производственный процесс и получит непосредственный материальный выигрыш. Этот выигрыш перекроет те потери, которые понесут трудящиеся в результате жесткой экономии, сокращения общественных расходов и социальных субсидий. А забота о беднейших и нетрудоспособных слоях населения должна возлагаться не на государственную систему обеспечения, а на частную благотворительность.

Неоднозначно отношение неоконсерваторов к проблемам демократии. С одной стороны, они декларируют свою приверженность политической демократии. Некоторые идеи неоконсерватизма и практические действия их сторонников имели антибюрократическую направленность и тем самым способствовали расширению демократических инициатив гражданского общества. С другой стороны, для неоконсерваторов характерен узкий подход к проблемам демократии, которую они стремятся ограничить лишь сферой чистой политики. Неоконсервативной идеологии свойственны элитаристские и патерналистские подходы к проблеме непосредственного участия масс в политике, что находится в противоречии с процессами повышения уровня образования, гражданской политической культуры, формирования личного достоинства значительной части населения западных стран.

Чрезмерный акцент на экономическую эффективность не позволяет консерваторам дать адекватные ответы на многие вопросы, которые ставит действительность западных стран в последние десятилетия, хотя практический курс неоконсерваторов в некоторых странах принес несомненные экономические успехи. Однако реальная политика консервативных правительств далеко не полностью соответствует рекомендациям неоконсервативных идеологов, так как демонтаж в полном объеме системы социальных гарантий был бы чреват серьезными социально-политическими потрясениями. В целом можно сказать, что консерваторы всегда стремились к разрешению общественных конфликтов на основе существующих традиций, в рамках закона, отдавая предпочтение социально-политической стабильности и порядку. В области международных отношений консерваторы исходят из необходимости противостоять угрозам национальной безопасности и готовы для этого использовать военную силу.

Самое влиятельное политическое движение, ориентирующееся на социалистические ценности, — *социал-демократия*. В момент своего возникновения социал-демократическое движение базировалось на марксистской платформе, одним из элементов которой было признание необходимости революционного преобразования капиталистического общества. Духовным отцом современной концепции демократического социализма и основателем реформистского течения внутри социал-демократии стал Э. Бернштейн. Он поставил ряд вопросов, связанных с тенденциями экономического и социально-политического развития капиталистических стран в конце XIX в. Задачу социалистического движения Бернштейн видел во внедрении в общественную жизнь

принципов солидарности, товарищества, справедливости в условиях мирной эволюции капиталистической экономики и развития демократических институтов. Историческим рубежом в идейной эволюции социал-демократического движения стал учредительный конгресс Социалистического Интернационала во Франкфурте-на-Майне, состоявшийся в 1951 г. В принятой конгрессом декларации «Цели и задачи Социалистического Интернационала» был провозглашен мировоззренческий нейтралитет социал-демократического движения. В декларации указывалось, что независимо от того, выводят ли социалисты свои убеждения из результатов марксистского или иного анализа, либо из религиозных и гуманистических оснований, все они стремятся к общей цели — обществу, где будет торжествовать социальная справедливость, лучшая жизнь, свобода, мир. Интегрирующей идейной концепцией социал-демократии стала концепция демократического социализма как «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом.

Социал-демократы трактуют демократический социализм как общество будущего, к которому они стремятся, и как длительную политическую стратегию социал-демократических партий, направленную на реформирование общества на основе принципов социальной справедливости, свободы, солидарности, мира, равенства и братства. Важнейшие составляющие демократического социализма как идеологии и политической стратегии — четыре основные цели:

- ◆ политическая демократия;
- ◆ экономическая демократия;
- ◆ социальная демократия;
- ◆ международная демократия.

Политическая демократия означает неприятие любых диктаторских или авторитарных форм правления, признание и отстаивание правового государства и прав человека. Социал-демократы выступают за свободу слова, профсоюзного движения, за политический плюрализм, предусматривающий возможность свободной смены у руля государственной власти партий в зависимости от результатов выборов.

Экономическая демократия означает внедрение демократических принципов в экономическую жизнь государства, создание такой системы, в которой доминировали бы интересы всего общества, а не частной прибыли. В то же время социал-демократы не стремятся к отмене частной собственности, частной инициативы и рыночной экономики. Они признают смешанную экономику, сочетание различных укладов;

в большей степени, чем либералы или консерваторы, привержены государственному регулированию в экономической и социальной сферах общества.

Социальная демократия — более высокая степень осуществления принципов демократического социализма по сравнению с политической и экономической демократией, когда эти принципы пронизывают все сферы общества. Социальная демократия означает торжество основных ценностей — свободы, справедливости и солидарности — при высоком уровне материального благосостояния всех членов общества.

Международная демократия воплощается в демократизации международных отношений, исключении войны и насилия, угнетения и эксплуатации народов.

Следует отметить, что при решении экономических и политических проблем на национальном уровне социал-демократы не всегда действовали в соответствии с официально провозглашенными принципами, предпочитая прагматический подход, направленный на привлечение голосов избирателей.

В 1989 г. XVIII Конгрессом Социнтерна был принят новый документ — «Декларация принципов Социалистического Интернационала». В этом документе анализируются те изменения, которые произошли в мире, целью демократического социализма провозглашается такое международное устройство, при котором можно будет укрепить основные ценности человеческой цивилизации, а каждый человек получит возможность развивать свои личные качества и таланты, пользуясь гарантиями гражданских прав в демократическом обществе. В документе подтверждается приверженность традиционным ценностям социал-демократии, указывается на различия между позициями социал-демократов, либералов, консерваторов и коммунистов в понимании этих ценностей. Если либералы и консерваторы придают основное значение принципу личной свободы в ущерб справедливости и солидарности, то коммунисты стремятся обеспечить равенство и солидарность за счет свободы, а социал-демократы придают этим принципам одинаково важное значение. На рубеже XX–XXI вв. международная социал-демократия вынуждена искать ответы на вызовы глобализации. Пока выработать собственную альтернативу нелиберальной модели этого процесса социал-демократам не удалось, но они по-прежнему активно выступают за поиск новых решений многочисленных проблем современного мира, мирных путей урегулирования внутренних и международных конфликтов.

§ 3. Радикальные идеологические концепции и политический экстремизм

Идеи *радикализма* лежат в основе политических действий, нацеленных на коренное, радикальное, быстрое изменение существующих социальных и политических институтов. Нередко понятия «радикализм» и «*экстремизм*» употребляются как синонимы, однако между ними есть различия. Радикализм — это теоретическое обоснование политического действия, а не само действие, он вообще может быть не связан с политикой, а представлять собой лишь абстрактную теорию. Экстремизм же проявляется в практической политической деятельности, в использовании крайних, преимущественно насильственных средств политической борьбы. Радикализм всегда представляет собой какое-либо идеологическое течение, а экстремизм может быть полностью бездейственным.

Политический радикализм подразделяется на два типа — правый и левый. Такое его деление соответствует разделению на левые и правые политические идеологии и движения.

Леворадикальные течения основываются на идеологических концепциях, резко критикующих неравенство и несправедливость, и призывают к быстрым и резким способам достижения социального равенства и социальной справедливости. Праворадикальные движения основываются на представлениях об имманентном превосходстве какой-либо группы (расовой, национальной, социальной, религиозной) над всеми остальными и стремятся закрепить привилегированное положение таких групп. К леворадикальным идейно-политическим течениям относят *анархизм*, *марксизм* и такие его разновидности, как *маоизм*, *троцкизм*. К праворадикальным течениям относятся *фашизм*, *неофашизм*, крайние формы *национализма* и религиозной нетерпимости, *расизм*. И левый, и правый радикализм способны воспроизводить экстремизм и быть идеологической основой политического насилия и терроризма.

Одной из первых леворадикальных идеологических концепций был анархизм, возникший как направление политической мысли в середине XIX в. У его истоков стояли французский философ П. Ж. Прудон и немецкий философ М. Штирнер. Известными анархистами были также русские мыслители М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. Основным принципом анархизма — отрицание государства и его отдельных институтов, а также всякой насильственной власти в целом. Анархисты при-

зывали к освобождению человека, обладающего внутренней потребностью к свободе, от всех форм экономического, политического и духовного порабощения. Главным инструментом этого порабощения они считали государство и официальную религию, поэтому весь пафос отрицания направляли против них.

Анархизм включает в себя три основных течения: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм. Представители *анархо-коммунизма* считали, что на смену государству должна прийти децентрализованная конфедерация самоуправляющихся коммун, основанных на общественной собственности. *Анархо-индивидуалисты* выступали против государства и против капиталистических форм организации крупного производства, но считали возможным существование частной собственности для мелких производителей — крестьян и ремесленников, полагая, что социальной гармонии можно достичь организацией справедливого товарообмена. *Анархо-синдикалисты* выражали надежду на деятельность революционных профсоюзов, поскольку в них видели зародыш будущего децентрализованного, эгалитарного и неиерархического общества.

Большинство анархистов отрицали легальные формы политической борьбы и были сторонниками революционного насилия. В середине XIX в. анархисты отдавали предпочтение организации массовых восстаний, а позже перешли к тактике индивидуального террора. В конце XIX — начале XX в. в Западной Европе и Северной Америке именно они более всего использовали революционный террор. После Второй мировой войны классический анархизм утратил свое значение, но его идеи оказывают некоторое влияние на деятельность левоэкстремистских организаций и группировок.

Марксизм в целом было бы неверно отождествлять только с леворадикальной идейной традицией, поскольку это учение содержит в себе множество идей философского, экономического, социологического характера, не утративших своего важного значения для современной науки и общественной практики. Но революционная доктрина марксизма нашла свое выражение в ряде леворадикальных концепций, возникших в рамках коммунистического движения XX столетия. Одной из таких концепций был *троцкизм* — леворадикальное идейно-политическое течение, связанное с именем одного из руководителей Октябрьского переворота 1917 г. в России Л. Троцкого. После смерти В. Ленина Л. Троцкий потерпел поражение во внутрипартийной борьбе, был отстранен от руководства, исключен из большевистской партии и выслан из СССР. В эмиграции он пытался продолжать борьбу со

Сталиным и пропагандировал свои взгляды среди зарубежных коммунистов и других левых радикалов.

Центральное место в концепции Л. Троцкого занимала так называемая «теория перманентной (непрерывной) революции». В соответствии с этой теорией русская революция, начавшись как «буржуазная», должна была привести к образованию «рабочего правительства», которое непременно вступит в конфликт с крестьянским населением страны. И этот конфликт может разрешиться только «на арене всемирной революции пролетариата». Мировая революция должна развиваться до своей полной победы во всемирном масштабе. А пока это не произошло, могут существовать лишь «рабочие государства», каким и был для Л. Троцкого Советский Союз. Но и Советскому Союзу незавершенность мировой революции грозит перерождением, поскольку «рабочая демократия» уступила место, по его мнению, диктатуре бюрократии. Причем бюрократическое перерождение произошло не только в Советском Союзе, но и в Коммунистическом Интернационале, поэтому Троцкий предпринял попытку объединить своих сторонников в новый, IV Интернационал.

После смерти Л. Троцкого единое организованное движение его сторонников перестало существовать. Троцкистские идеи пользовались популярностью у некоторой части левых радикалов. Троцкистские группы либо использовали тактику энтризма (внедрения в другие левые партии и организации), либо действовали самостоятельно, проявляя склонность к экстремизму и террористическим методам.

Леворадикальным течением XX в., возникшим на марксистской основе, был *маоизм*. Этим термином принято обозначать совокупность идей, концепций и практику их осуществления, связанных с именем председателя ЦК Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна. Идейное наследие Мао Цзэдуна противоречиво. В нем можно найти как воспроизведение догм сталинского «марксизма-ленинизма», так и оригинальные суждения и мысли самого лидера китайских коммунистов. В разное время Мао Цзэдун высказывал прямо противоречащие друг другу мысли, часто отклоняясь то «влево», то «вправо» от ортодоксальной коммунистической доктрины. Особенности интерпретации и практического использования идей Мао Цзэдуна отличались в самом Китае, в странах Юго-Восточной Азии и в странах Западной Европы и Латинской Америки.

По отношению к Китаю применение термина *маоизм* не совсем корректно, поскольку этот термин имеет не китайское происхождение. В современных официальных документах КПК используется термин

«марксизм — ленинизм — идеи Мао Цзэдуна», суть которого определяется как «соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Сегодня идеи Мао Цзэдуна разделены на «правильные» и «неправильные». К «неправильным» отнесены некоторые левацкие установки времен «большого скачка» и «культурной революции». К «правильным» — те, которые обосновывают курс экономических реформ в КНР.

В Юго-Восточной Азии местные коммунисты использовали те идеи Мао Цзэдуна, в которых говорилось о приоритете вооруженного насилия («винтовка рождает власть»), о партизанских формах вооруженной борьбы (теория «народной войны») и о ведущей роли крестьянства в этой борьбе (теория «окружения города деревней»). Коммунистические партии, вставшие на путь «идей Мао Цзэдуна», втянулись в затяжные, многолетние партизанские войны, часто сопровождавшиеся террористическими акциями. Но, потеряв в 1980-е гг. поддержку Китая, они исчезли как реальная политическая сила.

В Западной Европе маоизм стал популярен у леворадикальной молодежи в конце 60-х гг. XX в. Ее привлекала ультраревOLUTIONARY риторика тогдашней китайской пропаганды, призывы к бескомпромиссной борьбе с мировым империализмом. Руководство КПК, пытаясь перехватить лидерство у КПСС в коммунистическом движении, выделяло деньги на создание и содержание ориентированных на Китай леворадикальных организаций. На некоторых европейских левых интеллектуалов большое влияние оказала китайская «культурная революция», в которой они увидели народное восстание против бюрократического сталинского режима, а также утверждение в Китае принципов крайнего эгалитаризма. Высказывание Мао Цзэдуна «Бунт — дело правое», обращенное к китайским хунвейбинам и цзаофаням, вдохновляло многих участников студенческих волнений в конце 1960-х гг. в Западной Европе и Северной Америке. Радикальные идеи и экстремистские установки, характерные для западноевропейской версии маоизма, подталкивали ее сторонников на прямые насильственные действия, в том числе и к терроризму.

В Латинской Америке маоистскими идеями также увлекались крайне левые в региональном коммунистическом движении. Здесь на китайские деньги пытались создавать альтернативные по отношению к просоветским компартиям структуры. Но в Латинской Америке левые радикалы пытались связать китайский и кубинский опыт партизанской войны. Подобный синтез подтолкнул многих латиноамериканских левых к использованию вооруженного насилия в разрешении

многочисленных социально-политических конфликтов, традиционно присущих странам этого континента.

Наиболее характерным примером праворадикальной идеологии и политической практики в XX в. стал *фашизм*. Этот термин употребляется в трех значениях:

- 1) для обозначения одного из видов праворадикального движения и присущей ему идеологии;
- 2) для обозначения конкретной формы такого движения и идеологии в Италии;
- 3) как название одного из основных типов тоталитарного политического режима.

Термин *фашизм* происходит от латинского и итальянского слова *fascio*, что означает «связка прутьев» — один из символов власти в Древнем Риме, а также «союз, объединение» сторонников каких-либо общественных или политических целей. Оба значения данного слова были использованы Б. Муссолини в Италии после окончания Первой мировой войны. Бывший лидер крайне левого крыла Итальянской социалистической партии Б. Муссолини, перешедший во время войны на крайне националистические позиции, создал объединившую ветеранов-фронтовиков организацию, которая получила наименование «Союз бойцов». На основе этой организации вскоре возникла политическая партия, сохранившая в своем названии корень «фаши» — «Национальная фашистская партия». Итальянские фашисты активно использовали политическую символику Римской империи, в том числе и изображение связки прутьев с выглядывающим из нее топором. Вскоре термин *фашизм* приобрел международное значение и стал обозначать движения, схожие по своей идеологии и политической практике с итальянской фашистской партией.

Для всех разновидностей фашизма присущи некоторые общие черты. В идеологии — это крайний национализм и шовинизм, антилиберализм и антимарксизм. В представлении сторонников фашистских идеологических концепций интересы нации, ее величие и чистота являются главным приоритетом, а человек по своей природе — существо иррациональное, ничем не отличающееся от животных. Фашизм обожествлял культ силы и отрицал либеральные принципы политической демократии и марксистские представления о возможности экономического и социального равенства. Невозможность равенства объяснялась врожденным неравенством между отдельными индивидами, нациями и расами. Марксистским идеям классовой борьбы фашисты

противопоставляли идеи социального мира внутри нации, с одной стороны, и идеи неизбежных конфликтов и борьбы между нациями, расами и государствами — с другой.

Фашизм отрицал демократию и стремился к утверждению тоталитарной модели политического устройства. Важнейшим принципом его идеологии и политической практики был культ вождя, который должен был обладать абсолютной властью и непосредственно руководить нацией, минуя парламентские механизмы, через массовые митинги и демонстрации. Фашистской идеологии была присуща антикапиталистическая направленность, поскольку капиталистическая конкуренция раскалывает нацию, а свобода международной торговли способствует ее подчинению внешним плутократическим силам. Утверждая приоритет интересов нации, фашисты ставили общее благо выше личного, декларировали презрительное отношение к богатству и погоне за прибылью. Итальянские и германские фашисты осуществляли широкомасштабные меры по государственному регулированию экономики с целью ее милитаризации и подготовки к войне. Отвергая равноправные международные экономические связи, фашисты делали ставку на создание автаркического, т. е. изолированного, замкнутого на себя, хозяйства и захват обширных колониальных владений, которые обеспечивали бы получение любых видов сырья, дешевой рабочей силы и возможности сбыта готовой продукции.

Социальной базой фашистского движения 20–30-х гг. прошлого века был низший слой среднего класса, отличавшийся невысоким уровнем образования, обремененный различными суевериями и предрассудками, одинаково ненавидевший крупный капитал и организованное рабочее движение. Фашистские лидеры активно пользовались политическим опытом своих противников. У европейских социал-демократов и коммунистов они заимствовали практику создания массовых партий и движений, у русских большевиков — технологию захвата власти и создания однопартийной диктатуры. Фашистские партии и движения появились в период между Первой и Второй мировыми войнами во многих европейских странах, но более всего фашизм ассоциируют с германским *национал-социализмом*, или *нацизмом*.

В отличие от Италии, в Германии фашистское движение имело более глубокие идеологические и политические корни. Еще до Первой мировой войны здесь распространялись правоконсервативные концепции националистического, «почвеннического», антисемитского толка. Эти концепции пытались противопоставить марксистскому социализму немецкий, самобытный эквивалент. Такой попыткой было

создание в начале XX в. в Богемии, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи, «Немецкой рабочей партии». Руководители этой партии противопоставляли интересы немецких и чешских рабочих и утверждали, что социализм должен развиваться на национальной основе. После окончания Первой мировой войны эта партия перенесла свою деятельность на территорию Германии, в город Мюнхен, приняв в 1918 г. название «Германская национал-социалистическая рабочая партия». Возглавивший партию в 1919 г. А. Гитлер сумел превратить ее из маргинальной правоэкстремистской организации, которых было много в послевоенной Германии, в многочисленную и влиятельную партию.

Идеологическая платформа нацистской партии соответствовала принципам фашистской идеологии. Отличительной же чертой германской разновидности фашизма стала расовая теория и воинствующий антисемитизм. Немцы были объявлены представителями высшей, «арийской» расы с правом господства над другими «неполноценными» народами. Все беды Германии связывались со «всемирным еврейским заговором», проявление которого нацисты видели и в господстве еврейского финансового капитала, и в марксизме, и в коммунистическом движении, и в Версальском мире, и в Октябрьской революции в России.

Нацизм несет ответственность за развязывание Второй мировой войны, за многочисленные военные преступления, совершенные гитлеровской армией, за миллионы жертв нацистского террора. Идеология и политика национал-социализма на Нюрнбергском трибунале были названы преступными, а все нацистские организации запрещены. Однако после Второй мировой войны нашлись силы, которые попытались в той или иной степени продолжить традиции фашизма. Речь идет о *неофашизме*, ставшем идеологической основой для некоторых праворадикальных организаций и движений в ряде государств мира. Неофашизм воспроизводит крайний национализм, враждебность принципам либеральной демократии. Неофашисты проявляют склонность к политическому экстремизму, используют террористические формы деятельности.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные функции политической идеологии.
2. В чем либерализм видит природу социальных конфликтов и какие пути предлагает для их разрешения?

3. Как рассматривались и рассматриваются сейчас проблемы социальных и политических конфликтов в политической идеологии консерватизма?
4. Как менялись представления о путях урегулирования социальных конфликтов в процессе эволюции социал-демократической идеологии?
5. Как соотносятся между собой понятия «радикализм» и «экстремизм»?
6. Объясните происхождение термина «фашизм».
7. Назовите основные черты фашистской идеологии.
8. Существует ли в современной России угроза фашизма? В чем она проявляется?
9. Назовите общие черты леворадикальных идеологических концепций.
10. В каких регионах современного мира леворадикальная идеология наиболее влиятельна и в чем причины такого влияния?

Глава IV

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Религия как социальный институт

В современном мире существует множество религий и религиозных верований. Возраст таких мировых религий, как буддизм и христианство, исчисляется несколькими тысячелетиями. На протяжении всей истории человечества религия оставалась важнейшей составляющей жизни общества. Поиски духовных ориентиров, точек опоры в быстро меняющемся мире приводят к тому, что в настоящее время роль религиозного фактора возрастает. Связано это во многом с тем, что религия — важнейший социальный институт, который включает в себя систему социальных норм, ценностей, ролей, обычаев, верований, ритуалов, стандартов поведения.

Существует множество определений понятия *религия*. В социологической науке можно выделить два основных подхода к определению этого понятия: содержательный и функциональный. В содержательном подходе внимание уделяется сущности религии. Известный французский социолог Э. Дюркгейм отмечал, что религия связана со «священными вещами», она представляет собой коллективную деятельность, в которую вовлечена социальная группа. Таким образом, религию следует рассматривать прежде всего как социальный феномен, способствующий укреплению общества. Функциональный подход связан с изучением характерных черт религиозного поведения. Согласно функциональной теории, любые убеждения и верования, в которых решаются фундаментальные вопросы человеческой жизни, могут быть названы религией. Основоположником этого подхода считается М. Вебер, в его исследованиях объектом изучения служит личность, которая через свои ценности влияет на религию.

На основании этих двух подходов формулируется общее социологическое определение религии. Религия — это феномен, который объ-

единяет культурную, социальную и личностную системы в единую организованную структуру, воздействующую на процессы изменения и развития общества. Религия — это органическая часть общественной жизни, и на разных этапах развития человеческого социума характер связей между религией и обществом варьируется. Религия также входит в понятие культуры: с одной стороны, тип религиозной жизни связан с культурой определенного региона, с другой — культура во многом складывается и функционирует на основе религии.

Религия как социальный институт имеет свою структуру. Религиозное учение, которое обычно зафиксировано в Священном Писании и комментариях к нему, представляет собой важную часть религии. В христианстве таким Священным Писанием является Библия, в исламе — Коран. В центре религиозной структуры находится культ — система ритуалов, выполняемая священнослужителями и верующими с целью взаимодействия со сверхъестественными силами. К таким ритуалам относятся храмовые службы, молитвы, шествия, религиозные проповеди. Важное место в структуре религии занимает церковь — религиозная организация, объединяющая верующих. На разных этапах развития человеческого общества церковь выполняла различные функции, однако роль ее всегда была очень высока.

Как и любой другой социальный институт, религия выполняет в обществе ряд определенных функций. Можно выделить следующие функции религии.

1. *Мировоззренческая.* Религия задает некие абсолюты, с помощью которых осмысливается мир и дается оценка обществу, человеку, придается смысл бытию.
2. *Компенсаторная.* Религия и религиозная вера восполняют ограниченность, бессилие людей, помогают уходить от ощущения собственной беспомощности, снимают психологическое напряжение.
3. *Коммуникативная.* Можно выделить два уровня коммуникации: общение верующих друг с другом посредством религиозных организаций и религиозной деятельности и общение верующего с Богом через молитву и т. д.
4. *Регулятивная.* Через ценности, нормы, традиции, стереотипы, обычаи, мнения осуществляется управление деятельностью индивидов и групп.
5. *Интегрирующая.* Религия поддерживает стабильность того или иного общественного фактора. Однако в поликонфессиональных обществах религия может играть дезинтегрирующую роль.

6. *Культуротранслирующая*. Религия не только способствовала развитию определенных слоев культуры — письменности, книгопечатания, искусства, — но и осуществляла передачу накопленного наследия из поколения в поколение.
7. *Легитимирующая*. Религия может способствовать узакониванию некоторых общественных порядков, институтов, отношений, норм.

Религия влияет на государство и политику, межнациональные отношения и экономику, общество и семью через индивидов, группы и организации. Однако степень влияния религии изменяется в соответствии с процессами *сакрализации* и *секуляризации*. Процесс сакрализации (от лат. *sacer* — священное) означает повышение роли церкви в общественной жизни, расширение поля действия и влияния религии в обществе, тогда как процесс секуляризации представляет собой освобождение общественных институтов от церковного влияния.

§ 2. Политика и религия

Вопрос о соотношении религии и политики в обществе — не простой. Что есть политика? Единого определения этого понятия не существует. Древнегреческий философ Платон считал, что политика — это искусство жить вместе; социолог М. Вебер определял политику как стремление к участию во власти; известный немецкий государственный деятель и дипломат Бисмарк — как искусство возможного. С одной стороны, политика упорядочивает общественную жизнь, регулирует отношения в социально дифференцированном обществе. С другой стороны, стержень политики составляет власть, а стремление различных социальных групп и отдельных индивидов к участию в осуществлении власти приводит к тому, что сфера политики — это сфера политической борьбы, конфликтов и конкуренции.

Как уже было указано выше, религия также играет регулятивную функцию в обществе, стремясь обеспечить равноправное и мирное существование людей, различающихся по социально-статусным и имущественным позициям. Первобытные люди, исповедовавшие культ неба и земли, поклонявшиеся тотемам прародителей рода, признавали власть сверхъестественных сил. Во многих религиях, например в христианстве, можно проследить связь идеи политической власти с властью церковной, она воплощается в идее божественного направления дел человеческих. На протяжении веков для традиционных мусульманских государств было характерно полное сращивание государст-

венной и церковной власти. Глава государства (халиф, падишах) считался преемником пророка Мухаммеда, высшее духовенство играло роль политических советников, а уголовное и гражданское право было основано на религиозных законах — шариате. Таким образом, все сферы жизни общества — семья, культура, правовые отношения, политика — подвергались вмешательству со стороны ислама. Чем более значительную роль играл в жизни страны религиозный фактор, тем более сильное влияние он оказывал и на отношения государства и церкви.

Можно выделить три основных исторических типа отношений церкви и государства.

1. Верховенство государственной власти над церковной. Так, например, в XIV в. по приказу французского короля Филиппа IV резиденция римских пап была перенесена в город Авиньон, располагавшийся на территории Франции, папство использовалось французскими монархами в политических целях. Этот период, длившийся с 1309 по 1377 г., носит название «Авиньонское пленение».
2. Подчинение государства церковным учреждениям. В традиционных исламских государствах мусульманское духовенство выполняло светские функции, полностью контролируя политическую сферу.
3. Взаимное невмешательство государства и церкви. Такая ситуация характерна для большинства стран современной Западной Европы.

В современном западном обществе государство и церковь сосуществуют параллельно друг другу. Религия способствует обоснованию и поддержанию общественных ценностей, в том числе и политических, что влияет на отношение общества к закону и власти. Церковные институты могут представлять интересы отдельных социальных групп, способствовать усилению их влияния. Религиозные организации принимают участие в политическом процессе через активную идеологическую деятельность. Такая взаимосвязь религии и политики обусловлена тем, что для большинства людей религиозная вера является частью национальной культуры и неотделима от образа жизни и основ социально-политического устройства общества.

В современном мире речь может идти о трех основных формах взаимодействия религии и политики.

Во-первых, об использовании религии в политических целях. Например, в 1991 г. иракский лидер Саддам Хусейн мотивировал нападе-

ние на Кувейт тем, что королевская семья Кувейта ведет себя не в соответствии с нормами ислама.

Во-вторых, о влиянии религии на политику в рамках установленных законом или общепринятых процедур. В Западной Европе церковь стремится влиять на законодательство через общепринятые демократические каналы. В таких государствах, как Испания, Португалия, Италия церковь полемизирует с государством по вопросам семьи и образования.

В-третьих, о сакрализации политических институтов. В качестве примера можно привести Японию, где национальная религия — синтоизм — является духовной основой японских политических институтов.

В современном мире религия все еще продолжает выполнять функции, сходные с функциями идеологии, что приводит к ее политизации. Однако это не всегда означает, что общество становится более религиозным. Очень часто, особенно в странах третьего мира, недовольство социально-экономическими или политическими реалиями выражается в форме религиозных волнений, направленных на достижение некоей высшей справедливости. В этих случаях религия может выступать альтернативой таким идеологиям современности, как консерватизм, либерализм или социализм. Как уже было сказано выше, религиозная вера представляет собой органичную часть национальной культуры. Процессы глобализации, которые зачастую способствуют вестернизации традиционных обществ, могут приводить к усилению тенденций национализма, способствующих сохранению самобытной культуры; религия в таких случаях становится важной частью националистических программ.

Эти особенности общественного развития приводят к тому, что религиозный фактор все чаще играет важную роль как во внутренних, так и в международных конфликтах. Что лежит в основе таких явлений, как средневековые Крестовые походы или террористические акты современных исламских фундаменталистов? На первый взгляд, в основе этих агрессивных действий лежит религиозная вера. Значит ли это, что в религии изначально содержатся нормы и предписания, призывающие к насилию и экспансии? Мировые религии, т. е. буддизм, христианство и ислам в их классическом варианте, основаны на терпимости и человеколюбии, они не призывают напрямую к борьбе с инакомыслящими. Однако религия и церковь обладают особыми возможностями воздействия на мировоззрение и поведение верующих. Истолкование божественных заветов — монополия священнослужителей,

и такая монополия часто приводит к тому, что наибольшее внимание уделяется одним догматам в ущерб другим. Например, исламские фундаменталисты используют понятие *джихад* для обозначения войны с неверными во имя распространения мусульманской веры. Однако с арабского языка *джихад* переводится как «усилие». Если в первые века распространения ислама джихад действительно трактовался как война, причем война оборонительная, то начиная с XIV в. концепция джихада усложняется: наивысшим проявлением считается джихад духовный, т. е. внутреннее самосовершенствование на пути к Аллаху. Таким образом, джихад можно истолковать и как обоснование приложения максимальных усилий для процветания государства, и как оправдание для терактов — все зависит от политических задач того или иного лидера.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что в исламе изначально заложены прозелетизм¹ и определенная агрессивность в вопросах распространения веры. Эти особенности ислама способствуют использованию его в качестве политической платформы. Буддизм, напротив, носит сугубо мирный характер. В нем, в отличие от ислама и христианства, не разрабатывается единый мировой порядок божественного происхождения. Однако корни печально знаменитой японской секты «Аум Синрикё», в 1995 г. совершившей теракт в токийском метро, изначально уходят в буддизм. Основатель секты Сёко Асахара ставил перед собой цель захватить власть сначала в Японии, а затем и по всему миру. «Мирный» характер буддизма опровергается и некоторыми буддологами-востоковедами: в канонических буддистских текстах можно найти оправдание необходимости и справедливости захватнической политики.

Немецкий философ К. Шмитт в своем определении политики указывал, что политические действия и мотивы можно свести к различию друга и врага. Политический враг не всегда морально зол, но всегда представляет собой чуждое, иное. Используя религиозную веру и религиозные символы, можно придать сакральность любому политическому конфликту, что, в свою очередь, приводит к сакрализации врага, делает его воплощением вселенского зла. Таким образом, именно религиозный фактор становится одним из наиболее удобных при использовании в политических целях для оправдания насилия и агрессии.

¹ Прозелетизм — активная, иногда принимающая агрессивные формы, миссионерская деятельность по распространению своей веры, в том числе и на территории, где традиционно господствовала другая религия.

§ 3. Религиозные конфликты в современном мире

Существует ряд постоянно действующих факторов, которые могут привести к возникновению религиозных конфликтов. Эти факторы таковы.

Поликонфессиональный характер государства. Наиболее ярким примером действия этого фактора может служить ситуация в Ливане. Ливан — уникальная страна по конфессиональному составу, в нем проживают более двадцати религиозных групп. Свыше половины населения составляют мусульмане (сунниты, шииты, друзы), около 25 % ливанских арабов — христиане-марониты. В Ливане проживают армяне и греки, исповедующие христианство, курды и палестинские беженцы, в массе своей относящиеся к мусульманам, но среди них есть и последователи христианства. На протяжении веков каждая этнорелигиозная община стремилась сохранить свой обособленный характер, при этом лояльность клану всегда ставилась выше верности государству. Таким образом, религиозные общины сосуществовали как отдельные социокультурные группы. В 1943 г., когда Ливан стал независимой республикой, был заключен негласный Национальный пакт, который предусматривал систему распределения высших должностей в зависимости от принадлежности к религиозной общине (президент республики — христианин, премьер-министр — мусульманин-суннит, а председатель парламента — мусульманин-шиит). Христиане-марониты, традиционно составляющие наиболее состоятельную часть ливанцев, благодаря такому распределению власти значительно укрепили свои позиции в стране, что не могло не вызывать недовольства у мусульманского населения. Создание ОАР¹ в 1958 г. активизировало деятельность мусульман в Ливане и привело к вооруженным столкновениям. В 1960-х гг. Ливан оказался втянут во внутриарабские конфликты, в результате шестидневной войны 1967 г. и наплыва палестинских и иорданских беженцев он превратился в один из главных центров деятельности антиизраильских политических организаций. В 1975–1976 гг. спорадические столкновения между мусульманами и христианами переросли в кровопролитную гражданскую войну. В состав мусульманской коалиции вошла Организация Освобождения

¹ ОАР — Объединенная Арабская Республика. Была создана в результате референдума 1958 г., в ее состав вошли Египет и Сирия. В 1961 г. после военного переворота Сирия вышла из состава ОАР, однако это название сохранялось за Египтом вплоть до 1971 г.

Палестины (ООП), на помощь маронитам пришел Израиль. В результате посреднической деятельности ЛАГ¹ ситуация в стране стабилизировалась, на ливано-израильской границе была создана буферная зона для защиты Израиля от базирующихся в Ливане боевых отрядов ООП. В 1982 г. израильские войска вторглись на территорию южного Ливана для того, чтобы вытеснить оттуда ООП, что и было сделано, а для стабилизации обстановки были введены межнациональные силы (США, Великобритании, Франции и Италии). Мусульманская коалиция (включавшая движение АМАЛЬ, которое поддерживала Сирия, исламский АМАЛЬ, Хезболлах, которые поддерживал Иран), не признала ливано-израильского соглашения и начала осуществлять диверсионные действия против иностранных войск, что привело к их выводу в 1984 г. Окончательное истощение сил мусульманской и маронитской коалиций побудило воюющие стороны заключить в 1989 г. Хартию национального согласия. В стране остались сирийские войска, и суверенитет Ливана был существенно ограничен. Период относительного затишья закончился, когда в 2005 г. бывший премьер-министр Ливана Харири был убит. На волне массовых выступлений, спровоцированных этим убийством, а также под давлением западных стран сирийские войска наконец-то покинули Ливан. Новое прозападное правительство не смогло взять под свой контроль ситуацию в стране, и межконфессиональные противоречия вновь обострились. Шиитская проиранская группировка Хезболлах (ее лидер – шейх Насралла) контролировала южные районы Ливана, пограничные с Израилем; власть центрального правительства в этих районах была номинальной. Летом 2006 г. действия боевиков Хезболлы спровоцировали очередное израильское вторжение на территорию Ливана. Израильская армия предприняла массовые бомбардировки, что привело к жертвам среди мирного населения. Боевики Хезболлы оказали упорное сопротивление, и впервые за много лет военная акция Израиля не достигла своих конечных целей. Под давлением международного сообщества израильские войска покинули территорию Ливана, в южные районы страны были введены регулярные части ливанской армии и международные миротворческие силы, но внутривнутриполитическая ситуация в Ливане, прежде всего в конфессиональной сфере, осталась крайне напряженной.

¹ ЛАГ – Лига арабских государств. Международная региональная организация арабских стран.

Особенности государственного строительства. Большинство стран Азии и Африки долгое время находились в колониальной или полуколониальной зависимости от европейцев и обрели суверенитет около пятидесяти лет назад. Зачастую новые государства создавались метрополиями без учета исторически сложившихся общностей (в том числе и религиозных), а границы проводились в зависимости от политической и военной конъюнктуры. В результате общности, исповедовавшие одну и ту же религию, оказывались разобщенными. Такая ситуация сложилась, например, в Эфиопии, в состав которой входили народности и территории, отличающиеся в этническом и религиозном отношении и сохранявшие определенную долю самостоятельности. В 1993 г. в результате многолетней гражданской войны провинция Эритрея превратилась в самостоятельное государство, где основная религия — ислам, тогда как население Эфиопии исповедует христианство.

Дискриминация отдельных религиозных групп населения, проявляющаяся в социально-экономическом неравенстве, а также в преобладании в политической элите страны представителей определенной конфессии. Такая ситуация сложилась, например, в Ираке, где исторически господствовало арабское суннитское меньшинство, в то время как большая часть арабского населения была представлена шиитами; кроме того, на севере страны проживают курды. Такое положение сохранялось как при короле, вплоть до революции 1958 г., так и при последующих режимах, включая правление Саддама Хусейна. Господство суннитов вызывало недовольство у шиитского большинства, что привело к шиитскому восстанию 1991 г. Конфликт между суннитами и шиитами дал о себе знать и во время событий 2003 г. Быстрое падение режима Саддама Хусейна, всех его государственных и общественных институтов во многом было связано именно с тем, что значительная часть населения Ирака к началу вторжения американо-английских войск не поддерживала существующую политическую систему. Последние годы шииты играют все большую роль в политической жизни Ирака, они доминируют во вновь созданных органах власти, государственной безопасности и армии. Это, в свою очередь, вновь порождает конфликтную ситуацию внутри Ирака и провоцирует террористическую деятельность суннитских боевиков. Этот же фактор спровоцировал и внутренний конфликт на Филиппинах, где дискриминированное мусульманское меньшинство в 1969 г. подняло восстание под лозунгами свержения филиппинского «колониализма».

Экономическая, военная идеологическая или политическая поддержка оппозиционного религиозного движения извне. Особую роль этот фактор может сыграть в том случае, если на территории двух и более государств проживают приверженцы одной религии. Действие этого фактора становится очевидным при рассмотрении проблемы сепаратистского движения в индийских штатах Джамму и Кашмир. В 1947 г. британская Индия приобрела независимость, на ее территории на основе религиозного принципа было создано два государства: Индийский союз (большинство населения — индуисты) и Пакистан (большинство населения — мусульмане), причем территория Индийского союза разделяла Пакистан на Западный (современный Пакистан) и Восточный (современный Бангладеш). Княжествам было предоставлено право самостоятельно принимать решение о вхождении в состав Индии или Пакистана, в результате чего княжество Кашмир, несмотря на преимущественно мусульманский состав населения, вошло в состав Индии. Конфликт в Кашмире вылился в первую индо-пакистанскую войну, в ходе которой северо-западная часть княжества отошла Пакистану, другая часть — Индии, эти земли были соединены с сопредельными районами и составили индийский штат Джамму и Кашмир. Участники сепаратистского движения в этом штате требуют воссоединения со своими единоверцами в Пакистане. Ситуация осложняется тем, что восточная часть штата исторически тяготеет к Тибету, и после победы китайской революции в 1949 г. КНР стала также проявлять интерес к вопросу о Кашмире, так как Тибет находится под китайским контролем.

Вмешательство одних государств в дела других под предлогом борьбы с нарушениями прав единоверцев. В качестве примера можно привести ирано-иракский конфликт, начавшийся в 1980–1988 гг. Причиной этого конфликта стали соперничество за доминирование в регионе, а также экономические интересы — борьба за нефтяные месторождения в зоне Персидского залива. Однако в качестве одной из официальных причин было названо противостояние суннитов и шиитов. Другим примером могут служить события в Югославии: несмотря на введение эмбарго на поставку оружия, мусульмане Боснии и Герцеговины получали военную помощь от других мусульманских государств, что осложняло разрешение данного конфликта.

Иногда *вмешательство политики в сферу религии* приводит к конфликтам среди сторонников одного и того же религиозного учения внутри представителей одной конфессии. Такова, например, ситуация в современной Украине. Исторически сложилось так, что на западе

этой страны в свое время утвердилась Уния, связавшая православную церковь с католическим Римом. Униатская церковь сыграла в свое время важную роль в формировании украинского национализма. В годы советской власти униатская церковь на территории Украинской ССР была насильственно ликвидирована, а ее приходы включены в состав Русской православной церкви. В последние годы перестройки сторонники униатской церкви стали выступать за ее легализацию и добились этого. В результате возникло противостояние между православными и униатами в западных регионах Украины. В этот религиозный конфликт стали вмешиваться политические силы националистической ориентации, активно поддерживающие униатов. Но этим вмешательство политического фактора в религиозную жизнь украинского общества не ограничилось. После обретения Украиной независимости некоторые из политических деятелей стали активно выступать за создание православной церкви, не зависимой от Московского патриархата. Итогом этого стал раскол украинского православия. Наряду с Украинской православной церковью, подчиняющейся Московскому патриархату и являющейся автономной частью Русской православной церкви, существует так называемая Украинская православная церковь Киевского патриархата. Эта церковь не признается другими православными церквями в качестве поместной (т. е. легитимной), но пользуется поддержкой некоторых представителей власти. В ряде регионов Украины именно церковным приходам сторонников так называемого Киевского патриархата передаются здания храмов. Это происходит в условиях, когда подавляющее большинство православных в Украине — прихожане Русской православной церкви (Украинской православной церкви Московского патриархата). Ситуация такова, что в западных областях Украины доминирует униатская (греко-католическая) церковь, в центральных регионах особую активность проявляет Украинская православная церковь Киевского патриархата, а на востоке и юге страны сторонников ни первой, ни второй церковью практически нет, и подавляющее большинство верующих принадлежит к канонической православной церкви во главе с Патриархом Московским и всея Руси. Такая территориальная конфигурация религиозных ориентаций населения почти полностью совпадает с линией цивилизационного разлома Украины на регионы, отличающиеся своими политическими ориентациями и предпочтениями. Это обстоятельство может и дальше подпитывать политические конфликты в Украине, проявлениями которых были события так называемой «оранжевой революции». Хотя эта «революция» осталась в про-

шлом, политическое противостояние в украинском обществе далеко от своего завершения.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите и прокомментируйте функции религии как социального института.
2. Назовите типы взаимодействия религии и политики.
3. Можно ли утверждать, что в классических мировых религиях содержатся призывы к насилию? Аргументируйте свой ответ.
4. Какой фактор является основополагающим в ливанском конфликте?
5. Проанализируйте события последних лет в Ираке с точки зрения религиозного фактора.
6. Как религиозный фактор сказался в конфликтах на территории бывшей Югославии?

Глава V

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1. Сущность этнополитических конфликтов

Национально-этническая дифференциация и идентичность — это социальная реальность, но такая реальность, которая не остается неизменной: сами по себе национальные чувства, сплачивающие людей в некую единую группу, амбивалентны. Каждый человек имеет этнический потенциал, т. е. все мы говорим на определенном языке, имеем расовые признаки, принадлежим к этнической общности, которая имеет свою особую историю, и т. д. Но этот этнический потенциал активизируется только при определенных условиях. Уровень актуализации этого потенциала, интенсивность национальных чувств во многом зависит от политики, от степени ее открытости по отношению к другим народам или же, наоборот, от меры концентрации на собственных проблемах и поиске внешнего врага, который якобы остается ответственным за беды и несчастья данной социальной общности. При определенных условиях (системный кризис общества, распад государственности, изменение социального статуса этнической группы и др.) происходит политизация этничности, использование ее как мотивационной политической силы, основы резкого политического размежевания и средства достижения политических целей. То есть возникает феномен, получивший в научной литературе название «этнополитической мобилизации», которая является неизбежным следствием возникновения (реактуализации) этнополитических конфликтов. Для «запуска» процесса мобилизации необходима противостоящая сторона/стороны, мешающая достижению желаемой цели, ибо «социальный конфликт существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их деятельности несовместимы» и/или имеют несовместимые с «нашими» интересы или ценности.

«Одна из важнейших характеристик эпохи постмодерна, — отмечает известный американский исследователь Д. Элазар, — состоит в этническом возрождении, появлении вновь представления об исконных связях как центрального для формирования индивидуальной идентичности. Эти тенденции имеют свое политическое отражение в формировании охватывающего весь мир движения от классово-фундированной к этнически-фундированной политике»¹.

В 90-е гг. XX столетия в России, как и на всем посткоммунистическом пространстве, феномен этничности также становится одним из основных механизмов политической мобилизации и важнейшей причиной конфликтных противостояний. При этом процесс актуализации этнического самосознания, нацеленного прежде всего на групповую солидарность и противостояние этнически «чуждым», практически неизбежно вступал в противоречие с параллельно осуществляемыми попытками демократизации посткоммунистических государств. В этих условиях, по мнению М. Губогло,

«выявление и типологизация факторов и важнейших тенденций и процессов этнической мобилизации в республиках России и в некоторых странах ближнего зарубежья на двух уровнях — институциональном и личностном — в нынешней ситуации представляется чрезвычайно важной задачей, так как в ходе противостояния реформационных и консервативных сил последовательно сокращается выбор вариантов общественного развития и возникает новая угроза перехода от более или менее выраженного курса демократического развития к авторитаризму, лишаящему каких-либо надежд на утверждение прав и свобод граждан и народов»².

Этнополитический конфликт — частная форма социально-политического конфликта, но обладает при этом своими специфическими особенностями.

Во-первых, подавляющее большинство этнических конфликтов имеют политическую составляющую, т. е. в большей или меньшей степени они являются этнополитическими. Следует различать *горизонтальные* этнополитические конфликты — конфликты между этническими группами (например, конфликт в Ферганской долине между узбеками и турками-месхетинцами или конфликт между крымскими татарами и остальным населением Крыма), и *вертикальные* — конфликты между этнической группой и государством (например, чеченский, карабахский, косовский конфликты). Эти различия достаточно

¹ Elazar D. J., ed., *Federal Systems of the World // A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements*. Essex, 1991, p. XI.

² Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 17–18.

условны, поскольку и в горизонтальные конфликты рано или поздно вмешивается государство либо в качестве посредника умиротворителя, либо в качестве субъекта конфликта.

Во-вторых, важно учитывать, что в одних случаях этничность может быть лишь «камуфляжем» политической борьбы, например, борьба за «национальное самоопределение» народов Севера, которую вели в 90-е гг. XX столетия политические лидеры некоторых автономий российского Севера, на деле преследуя цели увеличения «объема» своей власти. В других же случаях речь может идти об «обратном камуфляже», когда за политическими лозунгами и декларируемыми целями скрывается острый этнический конфликт. Например, декларируемая руководством Республики Молдова борьба против «прокоммунистического бастиона» в Приднестровье скрывала острую проблему статуса русского и украинского населения этой части республики, причем проходило все это на фоне активного обсуждения гипотетической возможности присоединения Молдовы к Румынии в 1-й половине 90-х гг. прошлого века.

В-третьих, этнополитические конфликты в большинстве случаев имеют статусную природу: предметом таких конфликтов чаще всего бывает политический статус этнической группы, поэтому одной из важнейших причин разворачивания конфликта становится изменение взаимодействия этнических групп или среды этого взаимодействия, при котором экономический или политический статус одной из них будет восприниматься ее членами как неприемлемый. Причем причиной конфликта может служить не только борьба за повышение статуса или борьба против дискриминации, но также опасение утратить имеющийся статус.

В-четвертых, этнополитические конфликты — не только и не столько конфликты интересов, сколько конфликты идентичностей, так как участие в конфликте преимущественно на основе групповых мотивов обязательно предполагает отождествление человека с группой, участвующей в конфликте, его этническую идентификацию. Как отмечает американский политолог Т. Гурр,

«борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности»¹.

¹ Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. By G. Bachler. — Zurich, 1997, p. 10.

Это порождает феномен «конкурирующих культурных традиций», чаще всего — противоборство национальных или этнических традиций в рамках многонационального социума; борьбу за «историческое наследие» (конструктивисты не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию) или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Возможно острое соперничество и религиозных, и этнических традиций в мультиконфессиональном или мультиэтническом обществе, противостояние региональных традиций и т. д.

В-пятых, политический конфликт в процессе его развертывания может приобрести этническое основание. Так, конфликты политических элит разного уровня, например государственной и региональной, могут возникнуть как ресурсные. Однако в случае их игнорирования или неудачных попыток разрешения они могут превратиться в конфликты идентичностей. При этом чем дольше будет продолжаться конфликт, тем большее число людей будет в него вовлекаться, связывая с его разрешением сохранение/повышение своего достоинства, престижа, статуса и т. д.

В-шестых, вследствие чрезмерной эмоциональной составляющей этнической идентичности этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, которая выражается в огромном потенциале агрессивности, ненависти и враждебности, далеко выходящих за рамки рационального осознания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия.

В-седьмых, специфической характеристикой динамики этнополитического конфликта, связанной с его иррациональностью, является большой потенциал эскалации конфликта и, как правило, быстрая его эскалация.

В-восьмых, для этнополитических конфликтов характерно полное доминирование деструктивного потенциала над его конструктивной составляющей, поскольку стороны конфликта, как правило, существуют в разных системах «ценностных координат».

В-девятых, практически во всех случаях этнополитические конфликты многофакторные, имеют несколько объектов конфликта и проблемных зон, например территориальный спор, проблемы политического или социально-экономического статуса этнической группы и этноконфессиональные противоречия. Даже такой социальный ресурс, как образование, включает в себе и материальную, и нематериальную

символическую составляющую. С одной стороны, доступ к образованию непосредственно связан с возможностью повышения социального статуса членов группы. С другой стороны, сам факт наличия национальных школ и университетов важен для этнической общности в символическом плане. Свой университет — предмет гордости группы, важная составляющая ее символического капитала. Неслучайно поэтому закрытие университета часто служит поводом для этнополитического конфликта или даже поворотным пунктом в его эскалации. Так случилось в начале 1990-х гг. в Сухуми (Абхазия) и в конце того же десятилетия — в Приштине (Косово). Поэтому критической рефлексии требуют как экономикоцентричные, так и культуроцентричные модели этнополитического конфликта, объясняющие возникновение конфликтов одним «решающим» фактором.

В-десятых, в силу названных и неназванных причин этнополитические конфликты трудно поддаются разрешению, поскольку возникает чрезвычайно сложная задача найти пути удовлетворения как нематериальных интересов, так и требований повышения статуса, возврата «исконных» территорий, расширения экономических возможностей, большего доступа к политической власти и т. д. Поэтому скорее можно говорить об урегулировании, «замораживании» или преобразовании в менее деструктивную форму этнополитических конфликтов, чем об их разрешении.

Все сказанное позволяет определить этнополитический конфликт как разновидность социально-политического конфликта, субъекты которого идентифицируют себя и противоположную сторону в этнических категориях и содержанием которого является борьба за обладание политической властью вплоть до образования собственного национального государства.

§ 2. Этнополитическая мобилизация как фактор зарождения и развития этнополитических конфликтов

Общее понятие «мобилизация» широко используется в социологии общественных движений, да и просто в политической лексике. В общем смысле оно означает готовность к действиям или сами действия; в политологии смысл термина «мобилизация» близок по содержанию понятия «политизация». Данное понятие подчеркивает активное, ра-

ционально-плановое начало движения. К. Дженкинс, обобщая толкования этой категории, определяет мобилизацию как процесс, с помощью которого группа получает и использует ресурсы для достижения поставленных целей. Та же логика прослеживается у российского этнолога М. Н. Губогло, который называет этничность, организованную в поисках достижения общей цели, «мобилизованной этничностью». Таким образом, это понятие фиксирует *динамику* развертывания этнополитического конфликта.

В свою очередь, ресурсы — это потенциал мобилизации, так называемые внутренние ресурсы (средства, методы, формы организации, стили лидерства, идеологии, используемые группой) и внешние ресурсы (социально-экономические и политические условия), которые благоприятствуют достижению поставленных целей. Для обозначения совокупности внутренних и внешних ресурсов и факторов, способствующих или препятствующих достижению целей движения, американскими социологами Ч. Тилли, С. Тэрроу и другими было предложено понятие «структура политических возможностей», которое можно определить как структуру ресурсов, обуславливающих вероятность возникновения общественных движений, формы их деятельности (конфликтные или консенсусные) и эффективность.

В результате анализ процесса политической мобилизации должен содержать следующие необходимые составляющие:

- 1) выявление ресурсов, находящихся в распоряжении группы до начала процесса мобилизации;
- 2) анализ процесса использования этих ресурсов;
- 3) анализ возможностей увеличения ресурсов за счет источников, находящихся вне контроля группы.

Можно предложить следующее определение этнополитической мобилизации:

- ▶ Этнополитическая мобилизация — это процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (приписывающая себе принадлежность к таковой), в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой/других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы.

Первым компонентом в «структуре политических возможностей» этнополитической мобилизации может быть назван процесс использования внутренних ресурсов этнополитической мобилизации. В свою очередь, этот процесс, как правило, разворачивается поэтапно.

Первый этап — *конструирование традиции и мобилизация «народности»*. Этот этап этнополитической мобилизации предполагает воссоздание или реконструирование интеллектуалами, принадлежащими к этнической группе, традиций, обычаев, символов и особенно языка; их популяризация и распространение в широких массах во имя обретения особой этнической/национальной идентичности.

Второй этап — *политизация этнического/национального наследия*. На этом этапе историческое и культурное наследие этнической общности, даже ее язык, обретают функции значимого политического ресурса. Происходит институализация этничности, т. е. начинается процесс формирования национального движения, использующего этот ресурс в политической борьбе. То, что раньше было традицией, разделяемой этнической группой, становится орудием культурной и политической борьбы за воссоздание или обретение национальной государственности. При этом пережитая и передаваемая из поколения в поколение история служит всего лишь «сырьем» для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности», столь важного для национального самосознания. Вся прежняя история народа теперь определяется в национальных категориях. На этом этапе в групповое сознание внедряется представление об ущербности, ущемленности, «остаточности» этнообразующих маркеров, комплекс этнокультурной неполноценности и/или комплекс «народа-жертвы». На этой основе происходит формирование и институализация этнополитических элит у тех этнических общностей, которые их до этого не имели. В других же ситуациях лидерами возникших этнических движений могут осуществляться публичные акции, для того чтобы заинтересовать в этнической проблематике власти соответствующего уровня (например, региона в составе государства), заставить признать ее и принять в качестве важнейшего политического ресурса. Таким образом, этнический фактор становится проблемой для существующей власти.

Третий этап — *«этническое очищение»*. Этническую общность, ее культуру на этом этапе превращают в абсолютную, сакральную ценность, которую необходимо любой ценой сберечь и защитить от искажающих влияний «чуждых» культур и групп, т. е. она должна оставаться любой ценой «чистой», между ней и другими должна быть про-

ведена четкая непреодолимая граница. В этой ситуации свойственная этнонационализму идея общего происхождения приобретает конфронтационный характер, абсолютизируется и заслоняет более важные элементы потенциального объединения с «другими», связанные с общей культурой, историей, политическими институтами, коллективным и индивидуальным самоопределением. Этноцентризм логически обращается к мотиву «этнической чистоты», предполагающему закрытость, враждебность ко всему «иному», к подавлению его проявлений как внутри общности, так и вне ее. При этом и члены этнической группы должны быть защищены от всего, что является «чуждым», и делается это путем формирования «образа врага».

При всем многообразии возможных вариаций эта логика развития мобилизации свойственна прежде всего всем видам этнического национализма, носители которого и выступают главными агентами этнополитической мобилизации. Поэтому потенциал и результаты радикального и взрывоопасного коллективного действия, присущего этнонационализму, обуславливаются ресурсами, возникающими при развертывании этих трех взаимосвязанных процессов.

Очень похожую трехфазную схему этнополитической мобилизации для описания эволюции национальных движений Центральной и Юго-Восточной Европы периода роста и утверждения в этом регионе капитализма предложил чешский ученый М. Грох. Первая из них (фаза «А») характеризовалась появлением отдельных патриотически настроенных идеологов, которые обращались к разработке проблем языка, культуры и истории своих народов. В результате постепенного роста национальных движений намечался переход к национально-патриотической агитации (фаза «В»), когда наработки национальной интеллигенции становились фактом общественного сознания. В оптимальных случаях эта эволюция завершалась возникновением массовых национальных движений, которые обращались к борьбе за национальное государство (фаза «С»).

Наиболее интересной с точки зрения воздействия на этническое развитие М. Грох считал фазу «В», которая, однако, далеко не у всех неполноправных народов смогла перейти в фазу «С»¹. Предложенная М. Грохом теоретическая схема уже послужила ориентиром в историко-типологических исследованиях становления наций в Центральной и Восточной Европе. Но она, как представляется, вполне применима

¹ Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 121–145.

и для исследования процессов «национального строительства» на территории бывшего СССР.

Как уже отмечалось ранее, важнейший компонент в структуре этнополитической мобилизации — «внешние ресурсы мобилизации», т. е. внешние условия, благоприятные для реализации целей этнополитической мобилизации.

С. Олзак и Дж. Нейджл выделяют в качестве факторов, влияющих на процессы этнополитической мобилизации, следующие социально-экономические изменения в обществе:

а) урбанизация социума, которая обостряет конкуренцию между представителями различных этнических групп, переселяющихся в города из районов прежнего компактного проживания;

б) индустриализация, которая также может обострить этническую конкуренцию за рабочие места;

в) экономическое развитие периферийных районов или открытие новых ресурсов экономического роста на периферии, занятой компактными этническими популяциями; это, как правило, создает потенциал для возникновения этнических политических партий и движений;

г) наконец, мобилизация имеет место в условиях национально-государственного строительства: радикальное изменение политического статуса этноса воздействует на этническое сознание и делает очень вероятным массовое этнополитическое движение¹.

Российский исследователь З. Сикевич дополняет этот перечень так называемыми составляющими «этнического риска», который определяет как «...вероятность негативного влияния этнического фактора на устойчивость социальной системы». К этим составляющим относятся:

1. Этнический состав территории, соотношение доли титульного населения государства или этнического большинства региона и доли национальных меньшинств.
2. Наличие этнотерриториальных претензий, особенно в случае их использования в качестве инструмента государственной политики.
3. Законодательное нарушение прав человека по этническому признаку или косвенным показателям принадлежности к национальным меньшинствам (знание государственного языка, ценз оседлости и др.).

¹ *Olzak S., Nagel J.* Introduction. Competitive Ethnic Relations: An Overview // *Competitive Ethnic Relations* / Ed. by S. Olzak, J. Nagel, L., 1986, p. 3–14.

4. Стремление национального меньшинства, проживающего анклавно, к национально-государственному самоопределению, особенно если этот анклав непосредственно соседствует с территорией основного проживания этноса.
5. Этнокультурные и конфессиональные различия соседствующих этнических общностей.
6. Курс на построение национального государства в условиях полиэтнического общества¹.
Этот перечень можно и, как представляется, нужно дополнить, следующими составляющими «этнического риска».
7. Степень легитимности, эффективности и стабильности государственной власти, сплоченность и организованность «центральной» правящей политической элиты.
8. Характер и состояние общественных и особенно государственных институтов. В ситуации ослабления институциональной системы государства для этнополитической мобилизации появляются благоприятные предпосылки.
9. Внешнее влияние, т. е. надежда на поддержку извне или, наоборот, опасение осуждения, например, мировым сообществом, несомненно, воздействует на поведение лидеров националистических движений. Особенно взрывоопасна ситуация, когда доминирующая этническая группа данного государства представлена меньшинствами в соседних государствах. Яркий пример — русские или шире — «русскоязычные» на постсоветском пространстве. Их представляют как «оккупантов», «троянского коня», служащего интересам державы с имперскими претензиями, на этом основании их лишают некоторых основных прав и подвергают дискриминации в политической и социально-экономической сферах. В свою очередь катастрофическое снижение социального и политического статуса «русскоязычных» создает благоприятные предпосылки для их этнополитической консолидации.
10. Территориальное положение. Если республика или самоопределяющаяся этническая общность не имеет внешних границ, ей трудно ставить своей целью сецессию, радикальный сепаратизм. Все ставшие самостоятельными бывшие союзные республики СССР и быв-

¹ Сикевич З. В. Проблема этнического риска и национальные меньшинства в постсоветских государствах // Расы и народы. Ежегодник. № 24. Современные этнические и расовые проблемы. М., 1997. С. 277.

шей Югославии, так же как и Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Чечня, имеют внешние границы. Отсутствие таких границ создает ограничения для эскалации сепаратизма и стимулирует поиск мирных конституционных решений (Татарстан, Башкортостан).

11. Изменение (возрастание) геополитической значимости потенциально конфликтного региона. Геополитический фактор стал широко использоваться конфликтующими сторонами как инструмент в достижении своих целей в конфликтах и расширении базы конфликтов. Международная поддержка становится одним из важнейших ресурсов в этнических конфликтах, а в конфликтах, основанных на сепаратизме, — наиболее важным из них. Симптоматично, в частности, что Закавказье в западных (англо-американских) исследованиях все чаще идентифицируется как Ближний Восток (*Middle East*), точнее, как «Новый», или «Большой» Ближний Восток, а это радикально меняет геополитическую конструкцию региона. Ускорился процесс вытеснения России с этого геополитического пространства, что неизбежно оказывает влияние на этнополитическую ситуацию и на Северном Кавказе. Поэтому можно прогнозировать не только обострение, но и интернационализацию всех имеющихся в данном регионе затяжных этнополитических конфликтов.
12. Социально-экономическое расслоение (классовое, статусное) в обществе, которое приобретает форму этнического расслоения, также резко повышает конфликтный потенциал, поскольку социально-экономическая власть и господство накладываются на этнополитическую власть и дополняются элементом этнократии. Поэтому важен и объем ресурсов группы, заявляющей о своих политических притязаниях, причем как материальных, обеспечивающих ее самостоятельность, так и интеллектуальных. Интеллектуальный ресурс обеспечивает более цивилизованный характер взаимоотношений противоборствующих сторон, учет взаимных интересов, возможность компромисса. Однако можно напомнить, что целому ряду вооруженных этнополитических конфликтов предшествовали споры историков и ученых-обществоведов. Так, грузино-абхазскому конфликту начала 1990-х гг. предшествовали споры о том, на каком языке были сделаны надписи на памятниках древности, найденных на территории Абхазии. В этих спорах живейшее участие принимал Владислав Ардзинба (историк по образованию) и Звиад Гамсахурдиа (филолог). Такой же спор историков предшествовал

конфликту в Нагорном Карабахе и Косово. Применительно к их деятельности можно вести речь об «идеологическом производстве» конфликтов.

13. «Перепроизводство» образованных людей, особенно гуманитариев, и возникновение препятствий для карьеры стимулирует рост недовольства. Зачастую именно национализм становится для них потенциальным средством выражения фрустрации и интеллектуальной невостремованности, проявлением бунта «маргиналов».
14. Массовая миграция из регионов с серьезными расовыми и культурными отличиями. С этой проблемой столкнулись сегодня все промышленно развитые страны Запада, не менее остро она стоит и в России.

Вероятно, и этот перечень не будет исчерпывающим и его можно дополнить. Однако даже наличие только некоторых из этих факторов делает этнополитическую мобилизацию и эскалацию конфликтов практически неизбежной.

Как видно из данного списка «внешних ресурсов», почти все они возникают как результат или следствие модернизации социума, а сегодня они усугубляются процессами экономической и культурной глобализации. Существует устойчивая корреляция между подъемом национализма и переходным состоянием общества, поскольку национализм берется компенсировать издержки «процесса освобождения», порожденные модернизацией.

Во-первых, процессы модернизации, этнополитической мобилизации и формирования наций тесным образом связаны между собой. Во-вторых, конечной, но не всегда достижимой целью этнополитической мобилизации является «нация-государство». В-третьих, для этнических общностей, претендующих на осуществление этой цели, характерен тип «наступательной мобилизации», а для имперских народов — тип «охранительной мобилизации». В-четвертых, политическая практика показывает, что сочетание социальных и национальных, религиозных и этнических требований оказывалось в целом гораздо более эффективным средством этнополитической мобилизации масс, нежели чисто националистические лозунги. В-пятых, даже в случае массовой этнической мобилизации выступление «всего народа» против чего-то или за что-то есть лишь один из самых распространенных политических мифов. Зачастую имеет место либо принуждение со стороны политической элиты или государства к всеобщему выступлению, либо поспешное к нему присоединение на этапе близкой победы, сулящей

уже не гибель, а определенные дивиденды (вспомним «эффект безбилетника» М. Олсона)¹.

В-шестых, разные варианты этнополитической мобилизации и конфликтов (с различной степенью «продвинутости» этих процессов) можно наблюдать и сегодня в новых независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР. Как отмечает В. А. Тишков, «все страны (постсоветского пространства. — *А. В.*) продолжают строить национальное государство от имени “титულных” этнических общностей и держать остальное население в статусе не членов нации или даже не граждан этих государств. Эта политика этнического исключения, даже если она официально в некоторых странах называется “политикой интеграции” (а фактически ассимиляции или непризнания особого группового статуса), стала основным внутренним вызовом существующих новых гражданско-политических сообществ. Она препятствует разрешению ранее случившихся насильственных конфликтов, хотя у таких конфликтов накопилась своя логика трудных противоречий и антагонизмов, поскольку это связано с гибелью людей, разрушениями и изгнанием населения с мест своего проживания.

Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх над силами радикального этнического национализма, противопоставив ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а культурно отличительным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия во всех сферах общественной жизни. Ни одно из государств не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х гг. основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы официального двуязычия, и русский язык остается “наказанным языком”, хотя на нем продолжают говорить дома и на работе не только большинство политических лидеров новых стран, но и огромные массы населения»².

¹ Согласно М. Олсону, преследующий собственный интерес рациональный индивид, входящий в большую социальную группу, не будет добровольно жертвовать собственными ресурсами (время, деньги, информация и др.) ради достижения целей общности, не имея каких-либо дополнительных стимулов. Во-первых, он знает, что его усилия не окажут заметного воздействия на достижение цели; во-вторых, он в любом случае разделит выгоду, полученную другими, по праву являясь членом данной группы (*Олсон М.* Логика коллективного действия. М., 1995. С. 5).

² *Тишков В. А.* Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2006. С. 483.

В-седьмых, самой российской политической нации предстоит еще длительный процесс консолидации, который, с одной стороны, тормозит как имперская риторика «русских патриотов», так и имеющая официальный статус доктрина «многонационального народа России», а с другой — сохраняющаяся под воздействием «наступательной этнополитической мобилизации» опасность распада политического, правового и экономического пространства страны по этническому признаку; такая «мобилизация» еще совсем недавно практиковалась этнополитическими элитами в российских «национальных регионах». «Основной внутренней вызов Российскому государству, — пишет В. Тишков, — заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих пор отвергается существование многоэтничной гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны...»¹.

Этнический фактор, став однажды влиятельным политическим фактором, отличается большой стабильностью и воспроизводимостью, поскольку закрепляется во властно-политических позициях, запечатлевается в исторической памяти народа, передается из поколения в поколение. Демополитизация этноса и межэтнических отношений происходит очень медленно, даже если ее пытаются ускорить, не случайно многие этнополитические конфликты приобретают затяжной характер.

§ 3. Особенности урегулирования этнополитических конфликтов

Процессы этнополитической мобилизации обратимы, т. е. наряду с мобилизацией возможна и этнополитическая демобилизация. В этом случае исключительную роль играют:

- ◆ фактор времени: кратковременное доминирование этнополитических установок в массовых ориентациях и представлениях людей, как правило, в период обострения межгрупповых отношений;
- ◆ субъективный фактор: готовность политических элит к компромиссу, маргинализация «этнических предпринимателей», своевременность

¹ Там же. С. 486.

и содержание принятых политических решений по разрешению возникшего кризиса, их реальное осуществление и т. д.

Выделяют пять основных способов урегулирования этнополитических конфликтов:

- ◆ консоциация — т. е. инкорпорация этнических групп и прежде всего их элит в политическую и административную структуру государства;
- ◆ синкретизм — культурное представительство этнического разнообразия (предоставление права на «национально-культурную автономию») при фактической деполитизации этничности;
- ◆ федерализация — децентрализация и разделение власти по вертикали, предполагающая передачу части властных полномочий региональным (т. е. территориальным), а фактически этническим общностям;
- ◆ переход от определения гражданства «по крови» к определению его «по почве», что предполагает получение гражданства любым человеком, родившимся на территории данного национального государства;
- ◆ символическая политика — поиск общих исторических символов, общих героев, общих лояльностей, изъятие из публичной речи понятий, которые приобрели в языке устойчивый негативный смысл («лица кавказской национальности») и замена их нейтрально окрашенными.

Однако для того, чтобы добиться успеха в урегулировании этнополитических конфликтов, необходим целый ряд благоприятных предпосылок. Этничность должна быть максимально деполитизирована, подчинена приоритету прав человека и свободы личности. Национализм должен не переходить в этнонационализм, а базироваться на общегражданской солидарности и патриотизме. В системе политических отношений этнический фактор не должен играть большой роли и в идеале вообще должен быть исключен из политической сферы как самостоятельный и самоценный фактор при обязательном возрастании его роли в культуре.

Следует помнить, что недопущение открытых этнополитических конфликтов, превентивные меры по их урегулированию — гораздо более эффективная стратегия, чем попытки (чаще всего безуспешные) сформировать конструктивное взаимодействие сторон в рамках уже открытой, манифестной фазы этнополитического конфликта.

Однако для большинства мультиэтнических стран мира практическая реализация этих принципов и задач — дело более или менее отдаленного будущего. Несомненно, консолидированные демократии имеют относительно больший успех в предотвращении и урегулировании этнополитических конфликтов, тем не менее даже они не имеют иммунитета против этнического насилия, и политика идентичностей не всегда легко нивелируется и в плюралистических демократических обществах.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем определяются значение и роль этнического фактора в политических конфликтах?
2. В чем состоит специфика этнополитических конфликтов?
3. Опишите и дайте характеристику основных этапов этнополитической мобилизации.
4. Перечислите факторы, повышающие риски возникновения этнополитических конфликтов.
5. Приведите примеры этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР.
6. В каких регионах современной России, по вашему мнению, сохраняется потенциальная опасность этнополитических конфликтов и почему?

Глава VI

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Психологические механизмы политических конфликтов

Современные исследования специалистов в области социальной и политической психологии показывают, сколь велика роль в любых конфликтах, в том числе и политических, психологических факторов, и заставляют задуматься о том, что их недооценка лежит в основе многих неудач в урегулировании и разрешении конфликтов. Рассмотрим наиболее известные психологические механизмы возникновения и развития конфликтов.

Один из таких механизмов можно определить как несовместимость индивидуально выгодных стратегий поведения и благополучия общества в целом. Этот механизм хорошо иллюстрируют такие социальные дилеммы, как «дилемма заключенного» и «трагедия общинных пастбищ».

Дилемма заключенного описывается как ситуация с двумя подозреваемыми, которых по отдельности допрашивает прокурор. Они оба виновны, но у прокурора есть доказательства лишь небольшой вины каждого из них. Он предлагает по отдельности каждому подозреваемому сознаться: если один из подозреваемых сознается, а другой — нет, то прокурор гарантирует сознавшемуся иммунитет, а его признание будет использовано для доказательства вины другого подозреваемого. Если сознаются оба, то каждый получит умеренный срок. Если не сознается ни один, то для обоих наказание будет незначительным. Нетрудно просчитать, что обоюдное признание для них более выгодно. Однако многочисленные исследования показали, что многие признаются, несмотря на то, что совместное признание ведет к более суровым приговорам. Эта дилемма загоняет участников в некую психологическую ловушку: люди осознают, что, сотрудничая, они могли

бы взаимно выиграть, тем не менее отказываются от сотрудничества и от доверия друг другу.

«Трагедия общинных пастбищ» представляет собой ситуацию, в которую попадают 100 фермеров, живущих рядом с пастбищем, способным прокормить ровно 100 коров. Но в какой-то момент один из фермеров решает, что если он выпустит на выгон еще одну корову, то излишнего выпаса будет всего 1 %, а он удвоит свою выгоду. Фермер добавляет еще одну корову. Но все фермеры оказываются такими же «догадливыми» и все выпускают еще по одной корове. Пастбище погибает.

Подобные дилеммы демонстрируют, что эгоистическое стремление к личным целям может оказаться губительным для всех. Примером реализации этого механизма может быть гонка вооружений, возрастание военных расходов, поскольку одностороннее разоружение делает готовое к сотрудничеству государство уязвимым перед возможным нападением государств, не готовых сотрудничать.

Для этих дилемм характерно явление, которое психологи называют «ошибкой атрибуции» и которое заключается в том, что свое поведение участник объясняет сложившейся ситуацией («я должен был себя защищать», «я был поставлен в такие условия»), а поведение другой стороны — принципиальной позицией («он агрессор», «он стремится к получению преимущества»). Большинство соперников так и не осознают, что другие допускают по отношению к ним точно такую же ошибку атрибуции. Психологические исследования также показали смену мотивов в процессе взаимодействия. Сначала сторона желает получить некую выгоду, затем — минимизировать потери и в конце — избежать поражения. Эта смена мотивов очень четко проявилась у американского президента Л. Джонсона во время развертывания вьетнамской войны, такая же тенденция наблюдается сегодня у американского президента Дж. Буша-младшего в связи с ситуацией в Ираке.

Большинство конфликтов, построенных по принципам дилеммы заключенного и дилеммы общинных пастбищ, нельзя рассматривать как игру с нулевой суммой, так как сумма выигрышей и проигрышей обеих сторон не обязательно равняется нулю: сотрудничая, оба участника могут выиграть, соперничая — могут и проиграть. С 1979 по 1988 г. шла война между Ираном и Ираком, в ней погибло порядка миллиона человек, а когда она закончилась, линия границы, из-за которой и начался этот вооруженный конфликт, осталась на том же месте.

С точки зрения психологии, особый интерес представляют особенности восприятия друг друга сторонами политического конфликта.

Эти особенности влияют на развитие самого конфликта, без их понимания невозможно найти оптимальные пути разрешения спорных вопросов. Многие исследования, осуществляемые политическими психологами, показывают, что восприятие в условиях конфликта весьма стереотипно и включает в себя два аспекта: *эмоциональный аспект* — сильную негативную эмоциональную окраску, чувство враждебности по отношению к противоположной стороне, недоверие, страх, подозрительность; а также *когнитивный аспект* — стремление к упрощению информации, отсутствие альтернативных вариантов решений, схематизм при оценке фактов, крайнюю избирательность восприятия (воспринимается только та информация, которая подтверждает правоту одной из сторон, остальная информация игнорируется).

Известные современные исследователи проблем психологии политических конфликтов Л. Росс и Р. Нисбетт в своей книге «Человек и ситуация. Уроки социальной психологии» отмечают:

«События на Ближнем Востоке, в Боснии, на Кавказе и в Руанде со всей непреклонностью свидетельствуют о том, что каждая из сторон, вовлеченных в международные или межэтнические столкновения, пребывает в уверенности, что только она обладает “объективным”, т. е. соответствующим реальности, видением проблемы. Претензии, действия и их оправдания, приводимые противоположной стороной, объясняются корыстными намерениями или предвзятостью подхода и даже расцениваются как свидетельство присущей противнику не порядочности и бесчеловечности. Более того, протесты и попытки вмешательства со стороны третьих лиц отменяются из-за того, что они якобы основаны на ложных посланках, что служит дополнительным подтверждением того, что лишь “наша” сторона видит истину и вполне понимает создавшееся положение, что лишь “мы” одни в состоянии оценить неразумность и вероломство противоположной стороны»¹.

Восприятие событий в условиях конфликта искажено. У человека возникает иллюзия собственного благородства, склонность гордиться своими делами и уклоняться от авторства дурных поступков, а любые поступки противоположной стороны объяснять ее «злым умыслом». Тенденция к самооправданию заставляет отрицать вред даже от дурных поступков, которые невозможно скрыть. Во время международных конфликтов, когда напряженность возрастает, рациональное мышление становится затруднительным и возникает психологический феномен, который американскими психологами был назван «дьявольским образом врага». «Образ врага» примитивен и стереотипен. В соответствии с этим образом «дьявольское» всегда приписывается противни-

¹ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.

ку, а собственное поведение воспринимается как правильное и адекватное. Все благородные поступки соперника связываются с его стремлением достичь какой-либо выгодной цели, свои же добродетельные поступки объясняются своими позитивными качествами. Собственные неблагоприятные действия попросту не замечаются или оправдываются сложившимися обстоятельствами.

В конфликте происходит обезчеловечение противника. Вследствие этого никакого сочувствия к противоположной стороне не допускается, иногда это распространяется и на трагические обстоятельства, например стихийное бедствие или катастрофу.

Для конфликтных ситуаций характерно не только искаженное, но и гипертрофированное восприятие: конфликтующие стороны воспринимают незначительные факты и обстоятельства как весьма важные, имеющие первостепенное значение. Впрочем, иногда конфликт вызывает и прямо противоположную реакцию успокоения. Она проявляется в отказе верить в то, что противник решится на какие-либо серьезные действия. Так было, например, в 1941 г., когда И. Сталин до последнего дня не верил в возможность германской агрессии, хотя отношения между СССР и Германией постепенно ухудшались.

В политической психологии хорошо известен феномен «зеркальных образов». Он проявляется в том, что участники конфликта воспринимают и оценивают одни и те же события столь различным образом, что их оценки данных событий приобретают зеркальный, т. е. диаметрально противоположный характер, при явно выраженном эмоционально отрицательном отношении к сопернику. Исследования американских политологов и психологов американского и российского восприятия одних и тех же фактов, например торговли оружием, патрулирования подводных лодок у берегов других стран, выявили, что эти факты оценивались как более опасные и враждебные, когда они исходили от противоположной стороны. Например, американское правительство рассматривало советское вторжение в Афганистан аналогично тому, как советское правительство рассматривало американское вторжение во Вьетнам.

Взаимно негативное восприятие становится препятствием для урегулирования конфликтов и достижения мира. Наличие «зеркальных образов» приводит к тому, что конфликтующие стороны считают свои интересы и цели не совпадающими в большей степени, чем это есть на самом деле. Следствием этого становится дальнейшее расширение и углубление конфликта. Более того, негативные образы одной сторо-

ны влияют на образы другой, усиливая их враждебный характер. Рациональные аргументы в таких условиях отбрасываются в сторону¹.

Тем не менее искажения восприятия меняются по мере того, как конфликт начинается, разгорается и гаснет. Образ врага разрушается, если враг становится союзником. Анализ американских массмедиа показал, что постепенно «агрессивные, жестокие, вероломные» японцы времен Второй мировой войны стали восприниматься американцами как «дисциплинированные, трудолюбивые, изобретательные» союзники. Восприятие немцев после двух мировых войн также претерпело изменения: отношение менялось от ненависти до глубокого уважения.

Психологическим механизмом возникновения и существования конфликта является и восприятие несправедливости. Люди воспринимают справедливость как некий баланс, т. е. как распределение вознаграждения пропорционально вкладу каждого. Конфликт возникает тогда, когда есть ощущение дисбаланса, сомнения в справедливости вознаграждений и оценки вкладов. Но каковы критерии, которые могут объективно показать вклад каждой из сторон? Неизбежные разногласия при определении вклада порождают восприятие несправедливости и вызывают ответную реакцию. Это может быть либо снижение своей роли и самооценки, согласие с принижением положением, либо требование компенсации от другой стороны, выражение протеста, стремление к обману, либо возмездие, борьба. Чем выше сторона оценивает свой вклад, тем сильнее ощущение обделенности и стремление к справедливости. Мощные социальные протесты характерны для тех социальных слоев, которые сильнее ощущают несправедливость своего положения.

По мере того как конфликт переходит в более острую стадию, у его участников возникает ощущение, будто соперник имеет большую свободу в выборе действий, а собственные действия представляются вынужденными, ответными. Акции же противоположной стороны, напротив, расцениваются как провокационные, заранее хорошо продуманные и подготовленные.

Исследователями описан еще один феномен, нередко встречающийся в политической практике. Он заключается в том, что у непосредственных участников конфликта возникает иллюзия полного единства их интересов и интересов союзников. В результате конфликтующая сторона ведет себя более рискованно, чем следовало бы, она может да-

¹ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997. С. 52.

же идти на обострение конфликта в надежде на помощь извне, стремясь втянуть в конфликт своих сторонников, находящихся пока вне этого конфликта. Так было, например, в начале натовских бомбардировок Югославии, когда руководство этой страны рассчитывало на гораздо более существенную помощь России, чем она в действительности могла оказать.

В условиях конфликта усиливается групповая идентификация и групповая сплоченность. Каждая из участвующих в конфликте групп становится в эмоциональном отношении единой и монолитной, а каждый член такой группы воспринимает самого себя с позиций норм и оценок, господствующих в группе. Нивелируются внутригрупповые различия: люди, имеющие различный социальный статус, выступают как бы «на равных». У участников конфликта появляется чувство удовлетворения от нахождения среди друзей, возрастает самооценка, формируется чувство безопасности, поскольку группа рассматривается как защитник. Одновременно со всем этим желание думать о своей группе хорошо ведет к отторжению положительной информации о противоположной стороне. Образ врага усиливается, и это еще больше мобилизует членов группы на победу в конфликте. Высокая степень групповой идентификации и групповой сплоченности приводит к психологическому освобождению членов группы от ответственности за нарастание конфликта, у них появляется легкость в принятии решений и притупляется чувство риска. Противоборствующие стороны стремятся идти до конца.

Чем дольше длится конфликт, тем менее адекватным становится восприятие действительности его участниками, чем сильнее конфронтация, тем примитивнее аргументы, используемые каждой из сторон. Выяснение отношений превращается в таком случае в своеобразный «диалог глухих», в котором участники слышат только себя. Такой «диалог» вместо взаимопонимания приводит к противоположному результату. Участники конфликта все жестче отстаивают собственные позиции, страсти накаляются с новой силой, в орбиту противостояния втягиваются новые субъекты, происходит эскалация конфликта.

§ 2. Психологические факторы урегулирования и разрешения конфликтов

Политические конфликты, особенно в международной сфере, могут приводить к весьма серьезным последствиям: гибели людей, разрушению материальных ценностей, расходованию необходимых для про-

дуктивного развития общества ресурсов, поэтому большое значение приобретают проблемы их мирного урегулирования.

При урегулировании политических конфликтов используется целый ряд приемов и подходов, основанных на учете психологических аспектов конфликтных ситуаций. Как было показано выше, в развитии и обострении конфликтов негативную роль играют особенности восприятия противниками друг друга. Следовательно, при урегулировании конфликтов необходимо искать пути изменения такого восприятия. Например, снятию негативных моментов восприятия в условиях конфликта помогает обращение к независимым экспертам.

Важным способом изменения отрицательных образов и ломки сложившихся стереотипов на уровне массового сознания может стать активное использование средств массовой информации. Если печать, радио и телевидение вместо создания и поддержания образа врага будут подчеркивать взаимовыгодность решения спорных проблем путем переговоров, у участников конфликта могут измениться представления о намерениях противоположной стороны. Для формирования адекватного восприятия друг друга субъектами конфликта весьма полезны непосредственные личные контакты их представителей между собой. Такие контакты позволяют открывать в другой стороне черты сходства и устанавливать позитивные взаимоотношения.

Наиболее распространенный способ разрешения политических конфликтов — проведение переговоров. В литературе существует три основных подхода к определению сущности переговорного процесса. Первый подход подразумевает, что переговоры обязательно исходят из общих интересов договаривающихся сторон и поэтому представляют собой мероприятия, ориентирующиеся на сотрудничество. Второй подход предполагает, что интересы сторон могут быть различными и даже взаимоисключающими, переговоры же возможны при наличии взаимозависимости их участников, позволяющей достичь выгодного для всех соглашения. Третий подход допускает как противоборство, так и сотрудничество, наличие как общих, так и взаимоисключающих интересов¹.

В любом случае для успеха переговоров важно создание благоприятной психологической атмосферы. Сильным средством влияния на складывающуюся в ходе переговоров ситуацию может стать некий баланс вознаграждения и наказания оппонента. Психологическим наказанием может быть атмосфера напряженности, ощущение тупика за

¹ Фельдман Д. М. Политология конфликта. М., 1998. С. 161.

столом переговоров. Вознаграждением же могут быть положительные эмоции, связанные с чувством безопасности, собственного достоинства, ощущением успеха и самореализации.

Когда речь идет о переговорах, участниками которых выступают представители разных государств и наций, учитывается их национальная специфика, в том числе и особенности этнической психологии. Например, отличительное свойство русского национального характера — способность доводить все до крайностей, до пределов возможного. На переговорах это может проявляться по-разному: и как стремление постоянно придерживаться чересчур жесткой линии поведения, и, наоборот, как неожиданное для партнера полное и безоговорочное принятие его предложений. Немцы уделяют больше внимания подготовительной стадии переговоров, тщательно прорабатывают свою позицию. Англичане, напротив, к подготовительной стадии равнодушны: они полагают, что наилучшие решения могут быть найдены в процессе самих переговоров в зависимости от позиции партнеров. Для китайского стиля ведения переговоров, по мнению специалистов, характерно четкое разграничение этапов переговорного процесса. На начальном этапе китайцы склонны обращать особое внимание на внешний вид партнеров, манеру их поведения. Уступки они стремятся делать к концу переговоров, после того как оценят возможности противоположной стороны. Американцы же гораздо менее склонны следовать какому-либо строгому разграничению этапов, но все время поддерживают высокий темп ведения переговоров (см. главу XIV).

Для успешного ведения переговоров, кроме знаний и понимания сути спорных проблем, необходимы и определенные личностные качества участников переговорного процесса. В частности, речь идет о психологической готовности договариваться и принимать решения, целеустремленности. В конфликтологии существует такое понятие, как конфликтоустойчивость, в целом характеризующая способность человека сохранять конструктивные способы взаимодействия с окружающими вопреки воздействию конфликтогенных факторов. Конфликтоустойчивость определяется умением человека управлять своими эмоциями и выражать их, не оскорбляя оппонента, умением анализировать, прогнозировать, находить альтернативные решения и вести полемику, стремлением решить проблему и обсуждать как свои интересы, так и интересы других участников конфликта.

Серьезным фактором, влияющим на ход переговоров, могут стать установки их участников. Установки могут быть двух типов — ориентированные на ситуацию или на межличностные взаимоотношения.

Участники переговоров, ориентированные на ситуацию, склонны видеть в переговорах только объективную сторону: соотношение сил, параметры ситуации и т. д. Участники с ориентацией на межличностные отношения готовы либо к сотрудничеству с противоположной стороной, либо к конкурентным отношениям и торгу с партнером. Специалисты по переговорам отмечают, что стремление не отступать от своей позиции может быть обусловлено «оптимистической самонадеянностью» участников переговорного процесса.

Важную роль в урегулировании любых конфликтов способна играть третья сторона. В политических конфликтах международного характера участие третьей стороны может выражаться в оказании добрых услуг, посредничестве, арбитраже и т. д. В качестве третьей стороны могут выступать иностранные государства, международные межправительственные и неправительственные организации. Но в любом случае их представляют живые люди, поэтому в деятельности третьей стороны по урегулированию международных политических конфликтов следует учитывать ряд социально-психологических моментов. Например, в истории международных отношений в прошлом часто прибегали к практике арбитража. В последнее время такая форма урегулирования конфликтов используется гораздо реже, хотя существуют специальные международные органы, призванные разбирать споры между государствами в арбитражном порядке. Созданная еще в 1899 г. и расположенная в Гааге Постоянная палата третейского суда за весь XX в. рассмотрела только около тридцати конфликтных ситуаций в отношениях между государствами (см. главу XV).

Представляется, что причины столь прохладного отношения к арбитражу как форме участия третьей стороны в разрешении международных конфликтов кроется, помимо прочего, и в психологических особенностях подобной практики. По мнению известного российского специалиста в области психологии конфликта Н. Гришиной, «модель арбитража» обладает рядом потенциальных недостатков, среди которых — принятие решения «арбитром» как поиск «истины», что является неадекватным подходом к проблемам человеческих отношений; принятие решения «в пользу» одной из сторон (или решения более выгодного для нее), что вызывает негативные реакции в адрес «арбитра». Кроме этого, принятие решения «арбитром» закрепляет за ним ответственность за реализацию и последствия этого решения. Наконец, решение проблемы конфликта «арбитром» затрагивает лишь его предметный слой, но не аспект взаимоотношений участников ситуа-

ции, поэтому полного разрешения конфликта, предполагающего достижение соглашения между его участниками, не происходит¹.

Примеры влияния психологических факторов на принятие арбитражного решения можно найти в истории. В частности, российский император Николай I вынужден был выступить в качестве арбитра в споре между государствами, победившими в I Балканской войне (1912–1913 гг.), – Болгарией, Грецией, Сербией и Румынией, которые рассорились между собой по вопросу о разделе территорий. Стремясь не обидеть ни одно из этих близких России в цивилизационном отношении государств, российский император предложил решение, не устроившее никого из участников конфликта и подтолкнувшее их ко II Балканской войне (1913 г.). Эта война усложнила и без того запутанные международные отношения на Юго-Востоке Европы.

Еще более существенное воздействие оказывают психологические факторы на такой вид деятельности третьей стороны, как посредничество. Посредником может быть не только официальный представитель государства или международной организации, но и частное лицо, если оно обладает известностью и авторитетом. Поэтому для совершенствования посреднической деятельности по урегулированию международных конфликтов можно использовать результаты психологического исследования и обобщения практики медиации (посредничества) в конфликтных ситуациях на уровне межличностных отношений. Эти исследования свидетельствуют о более высокой эффективности посредничества по сравнению с другими видами деятельности третьей стороны².

С одной стороны, специалисты отмечают факт позитивного влияния самого присутствия третьей (нейтральной) стороны и снижения степени деструктивности во взаимодействии конфликтующих сторон. С другой – посредник организует диалог между участниками конфликта, тем самым активизируя их деятельность в направлении разрешения конфликта и принятия взаимоприемлемых решений.

Но каковы условия эффективного посредничества? Важным фактором эффективности посредничества является мотивация по урегулированию отношений и разрешению конфликта; высокая мотивация сторон способствует успеху медиации. Другим важным фактором успешного посредничества выступает доверие участников конфликта

¹ Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2000. С. 317.

² Mediation in International Relations: Multiple Approaches to Conflict Management / Ed. by J. Bercovich and J. Rubin. N. Y., 1992. P. 58.

к самому процессу медиации. Существенный фактор — добровольность и согласованность (желание всех участников конфликта) обращения к посреднику, а также особенности самого процесса медиации, т. е. конкретной деятельности посредников.

Существуют ли ограничения в использовании медиаторства? Да, психологи отмечают и возможные негативные аспекты участия третьей стороны в разрешении конфликтов. Вмешательство третьей стороны может нарушить стабильность, равновесие в отношениях сторон, кроме этого, третья сторона может иметь и свои собственные интересы (например, сохранить за собой репутацию и позицию посредника). Участие третьей стороны также может привести к заключению соглашений, которые будут в большей степени результатом внешнего воздействия, чем внутреннего согласия участников конфликта, что обусловит непрочность соглашений¹. Тем не менее посредничество признается специалистами весьма эффективным способом разрешения конфликтов.

Психолог Ч. Осгуд предложил и обосновал стратегию «*постепенные и обоюдные инициативы по разрядке напряженности*» (сокращенное название — ПОИР, или *GRIT*), предназначенную для снятия напряжения и деэскалации конфликта. Суть этой стратегии заключается в том, что одна из сторон сначала заявляет о своем стремлении к миру, а затем делает несколько небольших примирительных акций и приглашает противника последовать ее примеру. Предварительные заявления позволяют правильно интерпретировать ее добровольные акции не как признак слабости, а как добрую волю. Эти акции вызывают и определенный общественный резонанс, вынуждающий противника соблюдать нормы взаимности. Демонстрируя надежность и честность, инициативная сторона в полном соответствии с заявлением делает ряд поддающихся проверке акций и оставляет свободу выбора противнику для ответных шагов. Когда противник в ответ делает миролюбивые акции добровольно, его установки смягчаются.

Стратегия ПОИР предназначена для снижения международной напряженности, она носит примирительный характер, но требует соблюдения некоторых правил. Во-первых, инициативные примирительные акции должны быть невелики, чтобы они не подорвали ничьей безопасности, а скорее, обратили внимание на готовность идти по пути примирения. Во-вторых, если другая сторона осуществит агрес-

¹ *Rubin J. Models of Conflict Management // Journal of Social Issues. Vol. 50, № 1, 1994. P. 36.*

сивную акцию, первая ответит тем же, давая понять, что не потерпит эксплуатации, но ответные меры не должны быть гиперреакцией, которая могла бы повлечь за собой новый виток конфликта. В-третьих, если противник также предпринимает шаги к примирению, на них следует равный или даже чуть больший ответ.

Подобные ПОИР-стратегии применяются в практике международных отношений. Например, в период Берлинского кризиса в начале 1960-х гг. советские и американские танки стояли друг против друга, но постепенно обе стороны начали отводить свои танки назад, отвечая на каждый такой шаг новым шагом.

10 июня 1963 г. американский президент Дж. Кеннеди произнес речь «Стратегия мира», а затем объявил о прекращении Соединенными Штатами всех ядерных испытаний в атмосфере и не возобновлении их до тех пор, пока этого не сделает другая сторона. Советский лидер Н. С. Хрущев спустя пять дней объявил, что он останавливает производство стратегических бомбардировщиков. Последовали дальнейшие взаимные уступки. США стали продавать СССР пшеницу, а Советский Союз согласился протянуть между Кремлем и Белым домом «горячую линию» связи, которой очень не хватало во время Карибского кризиса 1962 г. Вскоре после этого СССР и США вместе с Великобританией заключили Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах. Произошло явное снижение напряженности в отношениях между двумя странами и в мире в целом.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы особенности восприятия друг друга сторонами политического конфликта?
2. В чем заключается феномен «зеркальных» образов?
3. Дайте характеристику групповых процессов, развивающихся в период конфликтного взаимодействия групп.
4. Охарактеризуйте способы изменения искаженного восприятия участников конфликта.
5. Какова психологическая составляющая успешного проведения переговоров?
6. Что такое конфликтоустойчивость?
7. Охарактеризуйте психологические особенности арбитража.
8. Каковы психологические условия эффективного посредничества?
9. Дайте характеристику стратегии ПОИР.

Глава VII

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Теоретические концепции революции

Основными формами разрешения экономических, политических и социальных конфликтов и кризисов служат реформы и революции. Наиболее распространенное определение революции принадлежит американскому политологу С. Хантингтону, который считал ее быстрым, фундаментальным и насильственным изменением доминирующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства, правительственной деятельности и политики. В противоположность революциям реформы — это частичные изменения в отдельных сферах общества, не затрагивающие его фундаментальных основ.

Политические революции — это явление Нового времени. Впервые феномен революции, осуществлявшейся под знаменем свободы, проявился в XVIII в.; классическим примером стала Великая французская революция. Политический анализ революций первоначально происходил в рамках идеологизированного подхода.

Консервативная политическая идеология и возникла главным образом как реакция на французскую революцию. Описывая ее кровавые события, один из основоположников консерватизма Эдмунд Берк сформулировал присущий данной идеологии взгляд на революционные процессы: революция — общественное зло, она обнажает самые худшие, низменные стороны человеческой природы. Причины революции консерваторы видели прежде всего в появлении и распространении ложных и вредных идей.

С иных позиций оценивали революцию представители раннего либерализма. Либеральная доктрина оправдывала революцию в том случае, когда власть нарушает условия общественного договора. Классический либерализм считал одним из основополагающих прав человека

и право на восстание. Более осторожная оценка этого явления стала формироваться в либерализме постепенно, на основе реальной практики революционной борьбы (см. главу III).

Одну из первых теоретических концепций революции создал К. Маркс, он называл революции «локомотивами истории» и «праздником угнетенных». С точки зрения марксизма, глубинные причины революций связаны с конфликтом внутри способа производства — между производительными силами и производственными отношениями. На определенной ступени своего развития производительные силы не могут больше существовать в рамках прежних производственных отношений, прежде всего отношений собственности. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями разрешается в «эпоху *социальной революции*», под которой основоположник марксизма понимал длительный период перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Кульминационный момент этого периода — *политическая революция*. Причины политических революций К. Маркс видел в конфликте между общественными классами, которые представляют собой главную движущую силу общественного развития вообще. Классовые конфликты особенно обостряются как раз в периоды социально-экономических кризисов, вызванных отставанием производственных отношений от производительных сил. В ходе политической революции более передовой социальный класс свергает класс реакционный и, используя механизм политической власти, осуществляет назревшие перемены во всех сферах общественной жизни.

Марксизм видел в революции высшую форму социального прогресса, политическая революция как бы подводила черту под процессом перехода от одной такой формации к другой. Исключение составлял лишь высший тип социально-политической революции — революция пролетарская, или социалистическая. В ходе социалистической революции самый передовой класс — пролетариат — сначала свергает власть буржуазии, а потом начинает переход к новому коммунистическому обществу. Диктатура пролетариата ломает сопротивление эксплуататорских классов, а ликвидация частной собственности становится предпосылкой устранения классовых различий вообще. Предполагалось, что социалистическая революция неизбежно примет всемирный характер и начнется в наиболее развитых странах, так как для нее необходима высокая степень зрелости капиталистического общества и высокая степень зрелости материальных предпосылок нового общественного строя.

Реально общественное развитие пошло совсем не так, как представлял К. Маркс. Рабочее движение в странах Западной Европы в большинстве случаев предпочло социальной революции социальную реформу. Идеи революционного марксизма нашли поддержку в таких странах и регионах, которые сами основоположники данного направления считали непригодными для начала коммунистического эксперимента. Заслуга приспособления доктрины марксизма к условиям слаборазвитых стран принадлежит В. И. Ленину. Дополнения, сделанные В. Лениным, вышли за рамки собственно марксистской парадигмы. В частности, это относится к ленинской концепции революционной ситуации. В. И. Ленин считал, что любая политическая революция нуждается в определенных условиях для своей победы. *Первое условие* — наличие общенационального кризиса, при котором не только бы «низы не хотели жить по-старому», но и «верхи не могли» управлять старыми методами. *Второе условие* В. Ленин характеризовал как «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс». *И третье* — значительное повышение социальной активности этих масс. Такое сочетание условий для возникновения революционной ситуации казалось обоснованным не только марксистам, но в какой-то мере и исследователям, далеким от коммунистической идеологии.

Марксистская теория революции на протяжении многих десятилетий была весьма привлекательной и в качестве научной методологии, и в виде конкретной программы социально-политического действия. Сегодня марксистская теория революции утратила свою привлекательность из-за фактического провала социальных экспериментов, проводившихся под влиянием идей К. Маркса и В. Ленина во многих странах мира.

Иную, чем у К. Маркса, теоретическую концепцию революции, объяснение причин ее возникновения и механизмов развития предложил Алексис де Токвиль. Он видел причины революций не в экономическом кризисе, вызванном отставанием производственных отношений от ушедших вперед производительных сил. Токвиль полагал, что революционные взрывы могут происходить не обязательно в результате ухудшения ситуации в обществе: люди привыкают к лишениям и терпеливо переносят их, если считают неизбежными. Но как только появляется надежда на улучшение, эти лишения воспринимаются уже как невыносимые. То есть причиной революционных событий становится не сама по себе степень экономической нужды и политического гнета, а их психологическое восприятие. С точки зрения А. Токвиля, так было накануне Великой французской революции, когда массы

французов стали воспринимать свое положение как невыносимое, хотя объективно ситуация во Франции в период правления Людовика XVIII была более благоприятной, чем в предшествующие десятилетия.

А. Токвиль признавал, что Франция стояла на пороге серьезных изменений в экономической сфере и политическом режиме, но не считал революцию в тех условиях неизбежной. В действительности революция, так сказать, «проделала» ту же работу, которая проводилась и без нее, но с огромными издержками для всего общества. Кульминацией революции стало установление диктатуры, превзошедшей по своей жестокости все предреволюционные монархические правительства.

Во 2-й половине XIX в. в рамках позитивистской социологии революция рассматривалась как отклонение от нормального хода общественного развития. О. Конт и Г. Спенсер противопоставляли идее революции идею эволюции — постепенных общественных изменений, совершаемых посредством политических, экономических и социальных реформ.

Широкую известность получила социально-психологическая концепция Г. Лебона, в основу которой положены его исследования массового поведения людей в революционные периоды. Для этих периодов характерна «власть толпы», когда поведение людей, охваченных всеобщим возбуждением, значительно отличается от их поведения на индивидуальном уровне или в малых группах. Пример подобного поведения Г. Лебон находил в действиях парижских народных низов во время Великой французской революции. Анализируя социально-психологический механизм этого явления, французский ученый отмечал, что люди, охваченные коллективным возбуждением, которое порождено толпой, теряют критические способности, присущие им в повседневной жизни. Они становятся легко подвержены внушению и поддаются на любые, в том числе и абсурдные, призывы лидеров толпы и демагогов; происходит массовое помутнение сознания. Идеи Лебона носили консервативный характер, их критическое острие было направлено не только против революционной теории и практики, но и против институтов парламентской демократии. Но опыт революций уже XX столетия показал, что наблюдения и выводы французского социолога и психолога были близки к истине.

Большое влияние на политическую науку и социологию XX в. оказала элитаристская концепция В. Парето. Парето считал элитой избранную часть общества, к которой должны приспособляться все отдельные его члены. Элита, по его мнению, характеризуется высокой

степенью самообладания и расчетливостью, умением видеть слабые и наиболее чувствительные места в окружающих и использовать их в своих интересах. Массы же, напротив, характеризует неспособность справиться со своими эмоциями и предрассудками. Для правящей элиты особенно необходимы два основных качества. Во-первых, умение убеждать, манипулируя человеческими эмоциями; во-вторых, умение применять силу там, где это требуется. Качествами первого типа обладают люди, которых Парето называл «лисами». У них преобладают базовые инстинкты, названные Парето «искусством комбинаций», т. е. способность лавировать, находя всевозможные варианты выхода из складывающихся ситуаций. Качества второго типа присущи «львам», т. е. людям решительным, твердым, даже жестоким, не останавливающимся перед применением насилия. В разные исторические эпохи оказываются востребованными правящие элиты различного типа.

Механизм смены элит выглядит у Парето следующим образом. Между элитой и массой происходит постоянная циркуляция: лучшие представители массы пополняют ряды элиты, а та часть элиты, которая утратила необходимые качества, покидает ее ряды. Если процесс циркуляции не происходит, элита вырождается, понижается результативность ее управленческой деятельности, вследствие чего обостряются экономические, социальные и политические проблемы общества. Оппозиционная контрэлита заявляет свои претензии на место во властных структурах. Используя недовольство народа политикой существующей власти, контрэлита привлекает его на свою сторону. В ситуации общественного кризиса она свергает правящую элиту и приходит к власти. Однако в дальнейшем, по мнению Парето, все неизбежно повторяется. Новая правящая элита постепенно приобретает все более закрытый характер, и тогда вновь возникает революционная ситуация со всеми вышеописанными последствиями.

Известный социолог П. А. Сорокин в вышедшей в 1925 г. в США и ставшей всемирно известной книге «Социология революции» предпринял попытку объективного неидеологизированного научного анализа феномена революции. Выясняя причины революций, П. Сорокин основывался на господствовавшей тогда в социально-политических науках бихевиористской методологии. Он полагал, что человеческое поведение определяется врожденными, «базовыми» инстинктами. Это пищеварительный инстинкт, инстинкт свободы, собственнический инстинкт, инстинкт индивидуального самосохранения, инстинкт коллективного самосохранения. Всеобщее подавление базовых инстинктов, или, как писал П. Сорокин, «репрессирование» большого их чис-

ла, неизбежно приводит к революционному взрыву. Необходимым условием взрыва является и то обстоятельство, что эти «репрессии» распространяются на весьма большую или даже подавляющую часть населения. Но кроме «кризиса низов» для революции необходим и «кризис верхов», описывая который, П. Сорокин следовал подходам и выводам В. Парето. Так же, как и итальянский социолог, он видел одну из важнейших причин революционных кризисов в вырождении прежней правящей элиты.

В революционном процессе П. Сорокин выделял две основные стадии: первая — переходная от нормального периода к революционному, и вторая — переходная от революционного периода вновь к нормальному. Революция, порожденная «репрессированием» основных базовых инстинктов, не устраняет этого «репрессирования», а еще более усиливает его. Например, голод получает еще более широкое распространение вследствие дезорганизации всей хозяйственной жизни и торгового обмена. В условиях хаоса и анархии, неизбежно порождаемых революцией, возрастает опасность для человеческой жизни, т. е. «репрессивруется» инстинкт самосохранения. Факторы, подталкивавшие людей на борьбу со старым режимом, способствуют нарастанию их конфронтации уже с новой революционной властью, которая своим деспотизмом еще более усиливает эту конфронтацию. Требования безграничной свободы, характерные для начального периода революции, сменяются на ее следующем этапе стремлением к порядку и стабильности.

Вторая стадия революции, по мнению П. Сорокина, представляет собой возвращение к привычным, проверенным временем формам жизни. Не отрицая, что революции приводят к осуществлению уже назревших перемен, П. Сорокин считал их худшим способом улучшения материальных и духовных условий жизни народа. Более того, очень часто революции заканчиваются вовсе не так, как обещают их вожди и надеются увлеченные их целями люди. Поэтому П. Сорокин отдавал предпочтение постепенному эволюционному развитию, полагая, что прогрессивные процессы базируются на солидарности, кооперации и любви, а не на сопутствующих всем великим революциям ненависти и непримиримой борьбе.

Широкою известностью перед Второй мировой войной приобрела книга американского социолога К. Бринтона «Анатомия революции». Основываясь на историческом опыте, прежде всего Франции и России, К. Бринтон выделил несколько этапов, через которые проходит всякая великая революция. Предшествует ей накопление социальных

и экономических противоречий, способствующих накоплению недовольства и озлобленности у большей части населения. Растут оппозиционные настроения в среде интеллектуалов, появляются и распространяются радикальные и революционные идеи. Попытки правящего класса осуществить реформы оказываются запоздалыми, неэффективными и еще более усиливают общественное брожение. В условиях кризиса власти революционерам удается одержать победу, старый режим рушится.

После победы революции среди ее лидеров и активистов происходит размежевание на умеренное и радикальное крыло. Умеренные стремятся удержать революцию в определенных рамках, в то время как радикально настроенные массы желают удовлетворить все свои чаяния, в том числе невыполнимые. Опираясь на это противодействие, революционные экстремисты приходят к власти, и наступает кульминационный момент развития революционного процесса. Высшая стадия революции — стадия «террора» — характеризуется попытками полностью и окончательно избавиться от всего наследия старого режима. Окончательной стадией революции К. Бринтон считал стадию «термидора». «Термидор» приходит во взбудораженное революцией общество так же, как отлив сменяет прилив. Таким образом, революция во многом возвращается в ту точку, с которой она начиналась.

Социально-политические потрясения середины XX в. усилили внимание к теоретическому изучению революционных процессов в политической науке и социологии 50–70-х гг. Наиболее известные концепции революции этого периода принадлежат Ч. Джонсону, Дж. Дэвису и Т. Гурру, Ч. Тилли.

Концепция революции Ч. Джонсона основывается на социологических идеях структурно-функционального анализа. Необходимым условием осуществления революции Ч. Джонсон считал выход общества из состояния равновесия. Общественная неустойчивость возникает вследствие расстройств связей между основными культурными ценностями общества и его экономической системой. Возникшая неустойчивость воздействует на массовое сознание, которое становится восприимчивым к идеям социальных изменений и политическим лидерам — сторонникам этих идей. Хотя старый режим постепенно утрачивает легитимную поддержку населения, сама революция не станет неизбежной, если правящая элита найдет в себе силы осуществить назревшие перемены и тем самым восстановить равновесие между основными общественными институтами. Иначе изменения проведут

политические силы, пришедшие к власти в результате революции. В концепции Ч. Джонсона большое внимание уделяется так называемым акселераторам (ускорителям) революций, к которым он причислял войны, экономические кризисы, стихийные бедствия и другие чрезвычайные и непредвиденные события.

Концепция Дж. Дэвиса и Т. Гурра — по существу, модификация и развитие взглядов А. де Токвиля; она известна под названием теории «относительной депривации».

- ▶ Под относительной депривацией понимается разрыв между ценностными ожиданиями (материальными и иными условиями жизни, признаваемыми людьми справедливыми для себя) и ценностными возможностями (объемом жизненных благ, которые люди могут реально получить).

Д. Дэвис указывает, что в истории человечества можно найти достаточно много периодов, когда люди жили в бедности или подвергались чрезвычайно сильному гнету, но открыто не протестовали против этого. Постоянная бедность или лишения не делают людей революционерами; лишь когда люди начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть, и тем, что должно бы быть, тогда и возникает синдром относительной депривации.

Д. Дэвис и Т. Гурр выделяют три основных пути исторического развития, которые приводят к возникновению подобного синдрома и революционной ситуации. Первый путь таков: в результате появления и распространения новых идей, религиозных доктрин, систем ценностей возникает ожидание более высоких жизненных стандартов, осознающихся людьми как справедливые, однако отсутствие реальных условий для реализации таких стандартов ведет к массовому недовольству. Такая ситуация может вызвать «революцию пробудившихся надежд». Второй путь во многом прямо противоположен. Ожидания остаются прежними, но происходит существенное уменьшение возможностей удовлетворить основные жизненные потребности в результате экономического или финансового кризиса, либо, если речь идет прежде всего не о материальных факторах, по причине неспособности государства обеспечить приемлемый уровень общественной безопасности, либо из-за прихода к власти авторитарного, диктаторского режима. Такая ситуация названа Д. Дэвисом «революцией отобранных выгод». Третий путь представляет собой сочетание первых двух. Надежды на

улучшение и возможности реального удовлетворения потребностей растут одновременно. Это происходит в период прогрессивного экономического роста: жизненные стандарты начинают возрастать, поднимается также и уровень ожиданий. Но если на фоне такого процветания по каким-либо причинам (войны, экономический спад, стихийные бедствия и т. д.) резко падают возможности удовлетворить потребности, ставшие привычными, это приводит к тому, что называют «революцией крушения прогресса». Ожидания по инерции продолжают расти, и разрыв между ними и реальностью становится еще более нестерпимым.

Ч. Тилли сосредоточил внимание на механизмах мобилизации различных групп населения для достижения революционных целей. В работе «От мобилизации к революции» он рассматривает революцию как особую форму коллективного действия, включающую четыре основных элемента: организацию, мобилизацию, общие интересы и возможность. Движения протеста только тогда смогут стать началом революционного коллективного действия, полагает Ч. Тилли, когда будут оформлены в революционные группы с жесткой дисциплиной. Чтобы коллективное действие могло состояться, такой группе необходимо осуществить мобилизацию ресурсов (материальных, политических, моральных и т. д.). Мобилизация происходит на основе общих интересов у тех, кто вовлечен в коллективное действие. Социальные движения как средства мобилизации групповых ресурсов возникают тогда, когда люди лишены институализированных средств для выражения своих интересов, а также тогда, когда государственная власть оказывается не способной выполнить требования населения или когда она усиливает свои требования к нему. Неспособностью оппозиционных групп обеспечить себе активное и действенное представительство в прежней политической системе обусловлен выбор ими насильственных средств достижения своих целей.

Характер конфликта между правящей элитой и оппозицией обуславливает степень передачи власти. Если конфликт приобретает форму простой взаимоисключающей альтернативы, то происходит полная передача власти, без последующих контактов между представителями ушедшего политического режима и постреволюционным правительством. Если коалиции включают различные политические силы, это облегчает сам процесс передачи власти, но в итоге новая революционная власть будет опираться на широкую политическую базу, в том числе и отдельных представителей прежнего режима.

подавляющее большинство теоретических концепций революции видят в ней вполне возможный путь разрешения накопившихся в общественной жизни конфликтов, но все же не считают такой путь оптимальным.

§ 2. Революции в политической истории России

В XX столетии наша страна пережила несколько масштабных социально-политических кризисов. Первым таким кризисом стала революция 1905–1907 гг. Россия в прошлом веке переживала непростую и противоречивую эпоху модернизации — переход от традиционного, преимущественно аграрного общества к современному, индустриальному, а в дальнейшем — постиндустриальному. Период модернизации связан с коренной ломкой и преобразованием экономических, социальных и политических структур, изменением в системе духовных ценностей общества. Поэтому в период модернизации назревают и обостряются многообразные социально-политические конфликты, и эти конфликты могут разрешаться, в том числе, и наиболее быстрым и радикальным путем, т. е. через революцию. Находятся и политические силы, сознательно избирающие революционную стратегию и тактику для достижения своих целей.

Наиболее подробно механизм развития социально-политических конфликтов и вызревания революционных ситуаций в условиях модернизации был рассмотрен в труде известного американского политолога С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах». С. Хантингтон полагал, что стимулом для начала модернизации традиционного общества может послужить некоторая совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих политическую элиту решиться начать реформы. Преобразования могут затрагивать экономические и социальные институты, но не касаться традиционной политической системы. Следовательно, имеется принципиальная возможность осуществить социально-экономическую модернизацию «сверху», в рамках старых политических институтов и под руководством традиционной элиты. Важна готовность правящей элиты к осуществлению не только технико-экономической, но и политической модернизации, включающей как процесс приспособления традиционных институтов к изменившимся условиям, так и процесс создания новых, связанных с происходящими переменами.

Политическая модернизация, которую С. Хантингтон понимает как демократизацию политических институтов общества и его политического сознания, обусловлена целым рядом факторов социального характера. Индустриализация, социально-экономический прогресс неизбежно способствуют развитию системы образования, заимствованию передовых технических и естественно-научных идей, но вместе с научно-технической информацией общество впитывает и новые политические и философские идеи, способствующие возникновению сомнений в целесообразности и неизбежности существующего политического режима. А поскольку составной частью модернизационного процесса является эволюция социальной структуры общества, то эти идеи падают на вполне подготовленную почву.

Индустриализация и урбанизация влекут за собой формирование и быстрый рост новых социальных групп. С. Хантингтон особо отмечает значение формирования среднего класса, состоящего из предпринимателей, управляющих, инженерно-технических специалистов, офицеров, гражданских служащих, юристов, учителей. Именно интеллигенция первой усваивает новые политические идеи и способствует их распространению в обществе. В результате все большее количество людей и социальных групп начинают осознавать, что политика напрямую касается их частных интересов, что от решений, принимаемых политической властью, зависит их личная судьба. Появляется все более осознанное стремление к участию в политической жизни, поиску механизмов и способов воздействия на принятие государственных решений.

Поскольку традиционные политические институты не обеспечивают возможностей политического участия просыпающейся к активной политической жизни части населения, на них распространяется общественное недовольство. Наступает критическая ситуация. Если правящая элита не решится на назревшие политические реформы, то возникнет и будет увеличиваться разрыв между растущим уровнем политической активности широких социальных слоев и отстающей от него реально достигнутой степенью политической модернизации общества. В такой ситуации революция служит наиболее быстрым и радикальным способом насильственной ликвидации подобного разрыва. Разрушая старую политическую систему, она создает новые политические институты, правовые и политические нормы, способные гарантировать участие народных масс в политической жизни общества. Одновременно прежняя правящая элита, не сумевшая справиться со

стоявшими перед ней задачами, заменяется новой элитой, более динамичной и открытой веяниям времени.

По мнению С. Хантингтона, итоги революции могут иметь двойственный характер. С одной стороны, она есть следствие недостаточно быстрого и комплексного осуществления модернизации, с другой — в ней выражается протест против самого процесса модернизации и его социальных последствий. Поэтому реальные политические результаты революции могут быть прямо противоположны тем лозунгам, под которыми она начинается. Если же речь идет о задачах социально-экономической модернизации, то революция, как и всякое социально-политическое потрясение, даже способна приостановить и затруднить их реализацию.

Многое из того, что описывает С. Хантингтон в своей теоретической модели, имело место в России в годы, предшествовавшие революции 1905–1907 гг. Отход от курса реформ и поворот к политической реакции после убийства Александра II по времени совпал с периодом интенсивного социально-экономического развития страны, которая по темпам роста промышленного производства в конце прошлого века вышла на первое место в мире. Под стать происходившим экономическим сдвигам были и социальные. За тот же период значительно выросла численность городского населения, шел процесс формирования массового среднего класса, других социальных групп, вызванных к жизни социально-экономической модернизацией, прежде всего — слоя промышленных рабочих.

В начале прошлого столетия социальные перемены стали находить свое выражение и в политической сфере. Возросла политическая активность различных групп городского населения. Накануне событий 1905–1907 гг. призывы к установлению политических свобод, конституции и парламентаризма буквально переполняли общественную атмосферу, были типичным проявлением революционного кризиса, вызванного отставанием процесса политической модернизации от сдвигов, которые произошли в экономике и социальной структуре.

Реформы, осуществленные под давлением «снизу» и по своей сути конституционные, следует оценить двояко. С одной стороны, они были шагом на пути политических модернизаций, но, с другой — возникшие в результате этих реформ политические институты еще трудно было характеризовать как институты развитой парламентской демократии. Законодательные права Государственной думы были весьма ограничены. Она не обладала правом формирования правительства, даже ее возможности контролировать государственный бюджет оста-

вались минимальными. Совершенно недемократичной была избирательная система. К тому же верховная государственная власть изначально враждебно относилась к Государственной думе, видя в ней временное и вредное для общественного спокойствия учреждение. Как только обстановка позволила, самодержавие стало по частям отбирать дарованные ранее права, изменило избирательную систему в еще более антидемократическом направлении.

Нерешенные социально-экономические и социально-политические проблемы России обострились в годы Первой мировой войны, поэтому революционные события 1917 г. наступили вполне закономерно. Однако в самом начале характер революционного кризиса был детерминирован не только социальными конфликтами «внизу», но и конфликтом элит «наверху». В российской действительности начала XX в. признаки такого конфликта заметны достаточно отчетливо. Правящая элита самодержавной России была аристократической по своему происхождению. Состав правящей элиты тогдашней России, способы ее рекрутирования определили и ее основные качества. В первую очередь, это консерватизм, проявляющийся в недоверчивом и даже враждебном отношении к любым инновациям, даже исходившим от самого императора. Замкнутость элиты неминуемо вела к ее деградации, выражавшейся в появлении на важнейших государственных постах откровенно слабых и малокомпетентных людей, в снижении уровня и качества принимаемых управленческих решений и, как следствие этого, ухудшении ситуации в тех сферах, которых решения эти касались напрямую.

Тенденция к деградации правящей элиты особенно усилилась в годы Первой мировой войны. Неподготовленность России к войне, дезорганизация снабжения населения и армии, прогрессирующий кризис транспортной системы были связаны с просчетами правящих кругов, неспособностью бюрократического аппарата империи справиться с назревшими проблемами. Такая ситуация резко обострила конфликт между аристократически-бюрократической элитой, находившейся у власти, и активно формировавшейся в предшествующие годы оппозиционной, довольно широкой по своему составу контрэлитой.

Для интеграции и политико-организационного оформления контрэлиты в результате революционных событий 1905–1907 гг. сложилась благоприятная ситуация. С одной стороны, появление условий для легальной деятельности нерадикальных политических партий и введение, пусть и усеченного, института парламентаризма в виде Государственной думы впервые создавало автономную от государства сферу

публичной политики. Но, с другой стороны, принципы формирования структур исполнительной власти остались неизменными. Таким образом, возникла ситуация, позволявшая некоторым либеральным политикам открыто декларировать свои взгляды и предложения по вопросам общественного развития, но лишавшая их возможности оказывать реальное воздействие на решение этих проблем.

Многие трудности, обрушившиеся на Россию с началом военных действий, стали результатом недостаточной компетентности и нерациональных управленческих решений тогдашней правящей элиты. Естественно, контрэлита не могла не воспользоваться этим положением для того, чтобы еще громче заявить о своих претензиях на участие в решении наиболее важных проблем, стоявших перед государством и обществом. Эти претензии были даже институализированы в двух основных формах. Во-первых, в виде созданного при активном участии либералов и правоцентристов Союза земств и городов (Земгор), во-вторых, в виде сложившегося в Государственной думе Прогрессивного блока, в который входило большинство депутатов нижней палаты, прежде всего представителей партий кадетов и октябристов. Заявляя о своей поддержке курса на ведение войны и сохранение верности союзническому долгу, Прогрессивный блок в качестве своеобразной платы за такую поддержку выдвигал требование о создании «ответственного министерства». То есть в разгар военных действий еще раз было обнародовано довоенное притязание контрэлиты на свое участие в исполнительной власти путем формирования правительства, подотчетного Государственной думе.

Своих целей оппозиционеры стремились достигнуть верхушечным переворотом. Среди лидеров Прогрессивного блока не раз возникала идея заговора с целью устранения от власти Николая II. Не только многие участники оппозиции, но и те, кто стоял близко к кормилу власти, возлагали свои надежды на брата императора — Михаила Александровича. Он, став регентом при малолетнем наследнике, должен был пойти навстречу чаяниям «общества» и удовлетворить все политические и экономические требования Прогрессивного блока, сохранив при этом верность союзникам и доведя войну до победного конца.

К февралю 1917 г. в стране скопился огромный потенциал для социального взрыва. Вызванный войной кризис совпал с конфликтом старой и новой элит, что наложило свой отпечаток на способ и форму его разрешения. Увидев в случившихся волнениях угрозу стабильности государства, деятели думской оппозиции решили спасти положение комбинацией с отречением Николая II от престола. Однако собы-

тия приняли такой оборот, что все ранее строившиеся планы были сметены. Николай II неожиданно отрекся от престола не только за самого себя, но и за своего сына. Старая власть рухнула в одночасье, освободив место для тех, кто давно жаждал попробовать свои силы в управлении страной. В самом начале Февральская революция и впрямь выглядела как классическая смена правящих элит. Но на этом, пожалуй, сходство с теоретической концепцией и заканчивается. Эффективность деятельности Временного правительства оказалась не выше, чем у прежней администрации. Университетские профессора и столичные адвокаты оказались не лучше царских бюрократов, остро ими критикуемых. Конечно, неудачи Временного правительства объяснялись и тяжелой обстановкой в стране, но нельзя сбрасывать со счетов отсутствие реального управленческого опыта, а также специальных знаний у новоиспеченных министров и других государственных чиновников.

Русская революция прошла в своем развитии все этапы, характерные для великих революций вообще. Но ее отличие заключалось в том, что роль субъективного фактора — политической идеологии, политического лидерства — была чрезвычайно высока. Победа большевиков в октябре 1917 г. опиралась на вполне осознанную стратегию и хорошую организацию. В. Ленин и Л. Троцкий — главные вожди большевизма — полагали, что победа «пролетарской» революции в России даст толчок европейской, а затем и мировой революции, которые только и могут гарантировать окончательный успех затеянного ими социалистического эксперимента. Большевикам удалось захватить власть, но созданная в результате Октябрьского переворота политическая система приняла со временем тоталитарный характер, кардинально отличающийся от изначальных идеалов К. Маркса и В. Ленина.

§ 3. Политические революции и современность

На протяжении многих десятилетий революционный путь социально-политических изменений рассматривался как средство достижения лучшего общественного устройства сторонниками марксизма и других леворадикальных идеологических концепций. Однако во многих странах завоевание коммунистами власти стало результатом событий и процессов, развивавшихся не по той схеме, которая предполагалась в марксистской теории революции. Коммунистические режимы в Вос-

точной Европе возникли после окончания Второй мировой войны на территориях, освобожденных от фашизма Советской Армией. Во многих восточноевропейских странах коммунистические партии были маловлиятельными, и их приход к власти был бы невозможен без советского присутствия. Исключением стали лишь Албания и Югославия. Но и там, хотя коммунисты и завоевали власть самостоятельно, однако не в результате классовой борьбы (по К. Марксу), а на волне национально-освободительного движения и победы в антифашистской партизанской войне, которую они возглавили в обеих странах. Партизанская война, опиравшаяся на поддержку не столько городских рабочих, сколько крестьянского сельского населения, привела к власти коммунистов Китая, а затем и коммунистов стран Индокитайского полуострова. Появлению коммунистического режима на Кубе также предшествовала партизанская война в сельской местности, во главе которой стояли Ф. Кастро и его ближайшие соратники, не декларировавшие публично своей приверженности коммунистической идеологии.

Несмотря на явные противоречия между теорией и практикой, в странах социалистического лагеря и в рядах коммунистического движения мифологизировали и абсолютизировали феномен социально-политических революций, считая их высшей формой общественного прогресса и, говоря словами К. Маркса, «локомотивами истории», «праздником угнетенных». Между тем рассматривать политические революции как сугубо позитивное явление неправомерно. Даже если революционный социально-политический переворот и дает положительный эффект в какой-либо сфере общественной жизни, нет гарантии, что полученный результат соразмерен с «ценой», которую отдельные люди и общество в целом платят за революцию.

Историческая практика показала, что нет оснований отождествлять любую революцию с торжеством идей и принципов, присущих левым политическим идеологиям. Марксисты традиционно противопоставляли «революции» и «контрреволюции», положительно оценивая первые и негативные — вторые. Для политолога и конфликтолога такое противопоставление некорректно, поскольку основано исключительно на ценностном аспекте и не учитывает идентичность механизмов и способов осуществления как «революционных», так и «контрреволюционных» переворотов. Городское вооруженное восстание может быть направлено против царского самодержавия, как это было в Москве во время революции 1905 г., но может носить антикоммунистический характер, как это было в Будапеште в октябре 1956 г., поэтому в советской

историографии события в Будапеште оценивались как «контрреволюция». Партизанскую войну в XX столетии вели не только китайские и вьетнамские коммунисты, никарагуанские сандинисты и другие «антиимпериалистические прогрессивные силы», но и афганские моджахеды, боровшиеся против прокоммунистического правительства в Кабуле и поэтому оценивавшиеся советской пропагандой как «контрреволюционные».

Конец прошлого века был насыщен такими событиями в мировой политике, которые поколебали устоявшиеся представления о «прогрессе», «регрессе», «революциях» и «контрреволюциях». Таким событием стала «исламская революция в Иране». По масштабам потрясений и социально-политическим последствиям исламская революция вполне сопоставима с «великими революциями» XIX — начала XX в., а по характеру базисных ценностей, ставших основой нового режима, она резко от них отличалась. Так же как и во многих странах, переживших период ускоренной догоняющей модернизации, в Иране к концу 1970-х гг. возникли многочисленные конфликты, охватившие город и деревню, политику и экономику, социальную, культурную и духовную сферы. Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви проводил модернизацию в условиях режима авторитарной личной власти, подавляя и преследуя оппозицию и инакомыслящих как «справа», так и «слева». Целью провозглашенной властями «Белой революции шаха и народа» было создание процветающего государства с сильной армией, развитой экономикой, высоким жизненным уровнем, государства, подобного передовым государствам Запада, поэтому модернизация Ирана осуществлялась в форме вестернизации, т. е. заимствования элементов западных духовных ценностей и образа жизни.

Несмотря на несомненные успехи в экономическом и технологическом развитии, достигнутые не в последнюю очередь за счет доходов от экспорта нефти, конфликтный потенциал иранского общества к концу 1970-х гг. усилился. Недовольными по разным причинам оказались едва ли не все слои населения. Городской средний класс и особенно европейски образованная интеллигенция испытывали дефицит политических свобод и мечтали о либеральных реформах. Традиционные ремесленники и торговцы были недовольны экспансией иностранного промышленного и торгового капитала. Причины для недовольства были и у промышленных рабочих, и у основной части крестьянства, испытавшего на себе все противоречивые последствия модернизационных процессов. Между вестернизированной элитой и большей частью населения, жившего под властью традиционных религиозных норм

и социальных институтов, увеличивался ценностный разрыв. Растущая социальная напряженность в иранском обществе дополнилась политическим конфликтом между шахским режимом и оппозиционным этому режиму шиитским духовенством во главе с находившимся в изгнании аятоллой Хомейни.

Такая конфигурация внутривнутриполитического конфликта в Иране была предопределена следующими факторами. Еще в 50–60-е гг. XX в. в результате репрессий левые силы — и прежде всего иранские коммунисты из партии «Туде» — были разгромлены. Гонениям подверглась также либеральная оппозиция и представители духовенства, недовольные реформами шаха. Вызывавший особое недовольство аятолла Хомейни был посажен в тюрьму, а затем выслан в Ирак, откуда впоследствии он перебрался во Францию. Однако шахские власти не могли использовать против противостоящих им религиозных авторитетов весь арсенал средств, применявшийся ими против светской оппозиции. В условиях отсутствия пространства для публичной политической деятельности именно мечети стали центром, притягивающим всех недовольных шахом и его порядками. Таким образом, политический конфликт между населением и властью стал приобретать религиозную окраску.

Осенью 1978 г. этот конфликт вылился в массовое выступление против ненавистного народу шаха. События иранской революции еще раз показали, что для вызревания революционной ситуации необходимо не столько «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс», сколько психологическое восприятие ими своего положения как нетерпимого положения «относительной депривации», говоря словами Д. Дэвиса. В. Ленин также был прав, когда говорил, что революции не происходят без охватывающих «верхи» и «низы» социально-политических кризисов. Такой кризис, завершившийся в итоге свержением шахского режима, имел место в Иране зимой и весной 1979 г. Хотя в вооруженном восстании, положившем конец монархии, активную роль сыграли леворадикальные группировки «федаинов» и «моджахедов», но ни надежды «левых», ни надежды прозападных либералов на торжество их идеалов не сбылись. Подавляющее большинство народа поддержало пришедшее к власти шиитское духовенство и горячо приветствовало вернувшегося в Тегеран аятоллу Хомейни.

Итогом иранской революции стало формирование неизвестной ранее модели теократического режима. «Исламская демократия», конечно, отличается от предшествовавшего ей авторитарного режима шаха так же, как и послереволюционный Иран отличается от дореволюци-

онного. Но оценивать эти отличия, используя привычные для европейского сознания понятия «прогресс» и «регресс», сложно, если вообще возможно.

В совершенно противоположном направлении — от социализма к капитализму, а не наоборот, как это было принято ранее, повернули развитие восточноевропейских стран революционные события осени 1989 г. Некоторые из этих революций, например в Чехословакии, были названы «бархатными», поскольку массовые акции протеста обошлись без насилия и жертв с обеих сторон. Но были и другие примеры: в Румынии повторился «классический» революционный сценарий вплоть до скоропалительного суда и расстрела бывшего партийного и государственного лидера Николае Чаушеску и его супруги.

Механизм социально-политических изменений в странах бывшего социалистического лагеря хорошо объясняется именно марксистской теорией. Созданная на основе идей того же К. Маркса экономическая система на практике оказалась неэффективной и проиграла в соревновании с рыночной экономикой. Иначе говоря, производственные отношения оказались «тормозом» для дальнейшего развития производительных сил. Результатом стал кризис социально-экономических и социально-политических структур в восточноевропейских странах «реального социализма». Внешним импульсом, способствовавшим быстрому и радикальному разрешению этого кризиса, стала советская перестройка. Идеологи перестройки в СССР на раннем этапе любили сравнивать ее с революцией, «продолжением дела Великого Октября». Процесс преобразований, инициированный М. Горбачевым в апреле 1985 г., завершился революционными по своему характеру изменениями, но не продолжил «дело Великого Октября», а положил ему конец.

События рубежа 80–90-х гг. XX в. в Советском Союзе подтвердили многие выводы, сделанные исследователями революционных процессов прошлого, в том числе был подтвержден «закон Токвиля», так как крушение советской системы произошло не тогда, когда она выступала в своей наиболее жесткой и деспотичной форме в годы сталинизма, а тогда, когда ее попытались перестроить, придав ей «человеческое лицо». Охватившее население СССР в начале 1990-х гг. массовое недовольство было связано с тем, что «перестроечные» обещания советских лидеров и ожидания улучшения жизни народа натолкнулись как раз на резкое ухудшение реальной жизни из-за дезорганизации потребительского рынка, лавинообразного разрастания дефицита, введения талонов, карточек, списков очередей и других атрибутов кризиса сис-

темы социалистического распределения. В какой-то мере крушение СССР стало следствием «революции пробудившихся надежд», очень быстро переросшей в «революцию крушения прогресса».

Не последнюю роль в развале коммунистической системы и Советского Союза сыграло и противоборство элит и лидеров. В последние месяцы существования СССР явственно обозначился конфликт между союзным центром во главе с М. Горбачевым и новой «демократической» контрэлитой, лидером которой был президент России Б. Ельцин. Существование двух центров власти, претендовавших на схожие полномочия, неизбежно порождало острое соперничество. Итогом этого соперничества стал крах не только политической и экономической системы, но и самого многонационального советского государства.

Посткоммунистическое развитие стран Восточной Европы и бывших союзных республик, включая Российскую Федерацию, породило новые проблемы и конфликты, вызвало массовое разочарование и крушение прежних надежд у немалой части населения. Все это стало основой таких тенденций общественного развития, которые в революционных событиях прошлого обозначались как «закон термидора», т. е. возврат к прежним ценностям, институтам и привычным механизмам повседневного существования. Эти тенденции проявились в победах на парламентских и президентских выборах в странах Восточной Европы бывших коммунистических партий и их лидеров, хотя и отказавшихся от прежних идейно-политических принципов, но в той или иной мере все равно ассоциирующихся с социалистическим прошлым. Эти же тенденции можно отметить и в России, начиная с электоральных успехов коммунистов в 1990-е гг. и заканчивая некоторыми особенностями внутренней и внешней политики российского руководства в последние годы. «Закон термидора» не означает неизбежной реставрации прежних порядков, он выражает лишь возвратную тенденцию, результатом которой может быть корректировка политического курса, восстановление поспешно разрушенных социальных институтов, обращение к традиционным духовным ценностям, как правило, теряющим свою привлекательность в периоды радикальных потрясений.

Противоречия и конфликты социально-политического и социально-экономического развития некоторых посткоммунистических государств породили в начале XXI в. такой новый феномен, как «цветные революции». Первая из таких революций, по инерции названная «бархатной», произошла в Сербии, затем подобные сценарии повторились в Грузии, на Украине и в какой-то степени — в Киргизии. В отличие от «бархатных», «цветные революции» были не столько результатом сти-

хийных массовых выступлений, сколько следствием специально подготовленных и разыгранных сценариев, разработанных и осуществленных с участием западных неправительственных организаций, за спиной которых нередко стояли и официальные государственные структуры. По замыслу их организаторов, целью «цветных революций» было устранение неугодных и часто к моменту своего свержения потерявших популярность лидеров и формирование политических режимов, соответствующих геополитическим интересам стран Запада.

Политические технологии осуществления «цветных революций» были примерно следующими: результаты только что состоявшихся выборов объявлялись сфальсифицированными и нелегитимными, после чего на улицы и площади организовано выводились противники существовавших режимов, устраивались массовые акции протеста, в некоторых случаях (в Сербии, Грузии, Киргизии) захватывались правительственные учреждения. В этих событиях активную роль играли студенческие организации, имевшие тесные связи и пользовавшиеся поддержкой западных неправительственных организаций. В Сербии такая организация называлась «Отпор», в Грузии — «Кхмара», на Украине — «Пора». Внутренние беспорядки дополнялись внешнеполитическим давлением и прямым вмешательством со стороны США, государств-членов Европейского Союза и некоторых международных организаций. Результатом всех этих усилий становился пересмотр итогов голосования, новые выборы, которые приносили победу лидерам «цветных революций» и открывали им дорогу к власти.

Осуществление сценариев «цветных революций» было возможно не только благодаря иностранному вмешательству, но и благодаря использованию технологий манипулирования политическим сознанием и поведением больших масс людей. Источниками движения революционных событий были и конфликт элит и лидеров, и кризис «верхов» и «низов», а также иные социально-политические и политико-психологические механизмы, традиционно присущие революционным процессам. Осуществились далеко не все надежды, возлагавшиеся на «цветные революции» их лидерами и организаторами. Об этом свидетельствуют события «оранжевой революции» на Украине и «революции тюльпанов» в Киргизии. «Цветные революции» еще раз показали, что цена революционных изменений может быть весьма высокой, не всегда сбываются обещания и посулы их лидеров, а результатом не всегда становится процветание страны. «Революция роз» не решила сложных экономических проблем Грузии, половина населения которой по-прежнему живет и работает за границей. Если до «оранжевой

революции» Украина лидировала на постсоветском пространстве по темпам экономического роста, то после прихода к власти «оранжевой» коалиции эти темпы резко упали, что стало причиной победы Партии регионов на парламентских выборах 2006 г. Сложной и взрывоопасной продолжает оставаться социально-экономическая ситуация в Киргизии.

Контрольные вопросы и задания

1. Как появился термин «революция»?
2. Какой путь разрешения социальных конфликтов — революционный или реформистский — предпочтительнее и почему?
3. В чем достоинства и недостатки марксистской теории революции?
4. Чем отличаются подходы к изучению революций в идеологических концепциях XIX в. и в «социологии революции» XX столетия?
5. Можно ли говорить о «законе Токвиля» как универсальном законе революции и почему?
6. Что такое «закон термидора»? Приведите примеры его проявления в политической истории России и зарубежных стран.
7. Охарактеризуйте феномен «цветных революций». Чем такие революции отличаются от революций прошлого?

Глава VIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТЕРРОРИЗМ

§ 1. Сущность и типология терроризма

В последние годы одной из актуальных задач политической конфликтологии стала задача изучения феномена современного терроризма для выработки практических рекомендаций по противостоянию террористической угрозе и ее предотвращению в основных конфликтных зонах. Ключевое понятие для понимания этого феномена — понятие *террора*. В самом общем смысле *террор* означает применение насилия для того, чтобы вызвать чувство страха у отдельных людей и групп, против которых такое насилие направлено. Террор может быть индивидуальным, но может быть и массовым как по числу жертв, так и по числу исполнителей. Террор может быть организованным, когда его осуществляет террористическая организация, партия или государство, но может быть стихийным, спонтанным, например, спровоцированное каким-либо инцидентом массовое уничтожение в условиях внутривнутриполитических конфликтов представителей той или иной этнической, религиозной группы или сторонников определенной политической партии, общественного движения.

Использование методов террора порождает такое социально-политическое явление, как *терроризм*. Современная политическая наука видит в терроризме одну из крайних форм политического экстремизма (см. главу III). Терроризм представляет собой систематическое применение насилия для достижения определенных целей, в том числе и политических. Путь к достижению этих целей включает два этапа: на первом осуществляется акт устрашения, а на втором этапе террористы управляют поведением людей в нужном для них направлении. Любая террористическая акция представляет собой сложное по структуре явление, имеющее два объекта преступных посягательств. Первичным

объектом могут быть отдельное физическое лицо, группа лиц или материальный объект, а вторичным объектом — объект управления, которым можно считать общественные отношения в широком смысле, например, деятельность органов государственной власти, общественный порядок, социально-политический и экономический строй. Субъекты терроризма — различные международные и национальные террористические организации, а также отдельные террористы, выступающие исполнителями решений этих организаций, в некоторых случаях субъектами терроризма могут быть даже целые государства.

Основные методы террористической деятельности можно разделить на четыре группы. Первую группу составляют традиционные способы осуществления террористического насилия и устрашения: прямое физическое причинение ущерба жизни, здоровью и ограничение свободы людей с использованием огнестрельного и холодного оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, ядов и т. д.

Вторая группа методов — это разрушительное воздействие на материальные объекты: промышленные предприятия, объекты жизнеобеспечения населения, объекты энергетики, коммуникации.

Третья группа методов — это методы так называемого психологического террора. К ним относятся открытые или анонимные угрозы, обещания расправы или наступления других неблагоприятных последствий для объектов терроризма или их близких в случае невыполнения требований террористов.

Четвертую группу составляют методы организационного характера. Это вербовка участников террористических организаций, их обучение, организация снабжения террористов средствами террористической деятельности, финансирование, обеспечение документами и связью, предоставление убежища.

Основаниями для выделения типов терроризма могут быть различные факторы. С точки зрения пространства, в котором совершаются террористические акции, терроризм может быть наземным, морским и воздушным. В зависимости от того, какие политические цели ставят террористы и чем они оправдывают собственную деятельность, терроризм делится на левый (революционный) и правый, религиозный и этнический. В зависимости от того, на какой территории совершаются террористические акты, выделяют внутригосударственный терроризм и международный. Если в качестве субъекта террористической деятельности выступает само государство, речь идет о государственном

терроризме. Относительно новое явление — уголовный терроризм, который сегодня демонстрирует тенденцию к политизации.

Под *революционным терроризмом* понимают терроризм, осуществляемый с целью революционного переустройства общества. В прошлом данный тип терроризма был преобладающим. Террористические методы в этом случае применяются для того, чтобы дезорганизовать старую общественную систему, запугать правящую элиту и обеспечить ее последующее свержение. Революционный терроризм возник в период Великой французской революции, когда использование террора как революционерами, так и контрреволюционерами стало массовым и оказало большое влияние на политический процесс во Франции и в других странах в послереволюционный период.

Главными субъектами революционного терроризма в Западной Европе и Северной Америке во 2-й половине XIX — начале XX вв. были анархисты, особенно сторонники идей М. Бакунина. Наиболее заметным явлением в этот период был революционный терроризм в России, который оказал влияние на приверженцев терроризма во многих других странах, а также «обогадил» приемы и методы осуществления террористических актов.

Во 2-й половине XX столетия часть революционно настроенной молодежи развитых государств встала на путь террористической деятельности, что привело к созданию на рубеже 1960–70-х гг. массы левозкстремистских групп и организаций. Широкий международный резонанс получили террористические акции французских гошистов, итальянских «Красных бригад», западногерманской «РАФ», японской «Рэнго сэкигун».

Широкое распространение революционный терроризм получил в Латинской Америке под воздействием примера кубинской революции. В 1960-е гг. там появилось множество организаций, которые стремились сочетать терроризм с тактикой городской герильи (партизанской войны). Наиболее известными террористическими группировками были уругвайские «Тупомаросы», «Армия национального освобождения Колумбии», «Революционные вооруженные силы Колумбии», «Сендеро Луминосо», «Революционное движение имени Тупака Амару».

После развала Советского Союза и краха мировой системы социализма престиж революционно-коммунистических идей упал, и революционный терроризм перестал быть заметным явлением в современном мире.

Идейная противоположность левому революционному терроризму — правый терроризм. Представители этого типа терроризма обосновывают свои акции националистическими, праворадикальными идеями. Примером правого терроризма может быть деятельность черносотенцев в дореволюционной России, хорватских усташей в довоенной Югославии, различных фашистских организаций и движений в западноевропейских странах. После Второй мировой войны идейной основой правого терроризма стал неофашизм (см. главу III).

Наиболее распространенный тип терроризма в современном мире — *религиозный терроризм*. В его основе лежит религиозный фактор, хотя цели террористов чаще всего носят конкретно-политический характер. Мотивация террористов, непосредственно совершающих насильственные действия, также базируется на религиозной основе (см. главу IV). Побудительным мотивом для террористической деятельности служит религиозный фанатизм. Пример тому — шахиды (смертники-самоубийцы), готовность к самопожертвованию которых нередко используют исламские экстремистские группировки. Такие организации, как «Аль-Каида», «Хамас», «Хезболлах», «Братья-мусульмане» и другие, приобрели печальную известность благодаря многочисленным террористическим акциям, совершенным их боевиками. Среди них и самая масштабная за всю историю терроризма — 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Среди современных течений религиозного терроризма можно отметить сикхский терроризм. Сикхи — одно из религиозных меньшинств Индии; на их долю приходится около 2 % от общего числа верующих этой страны. В XVI в. на территории современного индийского штата Пенджаб существовало самостоятельное Сикхское государство, но оно было захвачено англичанами и включено в состав Британской Индии. После того как Индия и Пакистан обрели независимость, среди сикхов тоже усилилось стремление к восстановлению самостоятельности. Возникло несколько сикхских организаций сепаратистской направленности, целью которых стало создание на территории разделенного между Индией и Пакистаном Пенджаба независимого государства под названием Халистан. Некоторые сикхские группировки избрали терроризм в качестве средства достижения поставленной цели. Сикхи-террористы чаще всего прибегают к убийству индийских политических и общественных деятелей, представителей центральных органов власти Республики Индия и органов власти штата Пенджаб. Наиболее громкий террористический акт, совершенный сикхами, — убийст-

во премьер-министра Индии Индиры Ганди, дочери выдающегося индийского государственного деятеля Джавахарлала Неру. В 1995 г. члены террористической группировки «Баббар халса» взорвали главного министра штата Пенджаб Беанта Сингха. Сикхский терроризм имеет ярко выраженную сепаратистскую направленность, что сближает его с *этническим терроризмом*. В современном мире эти два типа терроризма часто пересекаются. Так обстоит дело в Северной Ирландии, где терроризм вдохновляется идеями ирландского национализма, но имеет и явно выраженную религиозную основу: главная особенность данного региона в том, что его население — приверженцы либо католицизма, либо протестантизма. Взаимопроникновение религиозного и этнического терроризма можно наблюдать и в других конфликтных зонах современного мира.

Под *этническим терроризмом* понимают неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этнических групп. Идеино-политической основой этнического терроризма становится этнонационализм (см. главу V). Цель этнического терроризма — изменение государственного строя и административно-территориального устройства государства или правового статуса какого-либо входящего в данное государство территориального образования. Часто этнический терроризм имеет явные сепаратистские устремления к созданию новых государств за счет расчленения уже существующих. В современном мире этнический терроризм, наряду с религиозным терроризмом, — наиболее распространенный тип терроризма. Феномен этнического терроризма связан с деятельностью как широко известных террористических организаций (ИРА, ЭТА, «Тигры освобождения Тамил илама»), так и менее известных («Фронт национального освобождения Корсики», «Фронт освобождения Бретани»).

У понятия *международного терроризма* нет единой общепризнанной трактовки: часто его отождествляют с государственным терроризмом, а иногда и с любой террористической деятельностью. Международный терроризм использует те же методы и средства борьбы и проявляется в тех же видах, что и любая другая разновидность терроризма, но имеет свои специфические особенности.

Во-первых, к международному терроризму причисляются такие террористические акции, которые затрагивают интересы двух и более государств. Во-вторых, международным терроризмом считается террористическая деятельность, осуществляемая на территории несколь-

ких государств. В-третьих, к международному терроризму относится скоординированная деятельность террористических организаций в разных странах, осуществление совместных террористических акций, материальная, финансовая помощь и моральная поддержка, оказываемая террористами одной страны террористам другой. В-четвертых, к международному терроризму относится создание и деятельность международных террористических организаций. Такие организации, в отличие от террористических группировок национального характера, представляют собой разветвленные структуры, не связанные с какой-либо отдельной страной.

От международного терроризма отличают *государственный терроризм*, который имеет два аспекта: внутривнутриполитический и внешнеполитический. Внутривнутриполитический государственный терроризм представляет собой действия государственных органов правопорядка (полиции, контрразведки и т. д.) против собственного народа с целью подавления и запугивания оппозиции, например незаконные аресты, пытки, тайные похищения и убийства людей. Государственный терроризм как внешнеполитическое явление толкуется по-разному. В принятой на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» он определяется как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя других государств. В этом случае политика государственного терроризма выражается в использовании государственными органами (прежде всего разведывательными) террористических приемов и способов достижения внешнеполитических целей, например, изменения внешнеполитического или внутривнутриполитического курса того или иного государства, ослабления потенциала и позиций государств-противников. Для достижения этих целей применяется физическое устранение зарубежных государственных и политических лидеров, деморализация и запугивание тех групп населения, которые поддерживают власти государств-противников, а также дезорганизация вооруженных сил и аппарата управления этих государств.

Сегодня к государственному терроризму причисляют и действия государств-спонсоров международного терроризма, которые оказывают прямую или косвенную поддержку террористическим организациям. Такая поддержка включает предоставление территории для создания

баз и тренировочных лагерей террористов, убежища от преследования правоохранительных органов других государств, оказание финансовой и материальной помощи.

Возникновение *воздушного терроризма* обусловлено развитием гражданской авиации. Понятие *воздушного терроризма* включает в себя захват воздушных судов и их угон; захват заложников, находящихся на борту воздушных судов; использование воздушных судов для удержания и транспортировки заложников, захваченных в других местах, и т. д. Цель воздушного терроризма — как правило, принудить власти выполнить требования террористов об освобождении из заключения и свободном выезде из страны своих единомышленников, демонстрация несогласия или осуждения тех либо иных политических оппонентов, а также получение выкупа. В последние десятилетия воздушный терроризм был одним из самых распространенных видов терроризма: его использовали сторонники разных политических и религиозных течений, как правые, так и левые, например японская «Рэнго Сэкигун» и палестинская «Черный сентябрь», а также другие террористические организации.

Поскольку силовые операции по освобождению воздушных судов и заложников связаны с большим риском, предпочтительнее использовать менее опасные способы борьбы с воздушным терроризмом, но для этого необходимо добросовестное сотрудничество между государствами. Долгое время такого сотрудничества не было. Террористы уходили от ответственности, получая укрытие на территории стран, где по тем или иным причинам к ним относились с сочувствием. Постепенно пришло понимание того, что безнаказанность воздушных террористов противоречит интересам всех государств, независимо от их политического и общественного строя. Это помогло принять более действенные меры по борьбе с воздушным терроризмом как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях.

Истоком *морского терроризма* было пиратство — нападения на морские суда с целью их захвата и разграбления. В современных условиях под морским терроризмом понимают захват морских судов с целью насильственного изменения их курса, захват заложников из числа пассажиров и членов экипажа теплоходов, паромов, катеров, угон морских судов. Цель подобных актов, как и при других видах терроризма, — выражение демонстративного протеста против действий властей какого-либо государства или предъявление им требований политического, а иногда и материального характера. Наиболее известный акт

морского терроризма — захват группой палестинских террористов итальянского круизного лайнера «Акилле Лауро» с 750 пассажирами на борту в 1985 г. В ходе этой акции, осуществлявшейся в порядке возмездия за налет израильской авиации на штаб-квартиру ООП в Тунисе 1 октября 1985 г., один американский гражданин погиб.

В последнее время появляются новые объекты для террористической деятельности на море, например стационарные платформы по добыче нефти и газа. Это создает потенциальную угрозу экологических катастроф.

Особым феноменом можно считать *уголовный терроризм*, т. е. устремление и насилие, применяемое организованными преступными группировками в целях устранения или подавления конкурентов по незаконному бизнесу, закрепления или перераспределения сфер преступного экономического влияния, а также лоббирования своих интересов в государственных учреждениях. Это могут быть убийства предпринимателей, чиновников и политических деятелей, сотрудников правоохранительных учреждений, вооруженные столкновения между конкурирующими уголовными группировками, вымогательство. Все вышеперечисленное — уголовные преступления, однако в последние годы происходит политизация уголовного терроризма.

§ 2. Проблемы и трудности борьбы с терроризмом

Проблемы противодействия терроризму на рубеже XX и XXI вв. стали важнейшими как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом. Это объясняется масштабами и характером террористических акций последнего времени. Если на рубеже XIX и XX вв. террористы действовали методом индивидуального террора, убивая политических и государственных деятелей, то объектами атак современных террористов все чаще становятся беззащитные мирные люди, причем это могут быть не единицы, а сотни, даже тысячи людей. Террористы прошлого нередко стремились найти этические оправдания своим действиям и направляли их прежде всего против тех, на ком, с их точки зрения, лежала ответственность за существующее положение вещей. Широко известен исторический факт, что эсер-террорист Иван Каляев во время одной из попыток покушения на Великого кня-

зя Сергея Александровича, увидев в его карете женщину и двоих детей, отказался от своего намерения и бомбу в карету не бросил. Члены Боевой организации партии эсеров с пониманием отнеслись к его поступку, хотя удобная возможность для осуществления террористического акта, к которому они долго готовились, была упущена.

Современные террористы гораздо чаще демонстрируют цинизм и готовность пренебрегать безопасностью и жизнью людей. Достаточно вспомнить тысячи невинных жертв террористического акта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке или судьбу школьников, захваченных террористами 1 сентября 2004 г. в Беслане.

Меняются и средства осуществления террористических акций. Сначала террористы использовали холодное и огнестрельное оружие, потом появились взрывчатые вещества. Сегодня тенденции развития террористической деятельности свидетельствуют об изменении ее технической и технологической базы. Террористы используют газ, боевые отравляющие вещества, захватывают самолеты с пассажирами. Но, как считают специалисты, это только первые признаки технологической революции в деятельности террористов. Возможно создание портативных ядерных устройств небольшой мощности, пригодных для террористических целей. Есть и другие, теоретически возможные и практически осуществимые пути доступа террористов к ядерному оружию и средствам его доставки. Сегодня действия террористов могут привести к огромным разрушениям, массовой гибели людей, экологическим катастрофам и в случае использования самых обычных средств. Это может случиться, если объектами террора станут химические заводы, атомные электростанции или другие сложные и опасные технические объекты. Объектами «компьютерного терроризма» могут быть и информационные коммуникации.

Кроме гибели людей и разрушения материальных ценностей терроризм может иметь и другие негативные последствия. Например, экономические потери, связанные со свертыванием деловой активности в тех регионах, где более высока угроза терроризма. Так обстоит дело в Стране Басков в Испании, в Израиле и на палестинских территориях, в Северной Ирландии. Террористические акты в зонах отдыха отпугивают туристов и наносят серьезный экономический ущерб тем странам, для которых туристический бизнес — важная статья доходов.

Терроризм подрывает устойчивость в международных отношениях, дестабилизирует политическую ситуацию внутри отдельных госу-

дарств. Если требования террористов хотя бы частично удовлетворяются, то подрывается авторитет действующей власти, нарушается нормальное функционирование основных политических и общественных институтов.

Хотя большинство террористов ставят перед собой политические цели, вдохновляясь идеологическими доктринами, националистическими и религиозными чувствами, тем не менее терроризм как социально-политический феномен отделен от обыкновенной уголовной преступности весьма тонкой границей. И не только потому, что любой террористический акт является уголовно наказуемым преступлением по законам любого государства, и не только потому, что уголовники и террористы используют сходные средства и формы деятельности (убийство человека всегда остается убийством), но и потому, что сегодня политический и уголовный терроризм тесно переплетаются между собой. Например, чеченские сепаратисты всегда использовали захват заложников с целью получения выкупа, но не забывали при этом говорить о «борьбе за свободу». Легальных путей финансирования террористам либо не хватает, либо они вообще невозможны, поэтому используются незаконные средства, в частности откровенный рэкет, хотя он и определяется иными терминами (например, «революционный налог» у баскской террористической организации ЭТА). Наркобизнес также часто становится источником финансирования террористических организаций. Можно констатировать, что терроризм и уголовная преступность тесно связаны. Зоны активной деятельности террористических структур — это зоны повышенной криминогенности.

Политический терроризм доминировал в начале и середине XX в., но к концу этого столетия наиболее активно стал проявляться терроризм, связанный с острыми конфликтами современности. После окончания холодной войны и в условиях глобализации на первый план вышли конфликты цивилизационного, как их определял американский политолог С. Хантингтон, характера, поэтому наиболее распространенными типами сегодня стали этнический и религиозный терроризм. Но независимо от того, какими мотивами руководствуются террористы, какие цели они ставят перед собой и какие идеи выдвигают, терроризм — это несомненное зло, угроза для общества в целом и для каждого отдельного человека. В связи с этим весьма актуальной задачей сегодня стала задача противодействия терроризму.

Первичными объектами террористических действий часто являются государственные деятели или учреждения, а вторичными объектами — общественные отношения, которые целиком находятся в сфере деятельности государства, поэтому терроризм представляет потенциальную угрозу любой государственной власти. Не случайно уголовные законодательства отдельных стран и международное право относят терроризм к разряду наиболее опасных преступлений.

Однако, как свидетельствуют примеры из политической практики, далеко не всегда имеет место добросовестное сотрудничество государств в сфере борьбы с терроризмом. Интересы отдельных государств, их лидеров и правящих элит в этой сфере нередко оказываются не только различными, но даже противоположными. К тому же, как уже отмечалось, к террористическим приемам и средствам борьбы могут прибегать политические организации и движения самой разной ориентации — от крайне левых до крайне правых как религиозного, так и этнонационального характера.

Поскольку не всегда легко отличить сепаратизм от национально-освободительного движения или установить четкую пропорцию между теми или иными политическими целями и допустимыми средствами их достижения, то при оценке террористической по форме и содержанию деятельности создается почва для двойных стандартов. Еще К. Шмитт отмечал, что одна из отличительных особенностей политики — стремление к оценке всех событий и явлений по шкале «свой — чужой». В соответствии с таким политизированным подходом одни и те же факты могут получать диаметрально противоположную интерпретацию и оценку: людей, ведущих разведывательную деятельность в иных государствах, делят на «своих» разведчиков и «чужих» шпионов, а людей, ведущих вооруженную борьбу, — на «чужих» бандитов и «своих» партизан.

В полной мере этот двойной стандарт применялся в годы холодной войны, когда противоборствующие сверхдержавы стремились к достижению своих глобальных целей, не слишком стесняясь в средствах. Когда было необходимо, противоположная сторона в пропагандистских целях обвинялась в поддержке и спонсировании терроризма. Так поступала администрация президента США Рональда Рейгана в начале 80-х гг. прошлого века, которая провозгласила одной из целей своей международной политики «борьбу с международным терроризмом», причисляя к нему левые политические движения в странах третьего мира, ориентированные на Советский Союз и его союзников. При

этом сами США помогали тем силам и движениям, которые прибегали к террористическим по форме и содержанию способам вооруженной борьбы, если это отвечало их собственным интересам и целям. Американская помощь в большом объеме предоставлялась вооруженной антиправительственной оппозиции в Афганистане. Интересно отметить, что из числа участников «джихада» против советского военного присутствия в Афганистане вышел и нынешний «террорист номер один» — Усама бен Ладен. Данный пример показывает, насколько опасным и неуправляемым может быть терроризм и для тех, кто пытается использовать его в своих целях.

Примеры двойного стандарта в оценке терроризма можно видеть как в прошлом, так и сегодня. Россия и Запад по-разному оценивали ситуацию в Чечне или в Косово. На Западе чеченских сепаратистов называли «борцами за свободу», и точно так же характеризовали боевиков из Армии освобождения Косово. В России же и тех и других называли террористами. После победы на выборах в Палестинской национальной автономии движения Хамас правительства стран Запада отказались иметь с ним дело, мотивируя отказ террористическим характером данной организации. В то же время представители арабских стран, а также Россия считали, что вести диалог с палестинскими властями в любом случае необходимо для решения проблем ближневосточного урегулирования.

Ситуация, связанная с вопросами борьбы с терроризмом, постепенно меняется: многие государства проявляют готовность к совместной деятельности и солидарность. Однако насколько эти изменения фундаментальны и необратимы, покажет будущее. Угроза терроризма возникает в первую очередь в зонах неурегулированных конфликтов (примеры тому — ситуации в Палестине, Ираке, Афганистане и ряде других регионов мира). Поэтому деятельность по предотвращению и урегулированию конфликтов можно рассматривать как одно из направлений борьбы с терроризмом.

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся между собой понятия «террор» и «терроризм»?
2. Перечислите основные признаки терроризма.
3. Какими мотивами могут руководствоваться в своих действиях террористы?

4. Перечислите основные типы и виды терроризма, которые вы знаете, и приведите примеры их проявления в политической истории нашей страны и мира.
5. Дайте характеристику международного терроризма.
6. Какие опасности несет терроризм для отдельных людей и мирового сообщества в целом?
7. В чем состоят объективные и субъективные трудности борьбы с терроризмом в современном мире?

Глава IX

ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Методологические основы стратегии разрешения политических конфликтов

Прежде чем рассмотреть основные технологии и способы разрешения политических конфликтов, необходимо уяснить содержание самого термина *технология*. Это понятие применительно к проблеме урегулирования конфликтных ситуаций обозначает

- ▶ совокупность наиболее эффективных приемов, способов, процедур, направленных на снижение социальной напряженности и стабилизацию политической системы.

При этом технологии включают в себя приемы достижения как немедленного, локального, кратковременного результата (тактика), так и глубинного, глобального, длительного эффекта (стратегия).

Технологии и инструментарий разрешения политических конфликтов следует рассматривать в ракурсе проблемы соотношения роли интересов и ценностей как мотивов конфликтного поведения.

Соотношение интересов и ценностей дает возможность идентифицировать конфликт как конфликт интересов или конфликт ценностей. Это соотношение может быть различным как в структурном плане (конфликтные группы состоят из различных подгрупп, для одних из этих подгрупп в качестве основного стимула участия в конфликте могут выступать интересы, для других — ценности), так и во временном аспекте: конфликт интересов может по мере развития перерасти в конфликт ценностей. Отмечая сложность идентификации подобного конфликта, Дж. Ротман определяет в качестве одного из атрибутов ценностного конфликта его «неуловимость». Другими словами, такой конфликт глубоко субъективен; соперники, оказавшиеся в конфликте

ценностей, иногда сами с большим трудом могут объяснить природу своего соперничества. Когда конфликтующие стороны описывают свои спорные проблемы в категориях истории, событий или значимости, внешнему наблюдателю может показаться, что он слышит совершенно различные рассказы. Субъективный опыт соперников формируется специфической культурной реальностью и историческим контекстом. Более того, восприятие соперниками друг друга совершенно различно. То, что одной стороне представляется как борьба за свободу, другой — как терроризм. В конфликте ценностей предполагается смена политической системы, изменение правил политической игры. Практически все политические революции — проявления ценностных конфликтов (см. главу VII). Процесс трансформации, переживаемый сегодня посткоммунистическими государствами, также выступает в качестве такой разновидности. В конфликтах подобного рода происходит столкновение различных систем ценностей, разных идеологий.

В конфликтах интересов борьба ведется за обладание материальными или иными ресурсами. Интенсивность такого конфликта обычно ниже, а компромисс сторон более реален. Пример подобных противостояний — территориальные претензии государств друг к другу, например Японии к России относительно Курил.

Разведение конфликта интересов и конфликта ценностей принципиально важно для проблемы разрешения политических конфликтов. Сторонниками концепции конфликта интересов разработаны многочисленные методики разрешения на основе согласования интересов. Это практически не приложимо к ценностным конфликтам (прежде всего этнополитическим). Первые разрешимы потому, что объекты этих конфликтов, как правило, делимы либо могут быть использованы совместно. Действенных механизмов разрешения ценностных конфликтов (в смысле устранения глубинных причин конфликтного противостояния) практически нет. Поэтому переход конфликта идентичностей в устойчивую латентную фазу можно рассматривать как оптимальный выход из ценностного конфликта.

Несмотря на все сложности ценностных конфликтов, следует помнить: само по себе наличие ценностных противоречий, а тем более различий у субъектов совсем не обязательно приводит к конфликту. Оно лишь создает условия для его возникновения. Если ценностный конфликт все-таки возникает, то это не означает, что он вообще не может быть разрешен мирными средствами. Как и все явления социальной жизни, ценности развиваются и изменяются. Этот процесс изменений весьма длительный. Поэтому можно воздействовать на ценности уча-

стников конфликта, формируя их в том или ином направлении, активизировать те группы ценностей, которые приводят к смягчению конфликта, и т. п. Подобных примеров в истории немало. Американский специалист по урегулированию политических конфликтов К. Митчел приводит следующий пример. Во время борьбы против колониализма в ряде африканских стран была выдвинута идея самоопределения. Впоследствии эта идея стала использоваться внутри самих этих стран, создавая опасность их дезинтеграции, поскольку территорию данных государств населяют разные этнические группы. Чтобы избежать этой опасности, Кения, например, заявила, что принцип самоопределения применим только по отношению к иностранному господству, но не может быть использован внутри многонациональных обществ в Африке.

Сегодня обозначились три связанных между собой направления, которые стремятся выявить подходы, средства и меры, способные предотвращать политические конфликты: *политико-правовое* (поиск правовых средств политического решения крупных по масштабам конфликтов); *политико-психологическое* (в центре его — вопросы мотивации к инициированию конфликта, участию в нем, его затягиванию, завершению конфликтных взаимоотношений) и *государственно-силовое* (поиск оптимальных путей и средств ведения конфликта для достижения определенных целей политики).

Существуют две основные стратегии разрешения конфликтов — стратегия *контроля* и стратегия *управления* конфликтом. Общими для них выступают следующие алгоритмы:

- ◆ конфликты можно *вытеснить* или *переместить* с одного уровня политической сферы на другой (например, федеральный центр может передать полномочия по разрешению конфликта регионам);
- ◆ *урегулировать*, т. е. лишить наиболее острых и разрушительных для политических акторов проявлений;
- ◆ *разрешить*, уничтожив сами источники и причины противоречий;
- ◆ *подавить*, не считаясь с формами и ресурсами сопротивления сторон.

В стратегии *контроля* упор делается на превентивные меры, связанные с выявлением конфликтогенных факторов, их первичным анализом и попытками не допустить разрушительных форм, т. е. предотвратить перетекание конфликта от «кризиса к насилию». Однако в любом случае важным условием эффективного контроля конфликтов

выступает мониторинг политического и социально-экономического состояния социума как базовый принцип управления.

Под *мониторингом* социально-политических конфликтов понимается специально организованная и постоянно действующая система необходимой статистической отчетности, сбора и анализа статистической информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований (опросы населения и т. д.) и оценки (диагностики) состояния, тенденций развития и остроты общерегиональных ситуаций и конкретных региональных проблем. Главная задача мониторинга состоит в создании надежной и объективной основы для выработки государственной политики конфликтного регулирования. Трудности в создании системы регионального мониторинга имеют как объективный, так и субъективный характер. Среди первых — несоответствие структуры, качества и оперативности статистической информации существу конфликтов. При этом часть конфликтных проблем вообще не входила (да и до сих пор не входит) в число предметов традиционной статистики.

Любой мониторинг должен отвечать как минимум двум принципиальным требованиям.

1. Он должен быть системным, т. е. способным дать характеристику социальных, экономических, правовых и иных аспектов проблемы в их взаимосвязи. Отдельный, механически выдернутый из общего контекста фрагмент ситуации или проблемы (например, только экономический или правовой) будет лишь одним срезом этой ситуации.
2. Он должен быть структурно полным и логически завершенным, т. е. включать общеобязательные стадии сбора определенной информации, ее анализа и оценки политической ситуации или проблемы.

Здесь особенно важны те стороны конфликтов, которые почти невозможно выразить на языке статистики. Это настроения, мотивация, образ жизни, экономическое и социальное поведение, национально-этническое самочувствие и другие моменты индивидуального и коллективного быта населения. При этом важно иметь информацию, касающуюся половозрастных групп, участников различных форм хозяйственной деятельности городского и сельского населения, отдельных социальных групп и т. п., т. е. то, что мы получаем в ходе социальных исследований. Цель мониторинга и опирающегося на него конфликтологического менеджмента — выяснение состояния и динамики напря-

жений и конфликтов, анализ и оценка различных управленческих воздействий на эти ситуации с целью их урегулирования.

Наряду со статистикой необходимо отслеживать динамику степени неудовлетворенности населения различными аспектами своей жизнедеятельности. В зависимости от того, насколько распространены среди населения напряженные отношения, можно определить и перспективу их (отношений) трансформации в открытый конфликт, способный дестабилизировать деятельность как отдельных социальных групп, так и общества в целом. В связи с этим следует иметь в виду те показатели, которые фиксируют отношение социальной группы к открытому протесту:

- ◆ отношение людей к акциям протеста и к участию в них;
- ◆ сформированность протестных намерений;
- ◆ мотивацию включения в акции протеста;
- ◆ наличие, характер сил, выступающих инициаторами и организаторами протестных действий.

Выяснение параметров включенности в напряженные, конфликтные взаимодействия предполагает:

- 1) сбор и анализ статистических данных о происшедших конфликтах;
- 2) контент-анализ материалов СМИ;
- 3) наблюдение за поведением участников конфликтов;
- 4) уточнение экспертных оценок конфликтов в рамках фокус-группового метода;
- 5) конфликтологическую переработку имеющейся социологической информации, вторичный анализ эмпирических данных;
- 6) конфликтологическое картографирование.

Несовершенство, а чаще отсутствие системы мониторинга приводит к тому, что в реальности приходится иметь дело с уже состоявшимся конфликтом, разрешение которого может осуществляться через соглашение, компромисс, подчинение, уступки, разрыв.

Вторая стратегия — стратегия *управления* — предполагает осуществление конкретных процедур и действий по целенаправленной модификации поведения конфликтующих сторон и изменению внешней среды: проведение определенной информационной политики (ею может быть и дезинформация), формирование институциональных структур для ведения переговоров, привлечение дополнительных экономических ресурсов для примирения сторон и т. д.

Там, где конфликтное взаимодействие сторон прямо связано с иерархической системой и нормами служебных взаимоотношений, наиболее распространенный вариант стратегии — вытеснение и урегулирование конфликта с помощью *арбитража* должностного лица. Вышестоящие органы играют ведущую роль в предупреждении конфликтов и контроле за их протеканием, а также при непосредственном урегулировании.

При внешнем для государственного органа конфликте его ограничение или разрешение требует подключения структур, не заинтересованных в наличии напряженности в госаппарате. В этом случае политические институты прибегают к «конструированию общественного мнения», которое обеспечивает положительную общественную атмосферу.

Однако применение вертикальных методов урегулирования конфликтов имеет и свои негативные стороны, так как подобная практика характерна для наиболее острых, деструктивных конфликтов. В ряде случаев политическим структурам следует поддерживать соперничество как важнейший источник развития системы управления.

По отношению к конфликтам в государственно-административной сфере, которые лишь косвенно опосредованы существующей нормативной системой, можно утверждать, что они предполагают значительно более широкий диапазон действий по контролю за течением конфликта и управлению им. Среди имеющихся вариантов подхода к проблеме наибольшим влиянием пользуются *инженерный*, *гуманитарный* и собственно *управленческий* подходы. Согласно инженерному подходу, конфликт — та ситуация, управление которой требует сознательной достройки (либо построения новых) организационных структур в сфере деятельности конкретных субъектов и/или в области их мышления. Приверженцы гуманитарного подхода делают упор на активном сближении сторон — участников конфликта с привлечением посредников, на основе проведения всесторонних консультаций и экспертиз. Наконец, сторонники управленческого подхода видят решение проблемы в постановке перед конфликтующими сторонами таких специфических задач, которые сближали бы их позиции, позволяя при этом достигать собственных целей.

Все эти подходы предполагают решение ряда универсальных задач: предотвращение возникновения конфликта или его перехода в более острую фазу; выведение на поверхность всех латентных, теневых конфликтов с целью избежать внезапных, обвальных потрясений, на ко-

торые невозможно будет оперативно среагировать; минимизация степени социального возбуждения.

На практике выбор управленческих технологий во многом определяется конкретной фазой развития конфликтного противостояния, что свидетельствует о необходимости определения этапов в управлении конфликтом. Этапы в управлении конфликтом должны определяться фазами естественного развития противоречий, и, следовательно, требуются особые методы и средства, применяемые на стадии возникновения, развития и завершения конфликта.

На стадии возникновения конфликта требуется установить подлинные причины разногласий; дать оценку характеру конфликта; структурировать групповые позиции; определить правила и нормы взаимодействия сторон; создать благоприятные внешние условия для протекания конфликта. Второй этап предполагает отслеживание воздействующих на ситуацию факторов, число которых по мере развертывания конфликта возрастает. Здесь же необходимо уточнить образы и позиции конфликтующих сторон; постараться выяснить стратегический замысел и тактику контрагентов; определить рамки допустимого вмешательства; оценить возможности партнеров и противников конфликтующих субъектов. При этом важнейшей задачей остается сближение позиций сторон и поиск средств целенаправленного влияния на их отношение друг к другу.

На завершающем этапе характер контролируемых процедур зависит прежде всего от того, по какому из двух сценариев пошло развитие событий: движется ли конфликт в направлении примирения сторон, либо, несмотря на все усилия, складывается тупиковая ситуация. (В последнем случае целесообразно повторить все описанные выше действия еще раз.) Примирение конфликтующих сторон может иметь как принудительный, так и мирный характер и проявляться либо в разрешении спора, либо в полном или частичном его урегулировании. Говоря о мирном урегулировании конфликта, следует назвать следующие формы (соответственно и процедуры) примирения:

- ◆ достижение компромисса на основе сохранения исходных позиций;
- ◆ взаимные уступки, обусловленные истощением ресурсов одной или нескольких сторон;
- ◆ сближение позиций благодаря взаимному уважению и пониманию субъектами позиций друг друга.

Принудительное же примирение предполагает обретение одной из сторон дополнительных ресурсов, обеспечивающих ей превосходство или изоляцию, а то и полное уничтожение одного из соперников.

Для российских условий тема стратегических подходов и тактических приемов решения политических конфликтов чрезвычайно сложна и пока недостаточно разработана. Причин этому несколько. Во-первых, ее инновационный характер: если уж сама категория «политические конфликты» институционализировалась в отечественной политической науке сравнительно недавно, то серьезной проработкой технологий их разрешения и урегулирования стали заниматься гораздо позднее. Во-вторых, в российском социуме по-прежнему господствуют неформальные нормы поведения, персонификация отношений, преобладание ценностно-рационального подхода во взаимодействиях. Результат действия всех этих факторов — социальная неустойчивость и неопределенность. Общественные перспективы связаны с укреплением формальных институтов, а также механизмов контроля за выполнением норм. Именно эти институты уменьшают степень неопределенности путем установления устойчивой структуры взаимодействия между политическими акторами. Кроме того, историко-политический опыт показывает, что вне организации групп интересов регулировать развитие политического конфликта крайне затруднительно, если вообще возможно: этому препятствует диффузный характер, рассеянность, несвязанность противостоящих группировок и объединений. Поскольку же для российской действительности пока характерна именно такая аморфность, разработка технологий разрешения политических противоречий находится в начальной стадии.

В основу таких технологий положена методика зарубежных авторов, прошедшая апробацию и получившая заслуженное признание (классическими с точки зрения разработки процедур разрешения политических конфликтов считаются работы Р. Фишера и У. Юри, К. Томаса, А. Раппопорта и др.). Крайне интересен и полезен опыт группы Л. Блумфильда, которая еще в 60-е гг. прошлого столетия предприняла попытку формализованного анализа конфликта на основе базы данных и компьютерных программ. База данных, имевшаяся в распоряжении исследователей, включала в себя банк по 27 конфликтным ситуациям и мерам, предпринятым для ослабления конфликта. Программа обеспечивала прогноз относительно развития нового конфликта. Причем информация об этом новом противостоянии вводилась в машину в формализованном виде и сравнивалась с предыдущими случаями. Такая модель нашла широкое применение в государст-

венных структурах США для аналитической поддержки при принятии решений в конфликтных ситуациях.

Очевидно, что применение той или иной стратегии конфликто-разрешения зависит также от целей, которые участники конфликта ставят в отношении друг друга. *Первая* цель заключается в том, чтобы ликвидировать противника (в том числе и лишить его возможности действовать — например, изолировать его). *Вторая* предполагает изменение условий, в которых оппонент выдвигал нежелательные требования. Среди таких условий, определяющих «нежелательный курс» соперника, могут быть здоровье, свобода, активность и целеустремленность, физическое, материальное и душевное благополучие его близких. *Третья* цель исходит из тезиса об изменчивости окружающей среды, поэтому сориентирована на трансформацию неблагоприятных обстоятельств, т. е. изменение их на более подходящие без какого-либо внешнего вмешательства (в том числе и со своей стороны). Если даже в новой ситуации противники сохраняют желание противодействовать, то по крайней мере может уменьшиться сила сопротивления оппонента, что позволит субъекту достичь своей цели с меньшими потерями. Третья цель, таким образом, предполагает ожидание смены интересов других участников конфликтных взаимоотношений.

Четвертая цель, в отличие от предыдущих, рассматривающих других участников как соперников, исходит из установки о возможности партнерства между всеми субъектами самых сложных конфликтных ситуаций. Для этого нужно, чтобы участники постарались найти такие варианты решения спорного вопроса, которые позволили бы в максимальном объеме удовлетворить интересы всех субъектов отношений.

Соединение указанных целей с соответствующими им акциями и представляют собой различные стратегии поведения в конфликтах. Выделяется четыре варианта таких стратегий.

1. Стратегия «силы» сориентирована на ликвидацию противника либо как биологического организма, либо как дееспособного и свободного в выборе своих действий субъекта.
2. Стратегия «уязвления» противника предполагает изменение обстоятельств, в которых оппонент выдвигал нежелательные требования. Поскольку «перемещение» в новые условия представляет собой акцию, ограничивающую свободу оппонента, то можно считать, что эта стратегия уязвляет противника, ставит его в невыгодное положение.

3. Стратегия «уклонения» заключается в ожидании благоприятного момента для выдвижения требований, она не предусматривает воздействия на другого участника или участников.
4. Стратегия «партнерства» направлена на поиск таких вариантов решения проблемы, которые позволили бы удовлетворить интересы всех сторон, причем в максимальном объеме.

Особую группу представляют собой проблемы урегулирования этнополитических конфликтов, которые с трудом поддаются решению и имеют свою специфику (см. главу V).

Как уже отмечалось, при урегулировании конфликтов упор обычно делается на интересы действующих лиц, а не на их идентичность и ценности. Инструментальные методы, рассматривающие межэтнический конфликт как столкновение интересов, считаются более эффективными, чем ценностные подходы. Отдавая приоритет интересам, можно несколько снизить значимость эмоций и идентичностей. В этом случае конфликт формулируется в категориях делимых материальных ресурсов, включающих среди прочего территорию, права на собственность, политическую власть, экономический потенциал. Хотя учет интересов имеет существенное значение, все же такой способ решения межэтнических конфликтов явно недостаточен. Необходимо систематически применять ценностный подход к урегулированию конфликтов. Значимость ценностного подхода обусловлена тем, что в конфликтах, связанных с этнической или иными типами идентичности, речь идет о проблемах культуры, в то время как в основе обычных политических конфликтов лежат преимущественно материальные интересы и институциональные взаимоотношения. В рамках ценностного подхода предполагается внимательное изучение межкультурных различий в стиле ведения переговоров, а также тонкостей социальных процессов и ценностей, с которыми сталкиваются переговаривающиеся стороны.

К ненасильственным стратегиям разрешения конфликтных ситуаций можно отнести прежде всего стратегию «консоциации» (термин, производный от *консенсуса*). Консоциальная теория возникла в политической науке в процессе дискуссий по вопросу урегулирования конфликтов и обеспечения политического мира в социумах, где существует ряд групп, имеющих отличные друг от друга политические или религиозные убеждения и верования или обладающих различными этническими корнями. Поэтому, хотя акцент в этой теории делается на этнический компонент, поле ее применения значительно шире. Так, в

качестве примеров ее успешного использования можно назвать Нидерланды 1-й половины XX в., когда три проблемы (социальный вопрос, вопрос о всеобщем избирательном праве и школьный вопрос) серьезно угрожали самому выживанию нации, так как вызвали глубокий раскол нидерландского общества. В Бельгии до 70-х гг. XX в. имели место конфликты между католиками и некаатоликами; между массами и элитой общества; между бельгийцами, говорившими по-фламандски, и франкофонами. В отношении указанных противоречий консociальная демократия сработала очень эффективно, поэтому ее можно рассматривать как «систему аккомодации»¹ и компромисса между элитами, в рамках которой глубоко расколотые государства смогли сохранить политическую стабильность. Обращает на себя внимание ее универсальный характер. Это стратегия урегулирования конфликтов в обществах, внутри которых существует разделение на основе мультикультурализма, т. е. данную теорию, как считают ее создатели, можно применять во всех ситуациях, для которых характерен плюрализм, будь то плюрализм этнический, религиозный, языковой, социальный и т. д. При этом консociальная демократия является элитарной, массы проникнуты уважением к элите, компромисс ищут и находят на высшем уровне, а все важнейшие решения требуют согласия лидеров различных общностей. В то же время в рамках этой концепции справедливая аккомодация достигается благодаря участию представителей всех групп в управлении страной, автономии этих групп, пропорциональному представительству и наличию права вето у меньшинства. Наиболее эффективна, по мнению одного из ведущих зарубежных политологов А. Лейпхарта, консociальная модель при урегулировании конфликтов в мультиэтнических обществах. Ее содержание заключается в согласовании этнических интересов путем интеграции этнических групп в политическую и административную структуру общества. В этом случае этнические сообщества наделяются (в зависимости от своей численности или даже в равной пропорции) представительством и правами, иногда вплоть до права вето для каждой этнической группы.

Особенность другой стратегии — синкретизма — понимание этнической группы как неполитической, культурной общности. Культура каждой этнической группы провозглашается частью общегосударст-

¹ Понятие аккомодации означает урегулирование проблем, вызывающих разделение, и конфликтов посредством достижения самого минимального консенсуса.

венной культуры. Каждая из этих частей считается одинаково важной, одинаково ценится и развивается, но при этом этническим группам не предоставляется никакой политической или этнической независимости. Эти общности добровольно входят в состав новой синкретической нации-государства.

Еще одно разрабатываемое решение этнических конфликтов — это стратегия децентрализации, осуществляемой в форме федерализма, автономизации или регионализма. Хотя это направление, в основе которого лежит территориальное деление власти в сочетании с вертикальным разделением полномочий, не гарантирует от развертывания этнонациональных конфликтов, оно рассматривается в качестве важнейшего средства их решения. Децентрализация обеспечивает крупным компактно проживающим этническим группам определенную степень самоуправления и политико-символического самоутверждения, а мелким — реальное участие в управлении, которого им трудно добиться на уровне центральной власти. Одновременно она дает возможность диверсифицировать законодательство и политику в большинстве сфер жизни в соответствии с конкретными условиями и потребностями этнических и местных сообществ. Такая стратегия может в значительной степени способствовать согласованию интересов, интеграции и притуплению этнических чувств. Децентрализация, указывают зарубежные конфликтологи, стимулирует создание новых сфер интересов, объединений и новых образцов самосознания, хотя в реальности картина не выглядит столь оптимистично: местная власть, как и центральная, может быть неэффективной, коррумпированной и псевдodemократичной.

§ 2. Методы и приемы разрешения политических конфликтов

Тактические методы и приемы воздействия на конфликтные ситуации делят обычно на две группы: 1) с применением насилия (войны, революции, перевороты, различного рода террористические акты, погромы и т. д.); 2) ненасильственные действия, т. е. традиционные инструменты мирного разрешения конфликтов, существующие на уровне центральной власти (суд, референдум, парламент и т. д.). Правда, споры решаются обычно в пользу какой-то одной стороны. Побеждает в этом случае либо простое большинство, либо «сложное большинство» доказательств, аргументов, юридических норм, защищающих позицию

одной стороны и осуждающих позицию другой. Тем самым проблема выигрыша—проигрыша постоянно находится на первом плане.

Гораздо перспективнее с точки зрения достижения согласия выглядит переговорный процесс, позволяющий добиться компромисса и установить консенсус. В ходе этой процедуры участники могут применять различные приемы: давление (шантаж, угрозы, ультиматумы), выжидание (цель — вынудить партнеров давать первыми информацию), затягивание, «уход», постепенное повышение сложности и т. д. Нужно подчеркнуть, что перечисленные приемы и методы не заданы раз и навсегда, они изменяются, развиваются и усложняются. По мере развития переговорной практики появляются новые виды тактических приемов. Особенно интенсивно этот процесс стал развиваться в последнее время в связи с общей интенсификацией переговорных процессов в мире. Пример тому — путь так называемой «народной дипломатии», когда представители негосударственных организаций выступают как участники переговорного процесса.

Другой путь урегулирования конфликтов — посредничество — способствует изменению расстановки сил и создает стимулы для мирного урегулирования.

Механизм посредничества зависит от конкретных исходов вооруженного конфликта: в одном случае это может быть победа центральной власти над сепаратистскими силами в регионе (Чечня), в другом — победа де-юре и де-факто сепаратистских сил над центром (Эритрея или Восточный Тимор), в третьем — фактическая победа «мятежных» регионов над Центром (самопровозглашенные республики в Абхазии или Нагорном Карабахе), в четвертом — появление «зон ограниченного суверенитета», где фактически устанавливается международный протекторат (Косово), и т. д. (см. главу XIII).

Но независимо от исхода в зоне постконфликтного развития третья сторона (посредник) решает ряд важнейших практических задач.

1. Налаживает переговорный процесс «всех» со «всеми» на всех уровнях, а также под международным контролем создает условия для проведения референдума о статусе территории. Необходимые для этого условия — признание сторонами ответственности за произошедшее и признание нанесенного ущерба; готовность исправить ошибки (включая готовность провести судебные процессы над военными преступниками); восстановление отношений на межобщинном уровне, создание атмосферы доверия.

Таким образом, третья сторона использует технологии посредничества и фасилитации. При этом применяются различные приемы: «к доверию шаг за шагом», «втягивание в процедурные рамки», «формирование конечной картины» и др.

2. Реконструкция экономической сферы и систем жизнеобеспечения. Основные их компоненты:

- ◆ *политический* (восстановление структур государственной власти и налаживание функций управления, помощь в разработке Конституции, подготовка и проведение выборов в органы местного самоуправления (МСУ), формирование органов правопорядка и судебных структур);
- ◆ *экономический* (возобновление работы предприятий и восстановление разрушенной инфраструктуры);
- ◆ *социальный* (решение проблем занятости, особенно молодежи; возобновление работы учебных заведений; создание сети социальных служб; обустройство беженцев и пр.);
- ◆ *информационный* (возобновление работы СМИ, учреждений культуры).

3. Реабилитационная работа с населением, пострадавшим в ходе вооруженного конфликта, вследствие чего развиваются массовая невротизация и коллективные фобии. В этом плане важны:

- ◆ *социальная реабилитация* людей (предоставление им рабочих мест, обучение в центрах занятости и переквалификация, предоставление пособий, обеспечение инвалидов и т. д.);
- ◆ *психологическая реабилитация* (психологическое консультирование, психотерапевтическая работа и пр.);
- ◆ *медико-биологическая реабилитация* (лечение больных, оказание помощи раненым, профилактика заболеваний, предотвращение эпидемий и пр.).

Таким образом, третья сторона предоставляет масштабную помощь населению или создает каналы для ее поступления.

При решении всех этих задач возникают порой серьезные проблемы. Первая проблема связана с соблазном великих держав стать главным «устроителем дел» в постконфликтном пространстве с тем, чтобы превратиться в заинтересованного геополитического игрока. Вторая проблема касается возможной «борьбы за лидерство», что неминуемо разрушает роль посредника в качестве единой силы, способной разрубить этот «узел».

Таким образом, демократический процесс контроля над конфликтными ситуациями предполагает проведение ряда специальных процедур.

1. Взаимного и оперативного обмена достоверной информацией об интересах, намерениях и очередных шагах сторон, участвующих в конфликте.
2. Сознательного взаимного воздержания от применения силы или угрозы применения силы, способной сделать конфликтную ситуацию неуправляемой.
3. Объявления взаимного моратория на действия, обостряющие конфликт.
4. Подключения арбитров, беспристрастный подход которых к конфликту гарантирован, а рекомендации принимаются за основу компромиссных действий.
5. Использования существующих или принятие новых правовых норм, административных и иных процедур, способствующих сближению позиций сторон, которые втянуты в конфликт.
6. Создания и поддержания атмосферы делового партнерства, а затем и доверительных отношений как предпосылок исчерпания текущего конфликта и предотвращения аналогичных конфликтов в будущем.

Отечественные исследователи неоднократно скептически высказывались в отношении применения зарубежных методик и механизмов урегулирования конфликтов для российской действительности. Неудачи прямой экстраполяции моделей анализа переходного общества, в основу которых положен опыт стран Латинской Америки и Южной Европы, во многом объясняются игнорированием естественного различия институциональных сред и контекста, в котором происходит этот переход. Об этом же пишут ряд зарубежных авторов, делающих акцент на необходимости учета специфики истории России. Однако это вовсе не означает, что перед российскими теоретиками и практиками стоит задача выработки каких-то принципиально иных технологий, способов и инструментов разрешения региональных конфликтов. Напротив, речь идет о том, что современная наука должна предложить механизмы адаптации уже сформировавшихся за рубежом средств и методов к чрезвычайно подвижной и нестабильной российской социально-политической среде.

Новейшая политическая история человечества подтвердила возможность разрешения крупномасштабных конфликтных ситуаций с помощью политических компромиссов, создания систем взаимного контроля за выполнением принятых обязательств. При этом все более очевидно: перспективы разрешения конфликтов должны быть тесно связаны с культурной трансформацией общества, политической элиты, каждого гражданина. Только сила государства, одни лишь политико-правовые механизмы недостаточны для решения крупных социальных задач, в том числе и конфликтных ситуаций. Для успешного урегулирования политических противоборств необходимы и общественные усилия, и качественные сдвиги в области человеческого духа.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем отличия конфликтов ценностей от конфликтов интересов?
2. Чем отличаются способы разрешения конфликтов ценностей от конфликтов интересов?
3. Что означает мониторинг социально-политических конфликтов?
4. Перечислите основные стратегии разрешения политических конфликтов и охарактеризуйте их отличия.
5. Назовите основные тактические приемы, которые применяются при урегулировании внутривнутриполитических конфликтов.
6. В чем заключается демократический контроль над конфликтными ситуациями в политике?
7. Приведите примеры позитивного опыта разрешения политических конфликтов и назовите технологии, которые в этом случае применялись.

Часть II

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОНФЛИКТОЛОГИЯ
И ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Глава X

СУЩНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Природа международных конфликтов

Международные конфликты отличаются от конфликтов в других сферах общественной жизни в силу присущих самой международной политике специфических особенностей. В международных отношениях нет единого центра принятия решений, обязательных для всех участников этих отношений, поэтому каждое государство стремится самостоятельно и независимо от других реализовывать собственные интересы. Исходя из этого представители так называемого *реалистического* направления в политической мысли, такие как древнегреческий историк Фукидид, политические мыслители эпохи Возрождения Н. Макиавелли и Т. Гоббс, немецкий философ конца XVIII — начала XIX в. Г. В. Ф. Гегель, американский политолог середины XX в. Г. Моргентау, считали конфликты имманентно присущим и принципиально неустранимым атрибутом международных отношений. Они полагали, что каждое государство должно быть готовым в случае возникшей опасности вооруженного конфликта к применению силы для защиты собственных интересов, поскольку иных путей обеспечения безопасности они не видели. В той или иной степени традиции классического реализма в современных условиях продолжает одно из направлений теории международных отношений — *неореализм*.

Оппоненты «реалистов» придерживались иной точки зрения и на пути, и на способы разрешения конфликтов. Они предполагали возможность мирного урегулирования конфликтных ситуаций на основе моральных и правовых норм. Яркими примерами подобных подходов был проект Договора о вечном мире, предложенный И. Кантом, и план перестройки международных отношений на основе создания объединяющей все государства мира универсальной международной организации Д. Бенстама. И концепция И. Канта, и концепция Д. Бенстама

вдохновлялись идеалами социальной и политической философии *либерализма* и представлениями о том, что все общественные отношения можно привести в соответствие с природой человека, несовместимой, по мнению этих мыслителей, с насилием по отношению к ближнему. Попытка реализации этих идей в практике международных отношений 1-й половины XX в. оказалась неудачной, поэтому сами эти идеи стали характеризоваться не иначе как «политический идеализм», т. е. объявлялись непригодными для выработки реального внешнеполитического курса. В настоящее время либеральную традицию в той или иной степени продолжает *неолиберализм*, являющийся, так же как и неореализм, одной из главных научных школ в современной теории международных отношений.

Сторонники неолиберализма считают, что перестройка международных отношений, о которой мечтали их предшественники, сегодня идет уже на практике, поскольку отдельные государства с их эгоистическими интересами не способны справиться с вызовами, которые им бросает глобализация. Сложность и многообразие проблем и конфликтов современного мира, урегулирование которых на уровне отдельных национальных государств невозможно, требуют передачи части государственных функций и полномочий иным акторам международных отношений. С одной стороны, это наднациональные институты, способные реализовать старую либеральную мечту о создании объединяющего всех универсального центра, например мирового правительства. С другой — это транснациональные компании и неправительственные организации как зародыши глобального гражданского общества, для деятельности которых границы государств должны быть открыты, а мешающие этому представления о суверенитете отброшены как устаревшие. Таким образом, как полагают многие неолибералы, сформируется мировая политика с новыми механизмами разрешения конфликтов как в межгосударственной сфере, так и в пределах все еще сохраняющихся государственных границ.

В XIX в., наряду с либеральными и «реалистическими» взглядами на природу международных отношений и международных конфликтов, утвердился марксистский подход к пониманию этих проблем. В соответствии с представлениями К. Маркса, Ф. Энгельса, а позже и В. Ленина любая политика, в том числе и международная, выражает отношениями между классами. В основе международных конфликтов лежат противоречия классовых интересов, поэтому и в сфере международных отношений также может иметь место классовая борьба, которая, с точки зрения марксизма, служит двигателем всего историче-

ского процесса. Именно как классовую борьбу с империализмом рассматривали советские идеологи холодную войну, характерную для международных отношений 2-й половины XX в. Холодная война представляла собой глобальный конфликт, охвативший практически все сферы жизни человечества. Главными участниками этого конфликта были две противоположные общественные системы и их лидеры-сверхдержавы.

Завершение на рубеже 80–90-х гг. прошлого века холодной войны в связи с распадом социалистического лагеря и Советского Союза породило дискуссию о перспективах мировой политики в новых условиях. Первой концепцией, с которой, собственно говоря, эта дискуссия и началась, была концепция американского политолога Ф. Фукуямы. Он утверждал, что, поскольку глобальное идеологическое противостояние между либерализмом и коммунизмом завершилось победой либерализма, наступил *конец истории*. То есть окончательно решен вопрос о выборе пути общественного развития и человечество может объединиться на основе общих универсальных ценностей. Все проблемы и конфликты, доставшиеся от прошлого, будут разрешены. Столь оптимистический взгляд на будущее не оправдал себя, и сам автор этой концепции вынужден был недавно ее дезавуировать.

Своеобразным ответом на концепцию Ф. Фукуямы стала концепция *столкновения цивилизаций* С. Хантингтона. Этот американский политолог согласился со своим коллегой в том, что конфликты периода холодной войны были основаны на идеологии. Но Хантингтон не считал наступившую эпоху бесконфликтной. Напротив, на смену прежнему политическому противоборству, основанному на различиях идеологий и общественных систем, пришли конфликты цивилизационного характера. Различия между *цивилизациями*, по Хантингтону, имеют более древние и глубокие корни, чем различия между принципами политического и экономического устройства, поэтому конфликты, порождаемые цивилизационным фактором, будут протекать более остро, чем конфликты, имевшие иные основания. В XXI в. страны Запада могут столкнуться, по мнению С. Хантингтона, с новыми угрозами со стороны незападных цивилизаций, прежде всего исламской и буддистско-конфуцианской.

Свой взгляд на перспективы мировой политики и характер конфликтов в XXI в. высказали и сторонники *неомарксизма*. Самый известный из них — И. Валлерстайн — считает, что корнем всех зол остается глобальная капиталистическая «мир-система». Именно присущие ей противоречия порождают и будут порождать конфликты и в центре

самой мир-системы, и на ее периферии, в «третьем мире». Конфликтонными будут международные отношения, но еще более высокий потенциал конфликтности будет характерен для внутренних социально-экономических и социально-политических процессов, причем не только в бедных, но и в богатых странах.

Дискуссия, начатая на исходе 80-х гг. прошлого века, пока далека от завершения. Это еще раз подтверждает, что вопрос о природе международных конфликтов остается центральным вопросом теории и практики международных отношений.

Международный конфликт — один из видов политических конфликтов. Политические конфликты обусловлены несовпадением интересов, ценностей или идентификаций политических субъектов, соответственно выделяют конфликты интересов, ценностные конфликты и конфликты самоидентификаций. В соответствии с наиболее распространенным представлением

- ▶ международный конфликт можно определить как открытое политическое столкновение двух и более государств (или иных международных акторов) на основе несовпадения или противоречия их интересов.

Интересы государств могут сталкиваться из-за принадлежности той или иной территории, из-за прохождения линии государственной границы. Интересы могут быть экономического характера, что связано с доступом к использованию каких-либо ресурсов либо контролю над ними.

В истории международных отношений было немало «таможенных», «стальных», «текстильных» и прочих «войн». Получила известность «селечная война» между Великобританией и Норвегией: такое название получил конфликт между этими странами по поводу разграничения экономической зоны в Северном море.

Под экономической зоной в международном морском праве понимают ту часть морской акватории, в которой прибрежное государство имеет приоритетное право контроля за рыболовством и добычей других морепродуктов. Максимальная величина экономической зоны может исчисляться расстоянием до 200 морских миль от исходной линии. Проведение линии границы экономической зоны между близко расположенными государствами может вызвать спор, как это случилось в отношениях между Великобританией и Норвегией, а также между Великобританией и Исландией. Правда, тогда вопрос о рыболовных зонах не был до конца урегулирован в морском праве.

Конфликты, вызванные экономическими противоречиями, могут развиваться и находить решение именно в экономической сфере. Однако так бывает не всегда. Столкновение экономических интересов может осложнить межгосударственные отношения и даже стать причиной использования военной силы. Например, во время вышеупомянутых «рыбных» конфликтов правительство Великобритании для охраны рыболовных траулеров отправляло корабли королевского военно-морского флота.

Политические и экономические интересы в международных конфликтах могут переплетаться. Вызвавший широкий резонанс запрет на ввоз в Россию молдавских и грузинских вин, разногласия по вопросу о цене российского газа, поставляемого в Украину и Белоруссию, также соединяли в себе экономический и политический аспект. В любом случае они отразились на политических межгосударственных отношениях стран постсоветского пространства.

С одной стороны, конфликты могут порождаться интересами обеспечения национальной безопасности государств. С другой — ссылки на безопасность могут маскировать иные мотивы, толкающие лидеров государств к конфликту. Так произошло, например, накануне американского вторжения в Ирак весной 2003 г., когда администрация США оправдывала эти действия ссылками на якобы имеющееся у режима Саддама Хусейна оружие массового поражения.

Итак, то, что международные конфликты часто становятся конфликтами интересов, не вызывает никакого сомнения. Характерно ли для них столкновение ценностей?

Ценностный фактор присутствовал в международных конфликтах с глубокой древности. Пример тому — религиозные войны, которых было немало в истории Древнего мира и Средних веков, хотя можно говорить о том, что наряду с ценностным фактором их порождали и экономические, и политические факторы. Участники Крестовых походов не только стремились к освобождению Гроба Господня, но и надеялись обзавестись собственными угодьями в Святой земле, наконец, просто поживиться за счет предполагаемой военной добычи. Несколько столетий Российская империя вела войны с Турцией под флагом защиты православия, освобождения братьев по вере, необходимости водружения в Константинополе креста над собором Святой Софии, превращенном в Османской империи в мечеть. Однако куда важнее в этих войнах геополитические расчеты российской внешней политики, которые заключались в стремлении контролировать черноморские про-

ливы, обеспечить более удобные и безопасные коммуникации с внешним миром.

В предшествующие эпохи, когда общественное сознание находилось под сильным влиянием религии, многие межгосударственные конфликты выглядели как ценностные. Однако ценностные, религиозные мотивы переплетались с мотивами, основанными на территориальных, политических, экономических интересах, т. е. вполне материальных интересах, а не духовных. Вопреки официальному тезису католической церкви, что в основе отношений между европейскими странами и их монархами лежат христианские принципы, многочисленные войны на территории Европы прошлых веков оставались обыденным явлением. Процессы модернизации и связанной с ними секуляризации общественной жизни распространились и на сферу международных отношений. Но на смену религиозным ценностям в международном политическом процессе в XX столетии пришли ценности идеологические.

В истории 2-й половины XX в. — немало примеров влияния идеологии на внешнюю политику государств и межгосударственные отношения. Как уже было сказано, известные политологи Ф. Фукуяма, автор концепции «конца истории», и С. Хантингтон, автор концепции «столкновения цивилизаций», считают, что в основе конфликтов в мировой политике периода холодной войны лежала идеология. Но не стоит забывать, что главными субъектами самого этого глобального конфликта, получившего название «холодная война», были две сверхдержавы — СССР и США. Эти государства различались общественным и политическим строем, их внешняя политика оправдывалась идеологическими мотивами — необходимостью поддержки революционных сил и союзников в антиимпериалистической борьбе или необходимостью противостоять «коммунистической экспансии», — тем не менее противоречия между Соединенными Штатами и Советским Союзом определялись не только идеологией. Обе сверхдержавы, обладая огромным потенциалом ракетно-ядерных вооружений, стали видеть друг в друге реальную военную угрозу. В их противостоянии присутствовали военно-стратегический и геополитический аспекты, которые сохранились и в отношениях между новой Россией и США уже после окончания холодной войны.

Не совпадали и экономические интересы СССР и США. Дело заключалось не только в том, что их экономические системы были основаны на противоположных политико-идеологических принципах, но и в том, что разным было геоэкономическое положение двух сверхдер-

жав. Созданная в годы холодной войны инфраструктура конфронтации — военные блоки, образ врага в сознании политической элиты, запасы стратегических вооружений — сохранилась и тогда, когда идеология вроде бы ушла из российско-американских отношений. Об этом свидетельствуют проблемы, время от времени возникающие в отношениях между РФ и США.

Вместе с тем во 2-й половине XX в. влияние идеологии на мировую политику и международные конфликты было огромным, причем не только в отношениях между государствами противоположных систем и блоков, но и внутри них. Особенно остро это обнаруживалось внутри «социалистического лагеря», где идеологический фактор всегда имел первостепенное значение. Казалось, общность идеологии должна исключать саму возможность конфликта между социалистическими странами, что теоретически и предполагалось. Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что «пролетарии не имеют отечества», что пролетариат как класс во всех странах имеет идентичные интересы и, следовательно, отношения между политическими партиями и организациями, представляющими его интересы, должны основываться на принципах интернациональной солидарности. «Пролетарский интернационализм» как официальный принцип взаимоотношений между коммунистическими партиями был экстраполирован и на отношения между государствами, где эти партии после Второй мировой войны пришли к власти.

Однако практика показала, что конфликты могут возникать и между странами социалистического лагеря. Первый такой конфликт произошел уже в 1948 г. между Югославией, с одной стороны, и Советским Союзом и восточноевропейскими странами «народной демократии» — с другой. Внешне этот конфликт развивался как ценностный, так как его публичное начало было связано с принятием Коминформом¹ резолюции, в которой Коммунистическая партия Югославии была обвинена в отходе от принципов марксизма-ленинизма и в прочих «смертных грехах». После этого началась ожесточенная полемика в прессе, репрессии внутри Югославии против тех коммунистов, которые поддерживали Коминформ, и репрессии в странах Восточной Европы против тех, кто «сотрудничал с югославскими ревизионистами».

¹ Коминформ — информационное бюро коммунистических и рабочих партий. Структура, призванная в некоей степени заменить распущенный в 1943 г. Коммунистический интернационал. Включал в свой состав компартии СССР, Албании, Болгарии, Венгрии, Италии, Китая, Польши, Румынии, Франции, Чехословакии, Югославии.

Идеологический по форме спор обернулся быстрым ухудшением межгосударственных отношений Югославии и Советского Союза. Все официальные связи и контакты были свернуты, в СССР разрабатывались планы военной операции против Югославии, по личному указанию Сталина советские спецслужбы пытались организовать покушение на югославского лидера И. Б. Тито. Самого Тито в советских газетах стали называть не иначе как «кровавым фашистским диктатором».

Но было идеологическое противостояние главной причиной столь напряженного межгосударственного конфликта? Как показывают современные исследования, причины советско-югославского конфликта коренились отнюдь не в идеологии. Накануне открытого разрыва между двумя странами югославская компартия была одной из наиболее ортодоксальных сталинистских партий Восточной Европы. Социалистические преобразования в Югославии осуществлялись в соответствии с советским образцом. Даже Конституция Югославии 1946 г. была практически полной копией советской Конституции 1936 г. Дело было не в идеологии, а в том, что интересы СССР и Югославии не совпадали по целому ряду вопросов международной политики и двусторонних отношений. Например, югославское руководство отказалось создавать у себя так называемые «смешанные общества», которые создавались в других восточноевропейских странах, предлагая поставлять необходимые Советскому Союзу сырьевые материалы, добытые в Югославии без советского участия. Югославское руководство было не удовлетворено объемом советских поставок оружия и военной техники.

Наиболее важной международной проблемой для Югославии после окончания Второй мировой войны была проблема, связанная с городом Триеста и прилегающей к нему территорией. В довоенный период он принадлежал фашистской Италии. Вокруг Триесты складывалась конфликтная ситуация, в которой Югославии противостояли западные державы — США и Великобритания. Советский Союз поддерживал позицию Югославии, но, по мнению югославского руководства, недостаточно активно. В этом проявилась несхожесть геополитического положения и внешнеполитических интересов СССР и Югославии. Если для последней вопрос о Триесте был центральным вопросом внешней политики и отношений с государствами западного блока, то для Советского Союза эта проблема была не настолько важна, и в отношениях с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции в этом вопросе можно было и уступить ради выигрыша на ином участке внешнеполитического фронта. Одновременно И. Сталин был недово-

лен некоторыми действиями югославской стороны, например переброской без советской санкции двух дивизий в Албанию, активностью по созданию так называемой Балканской федерации, куда должны были войти все коммунистические государства Юго-Восточной Европы. Создание Балканской федерации предусматривалось еще программой Коммунистического Интернационала и не противоречило советским планам, но излишняя самостоятельность И. Б. Тито и болгарского лидера Г. Димитрова вызвала гнев Сталина. Советский руководитель вызвал «нарушителей конвенции» для вразумления в Кремль. В отличие от Г. Димитрова, И. Б. Тито на встречу не приехал, а прислал вместо себя ближайших соратников. После этой встречи югославское руководство выразило несогласие с советским планом объединения балканских стран, что и стало отправной точкой конфликта между СССР и Югославией.

Конфликт между СССР и Югославией советская сторона постаралась направить в идеологическое русло, использовав механизм Коминформа, очевидно, рассчитывая таким образом добиться смены неудобных Сталину лиц в югославском партийном и государственном руководстве. Представляется, что сами противоречия между Советским Союзом и Югославией могли бы быть улажены, если бы не были усилены идеологическим фактором. Поскольку обе стороны конфликта были представлены коммунистами, носителями одной и той же идеологии, то каждая из сторон невольно интерпретировала позицию другой стороны как «измену марксизму». Сработали законы формальной логики: «Все коммунисты имеют одинаковые интересы и цели. Если интересы и цели не одинаковые, значит, кто-то плохой коммунист или вовсе не коммунист».

К началу советско-югославского конфликта идеологических разногласий между ВКП(б) и КПЮ не существовало. Но по мере развития конфликта, который поставил Югославию в сложное политическое и экономическое положение, югославское руководство стало искать «собственный путь к социализму» и в идеологическом плане дистанцировалось от «советского образца». Впоследствии, когда межгосударственные отношения между двумя странами нормализовались, идеологические различия между КПСС, с одной стороны, и СКЮ¹ —

¹ В разгар советско-югославского конфликта в 1952 г. Коммунистическая партия Югославии была переименована в Союз коммунистов Югославии. Тем самым югославские коммунисты хотели продемонстрировать возвращение к «истинному марксизму».

с другой, сохранялись вплоть до распада обоих многонациональных коммунистических государств.

Еще более масштабным был советско-китайский конфликт 50–80-х гг. XX в. И в этом случае противостояние между двумя социалистическими гигантами, начавшись с идеологических дискуссий и полемики в партийной печати, вылилось в резкое охлаждение межгосударственных отношений и даже вооруженные столкновения на советско-китайской границе. Хотя между китайскими и советскими коммунистами изначально не было полного идеологического тождества, поскольку КПК имела свою, «китаизированную» версию марксизма — идеи Мао Цзэдуна (см. главу III), различия в трактовке коммунистической доктрины старались не афишировать. И. Сталин сравнивал Мао Цзэдуна за глаза «с редиской, которая сверху красная, а внутри белая». Но после прихода китайских коммунистов к власти Сталин держался с их вождем подчеркнуто дружески и признал собственные ошибки в оценке перспектив победы КПК в гражданской войне.

И советская, и китайская стороны были объективно заинтересованы друг в друге. Для СССР победа китайской революции означала позитивный сдвиг в балансе сил на мировой арене, а китайские коммунисты без советской помощи не могли справиться с проблемами управления громадной страной, создания всех необходимых для этого условий и институтов. Первые годы существования КНР стали периодом «великой дружбы» двух коммунистических государств. Советский Союз помог коммунистическому Китаю «встать на ноги», создать регулярную армию, скопировать советскую модель политической и экономической системы. Руководство двух коммунистических партий демонстрировало полное единство взглядов по всем основным политическим и идеологическим вопросам.

По мере того как власть коммунистов в Китае укреплялась, в Советском Союзе началась десталинизация, пусть и непоследовательная, но угрожавшая властным позициям Мао Цзэдуна. Поэтому в отношениях между СССР и КНР, КПСС и КПК возникла и стала расширяться трещина. Отношения осложнились прежде всего в сфере внешней политики, международной безопасности и экономического сотрудничества. Вся история Китая, его потенциал не давал возможности этой стране согласиться с положением «младшего брата» в советско-китайском союзе. Пока без советской помощи обойтись было невозможно, китайское руководство принимало сложившееся разделение ролей. Как только острая необходимость в поддержке со стороны СССР отпала, самостоятельность политики КНР стала усиливаться. Обнару-

жились противоречия в подходах к индийско-китайскому пограничному конфликту, ситуации в Тайваньском проливе, отношениям с США.

Мао Цзэдун был недоволен отказом Н. Хрущева передать КНР ядерное оружие, как это было обещано ранее (договора о нераспространении ядерного оружия тогда еще не существовало). Политическое и военное руководство СССР выражало недовольство отказом КНР разместить на своей территории базы советских подводных лодок. В разгар китайского «большого скачка» в 1959 г. Н. Хрущев принял решение об отзыве из Китая всех советских специалистов и советников, работавших в промышленности и строительстве.

В переходе советско-китайского конфликта в открытую фазу сыграл роль субъективный фактор — сложные личные отношения между Мао Цзэдуном и Н. Хрущевым. В этом аспекте советско-китайский конфликт повторил сценарий советско-югославского конфликта, где также сыграла свою роль реакция И. Сталина на действия и поведение И. Б. Тито. Открытая фаза конфликта между СССР и КНР приняла форму идеологической полемики. Сама по себе идеология не была первопричиной данного конфликта, однако идеологическая составляющая обострила советско-китайский конфликт, так же как и советско-югославский. Но советско-китайский конфликт был более сложным и многофакторным. Кроме уже названных проблем, возникали противоречия из-за линии прохождения государственной границы. Хотя эту линию закрепили российско-китайские договоры 1858 и 1869 гг., сами договоры заключались в условиях резкого ослабления Китая и оценивались там как неравноправные. Китайские коммунисты считали эти договоры и последующие соглашения результатом агрессии царского империализма и в разгар идеологической полемики с КПСС стали предъявлять Советскому Союзу территориальные претензии.

В итоге отношения между КНР и СССР ухудшились по всем направлениям, включая и межгосударственную, и партийно-идеологическую сферы. Наличие идеологического фактора мешало сосредоточиться на решении конкретных проблем межгосударственных отношений. Сближение идейно-политических позиций КПСС и КПК во 2-й половине 80-х гг. помогло продвинуть вперед и процесс нормализации советско-китайских отношений. После распада СССР связи Российской Федерации и Китайской Народной Республики стали выстраиваться на прагматической основе, исходя лишь из национальных интересов двух стран. Поскольку эти интересы во многом оказались близкими и даже совпадали, удалось не только нормализовать межго-

сударственные отношения, но и начать тесное взаимодействие по многим направлениям. Этому нисколько не мешает тот факт, что в Китае власть по-прежнему принадлежит коммунистической партии, а в России произошел демонтаж коммунистической политической системы.

Можно сделать вывод, что различие ценностей оказывает влияние на развитие конфликтной ситуации, но исключительно ценностные конфликты в международных отношениях бывают крайне редким исключением. Это нужно учитывать, оценивая прогнозы С. Хантингтона о характере конфликтов в мировой политике XXI в.

Во-первых, имеющиеся сегодня факты не подтверждают тезис о том, что причиной конфликтов на рубеже XX–XXI вв. были межцивилизационные различия. Например, конфликт в Нагорном Карабахе порожден не тем, что армяне — христиане, а азербайджанцы — мусульмане. Спор между ними носит этнотерриториальный характер и может быть определен как конфликт самоидентификаций. Конечно, цивилизационные различия существуют, и они дают о себе знать во многих конфликтах последних десятилетий. Однако во всех таких конфликтах присутствует и столкновение интересов, а не только ценностей. Цивилизационный фактор усложняет процесс урегулирования конфликтов. В этом С. Хантингтон прав, но он не прав, абсолютизируя его значение.

Во-вторых, воздействие цивилизационного фактора на международные отношения и на конфликты не может быть автоматическим или безусловным. Например, внешнеполитические ориентации посткоммунистических государств Восточной Европы в последние годы идентичны, несмотря на то что цивилизационные признаки Польши, Венгрии, Чехии, с одной стороны, Болгарии и Румынии — с другой, различаются. Отношения России и Грузии в последнее время были очень напряженными и фактически балансировали на грани открытого конфликта, тем не менее Россия и Грузия имеют общие цивилизационные корни. В то же время цивилизационные различия не мешали сохранению стабильного характера российско-азербайджанских отношений, несмотря на проблемы, которые в них присутствуют.

К конфликтам самоидентификаций в международных отношениях в первую очередь относятся этнотерриториальные конфликты, которых немало было в прошлом и которые не редки в современном мире. Однако, как уже было сказано, такие конфликты, как правило, затрагивают интересы втянутых в них государств и в абсолютно чистом виде не существуют.

Подводя итог сказанному, *международный конфликт* можно определить как

- ▶ открытое политическое столкновение международных акторов на основе противоречия их основополагающих интересов, базовых ценностей и самоидентификаций.

§ 2. Международные конфликты в системе международных отношений

Международный конфликт, даже если его участниками становятся только два актора, все равно занимает определенное место в существующей на данный момент *структуре международной системы*. От характера этой структуры зависит степень конфликтности международных отношений, а также возможность и пределы управления конфликтной ситуацией.

Весьма интересные суждения по этому поводу высказал в 60–70-х гг. XX в. известный скандинавский исследователь международных конфликтов Йохан Галлтунг. По его мнению, могут существовать два «идеальных» типа международных систем и один «смешанный», характеризующийся той или иной комбинацией структур первых двух. Идеальными типами международной системы могут быть *эгалитарный* и *иерархический*. Эгалитарный характеризуется отсутствием устойчивой структуры. Все элементы такого типа международной системы абсолютно равны и независимы друг от друга, отсюда и название — «эгалитарный», т. е. предполагающий всеобщее равенство. Ни один актор подобной системы не обладает властью по отношению к какому-либо из других акторов, все акторы действуют исходя из своих собственных интересов, невзирая на интересы остальных участников международных отношений. Поскольку эти интересы не могут совпадать полностью, конфликты в такой системе неизбежны. Представители концепции «политического реализма» и имели в виду такую ситуацию, называя ее «естественным состоянием международных отношений».

Иерархический тип системы международных отношений противоположен эгалитарному. Не случайно Й. Галлтунг дал этому типу название «феодальный». Структура отношений в такой системе похожа на структуру отношений в феодальном обществе, где отношения формализованы и подчинены жесткой иерархии. Каждый актор иерархи-

ческой системы имеет фиксированный статус, определяющий его права и обязанности. Акторы, стоящие выше на иерархической лестнице, обладают властью по отношению к нижестоящим и могут контролировать и направлять их действия. Если все участники иерархической системы будут подчиняться установленным правилам, то конфликты между ними в принципе невозможны.

В реальной действительности, как полагал Й. Галлтунг, в чистом виде не существует ни эгалитарных, ни иерархических систем, а есть смешанные типы, включающие элементы одной и другой. Международная система по характеру структуры и присущим ей закономерностям может приближаться к тому или иному идеальному типу, а может быть и равноудалена от них обоих.

Анализ практики международных отношений на основе теоретических положений Й. Галлтунга позволяет сделать два вывода.

Во-первых, если в регионе складывается близкая к иерархической система отношений с государством-гегемоном, обеспечивающим контроль над всеми другими акторами, то такая система будет отличаться определенной устойчивостью и стабильностью, конфликты внутри нее маловероятны. Если же конфликты возникают, то у государства-гегемона есть достаточно ресурсов и возможностей для управления такими конфликтами, в том числе и для их полного прекращения, если они противоречат интересам самого государства-лидера.

В качестве примера можно назвать ситуацию, сложившуюся на европейском континенте в 40–80-е гг. XX в. Это был период холодной войны между двумя блоками. Внутри каждого из них сложилась система отношений, близкая к той, которую Й. Галлтунг называл иерархической. На Востоке Европы Советский Союз сначала установил контроль над внешней и внутренней политикой государств «народной демократии», сплотив их в «социалистический лагерь», не имевший поначалу формальных институтов и механизмов управления. Затем отношения внутри «социалистического лагеря» были формализованы благодаря созданию Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора. Аналогичный процесс происходил и на Западе, где при активной роли США в 1949 г. была создана Организация Североатлантического договора (НАТО). Хотя в НАТО были провозглашены демократические принципы взаимоотношений между его участниками, фактически в годы холодной войны данный блок выступал как орудие внешней и военной политики США, поэтому реальные механизмы функционирования организации соответствовали иерархической модели Галлтунга. Государства-лидеры блоков

не могли допустить открытых конфликтов внутри своих сфер влияния. Если не оценивать это с морально-этической точки зрения и оставить за рамками противостояние двух сверхдержав, то можно сказать, что на смену межгосударственным конфликтам и войнам, сотрясавшим Европу в предшествующую эпоху, пришел длительный период стабильности.

Исключением на этом фоне стал турецко-греческий конфликт вокруг Кипра. Этот конфликт имел длинную предысторию. Остров Кипр вместе с другими греческими территориями в 1571 г. был захвачен Турецкой (Османской) империей. Когда Греция в 1821 г. сумела добиться независимости, Кипр остался под властью Турции. Не вошел он в состав греческого государства, в отличие от других территорий, населенных греками, и после Первой мировой войны, когда Османская империя распалась. К этому времени на Кипре вместе с греками проживало и турецкое этническое меньшинство. После 1918 г. остров на протяжении нескольких десятилетий оставался под контролем Великобритании, которая построила там свои военные базы. В соответствии с Цюрихско-Лондонским соглашением 1959 г. Кипр был провозглашен независимым государством с ограниченным суверенитетом. Как до подписания этого соглашения, так и после вопрос о принадлежности острова был «яблоком раздора» в отношениях между Грецией и Турцией. В Греции националистические силы требовали «энозиса», т. е. воссоединения Кипра с остальными греческими территориями. Турецкие националисты выступали за присоединение к Турции той части Кипра, где проживали турки-киприоты (хотя четкой линии границы между двумя общинами в то время не существовало).

После установления в 1967 г. диктатуры «черных полковников» во внешней политике Греции усилились националистические тенденции. В 1973 г. греческие офицеры устроили на Кипре переворот и провозгласили «энозис». В ответ на севере острова началась высадка турецких войск. В прежние времена эти события неминуемо привели бы к началу войны между Грецией и Турцией. Но в данном случае США не могли допустить открытого вооруженного конфликта между своими союзниками по НАТО. Американское вмешательство и действия ООН позволили избежать войны, но американцы не смогли, да и, видимо, не стремились полностью разрешить конфликтную ситуацию на острове. С тех пор фактический раскол Кипра на греческую и турецкую части сохраняется, но открытого вооруженного противостояния нет. Греция и Турция сосуществуют в рамках единой военно-политической структуры Североатлантического блока.

На востоке Европы после Второй мировой войны потенциал международной конфликтности был еще более высоким, чем на западе. Например, существовали территориальные споры между Венгрией, с одной стороны, и Румынией и Чехословакией — с другой. Но Советский Союз не допустил возникновения открытого конфликта между своими «социалистическими братьями». Если бы такой конфликт начался, то советское руководство, очевидно, нашло бы ресурсы для его прекращения. В Восточной Европе имели место конфликты, например советско-югославский и советско-албанский, но эти конфликты развивались при активном участии самого государства-лидера, а не вопреки его воле.

На рубеже 1980–90-х гг. в условиях крушения «социалистического лагеря» и коммунистических режимов существовавшие в отношениях между странами проблемы стали проявляться открыто. Внутренние конфликты разрослись до международных масштабов, прежде всего в бывшей Югославии, появилась потенциальная угроза возникновения межгосударственных конфликтов. Кстати, именно эта угроза использовалась в качестве аргумента в пользу расширения Европейского Союза. Прием новых восточноевропейских членов в состав ЕС происходил в ускоренном порядке, без соблюдения всех правил, что в итоге вызвало серьезные трудности в самом процессе европейской интеграции.

Во-вторых, из концепции Й. Галлтунга следует, что иерархическая система международных отношений предполагает множество формальных правил и процедур, если не понимать буквально термин «иерархическая система» как отсутствие равенства между государствами и насильственное навязывание воли одних государств другим. Иначе говоря, это господство международного права, широкое развитие сети международных организаций, наличие сложившихся и устойчивых международных режимов во многих сферах мировой политики и мировой экономики. Чем больше государства связаны между собой различными обязательствами, чем меньше пространство, где они могут действовать без оглядки на интересы и мнения других государств, тем меньше угроза открытых международных конфликтов, тем выше уровень международной стабильности и безопасности.

Наибольшую известность в научной среде приобрела разработанная на рубеже 50–60-х гг. XX в. типология международных систем Мортон Каплана. Этот американский политолог также связал характер структуры каждой из предложенных им моделей систем международных отношений со степенью их конфликтности. Всего он выделил

шесть типов международных систем: *система «баланса сил»*, *свободная биполярная система*, *жесткая биполярная система*, *универсальная система*, *иерархическая система* и *система вето*.

В *системе «баланса сил»* основными акторами являются национальные государства с широкими военными и экономическими возможностями. В этой системе не существует дифференциации ролей; если в ней насчитывается менее пяти государств-акторов, то система может оказаться неустойчивой. Если имеется пять или более таких государств, то они проявляют заинтересованность в том, чтобы не допустить устранения других государств как основных акторов системы, сохранив их как будущих союзников. Каждый из акторов стремится обеспечить свою безопасность путем получения больших возможностей в системе международных отношений, поэтому они образуют союзы и вступают между собой в войны. Но эти войны носят локальный характер, а союзы неустойчивы. Возникающие коалиции чаще всего направлены против акторов, претендующих на господство или обладающих преимуществами, которые могут дать им господствующее положение. Любое из союзных государств-акторов может быть приемлемым партнером, ибо только таким образом оно в состоянии обеспечить себе оптимальную вероятность того, что будет членом победившей коалиции или не слишком пострадает от поражения, если окажется в проигравшей коалиции. Такая система устойчива.

В *свободной биполярной системе* роли дифференцированы. Она состоит из акторов различных типов: отдельных государств, блоков государств, лидеров блоков, членов блоков, неприсоединившихся стран и универсальных организаций. Устойчивость такой системы возрастает в том случае, если лидеры блоков обладают монополией на атомное вооружение. Союзы создаются на базе постоянных общих интересов. Войны имели бы тенденцию к превращению из локальных в тотальные, если бы не сдерживающее влияние ядерного оружия, а также посредническая деятельность неприсоединившихся стран и универсальных акторов. Такая система менее устойчива, чем система «баланса сил».

Жесткая биполярная система имеет много общего со свободной биполярной системой. Отличается она тем, что в жесткой системе упраздняется роль неприсоединившихся государств и в значительной степени атрофируется роль универсальной организации. В случае существования такой системы она характеризовалась бы очень высоким напряжением.

Универсальная система могла бы, по мнению М. Каплана, возникнуть в том случае, если бы ряд политических полномочий был передан универсальной организации. Такая система потребовала бы от части своих членов переориентации, поскольку предпочтение было бы оказано коллективным и международным ценностям.

Иерархическая система представляет собой модификацию универсальной. Предполагается, что она могла бы сформироваться вследствие изменения масштабов международной организации или установления единоличной власти какого-либо одного актора.

Система вето — это система государств-акторов или блоков-акторов, в которой каждый актор располагает значительным запасом атомных вооружений. Члены такой системы не склонны к образованию союзов. Они стремятся к тому, чтобы вероятность войны не увеличивалась, но при этом сохранялось бы напряжение, порождающее относительную неустойчивость. Эта система менее устойчива, чем свободная биполярная система.

В годы холодной войны система международных отношений изменялась от жесткой биполярной модели к свободной по схеме М. Каплана. В 1950-е гг. тенденция развития шла в сторону жесткой биполярной системы, поскольку противоборствующие сверхдержавы стремились вовлечь в орбиту своего влияния как можно больше стран, и количество нейтральных государств было невелико. Жесткая конфронтация Соединенных Штатов Америки и Советского Союза фактически парализовала ООН. США, располагая большинством голосов в Генеральной Ассамблее ООН, использовали ее как послушный механизм для голосования, чему СССР мог противопоставить только свое «право вето» в Совете Безопасности. В результате Организация Объединенных Наций объективно не могла играть возложенной на нее роли.

С конца 1950-х гг. система международных отношений развивалась в сторону свободной биполярной модели. За счет новых независимых государств Азии и Африки увеличилось количество нейтральных стран, многие из которых составили Движение неприсоединения. Несколько повысилась результативность деятельности ООН и других международных организаций. Но одновременно усилилось соперничество противоборствующих блоков в «третьем мире», что стало причиной возникновения региональных конфликтов.

Влияние структуры системы международных отношений на характер и интенсивность международных конфликтов активно изучается в рамках неореалистического направления в теории международных отношений. Основоположник неореализма К. Уолтц анализировал

однополярные, биполярные и многополярные модели международной системы с точки зрения степени их стабильности и, следовательно, вероятности вооруженных конфликтов. Наиболее стабильной он считает биполярную структуру, а наименее стабильной — однополярную; многополярная занимает промежуточное положение. Однако есть и противоположное мнение, согласно которому рост числа полюсов и центров силы ведет к дестабилизации, а однополярная структура международной системы самая стабильная, так как обеспечивает концентрацию силы и власти.

Неореалист С. Браун предложил шесть гипотез, объясняющих причины вооруженных конфликтов в зависимости от структуры международной системы:

- 1) однополярные системы с устойчивыми связями между государствами обладают наибольшими возможностями предотвращать конфликты;
- 2) войны в одинаковой степени возможны как в однополярной, так и в многополярной системах со слабыми связями, но когда ведущие государства не расколоты на противостоящие друг другу коалиции, у них меньше стимулов к участию в локальных конфликтах;
- 3) биполярные и многополярные системы со слабыми связями создают большую вероятность вооруженных конфликтов, которые способны распространяться на всю систему; данная структура отношений подталкивает ведущие государства к вмешательству в локальные конфликты;
- 4) возникновение войн в биполярной системе с сильными связями внутри полюсов в целом маловероятно, но если война начинается, то ее трудно локализовать;
- 5) теоретически наиболее безопасной может быть многополярная система, состоящая из внутренне сплоченных и интегрированных коалиций;
- 6) отсутствие в структуре международной системы ярко выраженных полюсов, с одной стороны, в наибольшей степени провоцирует возникновение вооруженных конфликтов, но, с другой — способствует их локализации.

Сегодня, после дезинтеграции прежней биполярной системы международных отношений, процесс становления новой системы затянулся. Пока неясны очертания присущей ей структуры взаимоотношений между ведущими акторами. Претензии на формирование однополяр-

ного мира не имеют достаточных оснований, а попытки достижения такого «мира» на практике приводят к еще большей дестабилизации современных международных отношений. В результате количество конфликтных ситуаций не уменьшилось по сравнению с периодом холодной войны, причем наряду с традиционными угрозами международной безопасности появляются новые, такие как терроризм, организованная преступность, наркоторговля и наркотрафик. Все эти угрозы связаны с зонами неурегулированных внутривнутриполитических и международных конфликтов.

§ 3. Классификация международных конфликтов

Практика международных отношений знает различные типы и виды международных конфликтов. Политическая наука активно их изучает. Однако единая, признаваемая всеми исследователями типология международных конфликтов отсутствует. Наиболее часто в классификациях международных конфликтов встречается их разделение на *симметричные* и *асимметричные*. К симметричным относят такие конфликты, которые характеризуются примерно равной силой вовлеченных в них сторон. Асимметричные же конфликты — это конфликты с резким различием потенциала конфликтующих сторон. Выделение симметричных и асимметричных конфликтов важно с практической точки зрения. Если конфликт перейдет в стадию вооруженной борьбы, то от соотношения потенциалов принимающих участие в конфликте сторон будет зависеть его продолжительность и во многом конечный результат.

Проиллюстрировать это можно на примере ситуации, складывающейся вокруг Ирака в последнее десятилетие. В 70-е гг. XX в. режим Саддама Хусейна благодаря доходам от нефтедобычи и нефтеэкспорта смог создать значительный военный потенциал. Сам С. Хусейн мнил себя «Сталиным Ближнего Востока» и стремился показать всему миру силу своей страны и армии. Как показалось иракскому лидеру, такая возможность предоставилась после победы «исламской революции» в Иране в 1979 г. Между Ираном и Ираком существовал давний территориальный спор из-за линии границы в устье реки Шатль-эль-Араб. Этот спор подогревался наличием на данном участке больших запасов нефти. В 1975 г. между правительством Шаха в Иране и иракскими властями был подписан пограничный договор, который как

будто бы устранил все спорные вопросы. Но когда после свержения Шаха в Иране наступила полоса хаоса и дестабилизации, С. Хусейн решил воспользоваться ситуацией и захватить приграничные иранские территории.

Развязывая войну против Ирана, С. Хусейн учел степень дезорганизации и развала иранской армии, но не учел того, что в целом потенциалы противоборствующих сторон были сопоставимы. В этом симметричном конфликте столкнулись два средних по размерам территории и численности населения ближневосточных государства, имевших крупные запасы нефти и большие доходы от ее экспорта. Ни одна из сторон не имела явного перевеса над другой, поэтому полная победа кого-либо из участников в данном конфликте была невозможна. Так в итоге и случилось. После почти десяти лет военных действий, в ходе которых стороны потеряли один миллион человек убитыми, Ирак и Иран вернулись к соглашению 1975 г. Война истощила золото-валютные запасы Ирака, и С. Хусейн принял решение пополнить их за счет соседнего маленького, но очень богатого запасами нефти Кувейта, тем более что иракская сторона всегда считала Кувейт незаконно отторгнутой от Ирака территорией.

В данном случае вооруженный конфликт был асимметричным, поскольку размеры и военный потенциал сторон были несоизмеримы. Иракская армия в течение суток оккупировала территорию Кувейта, и он был объявлен иракской провинцией. Хусейн принимал во внимание только потенциал непосредственных участников конфликта, не учитывая общую ситуацию в международных отношениях в целом. Действия Ирака вызвали создание широкой антииракской коалиции во главе с Соединенными Штатами Америки. Эта коалиция получила санкцию Совета безопасности ООН на использование силы для прекращения иракской оккупации Кувейта. Структура конфликта вновь приняла асимметричный характер, но уже не в пользу Ирака. Иракское руководство это обстоятельство проигнорировало. Итогом операции «Буря в пустыне» в начале 1990 г. стало поражение иракской армии, которая вынуждена была уйти из Кувейта. Режим С. Хусейна в тот раз устоял, но был подвергнут международным санкциям. Однако уроки из вооруженного столкновения 1989–1990 гг. иракское руководство не извлекло: своими непоследовательными и противоречивыми действиями режим С. Хусейна сам создал условия для вторжения вооруженных сил США уже без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН.

Но в этот раз просчиталась администрация президента США Дж. Буша-младшего. Американцы верно оценили предстоящий конфликт как асимметричный, в котором у США будет преимущество. При проведении военной операции так и получилось. Ослабленная иракская армия не оказала серьезного сопротивления, а режим С. Хусейна быстро рассыпался на фоне военного поражения. Однако теперь уже в Вашингтоне не учли того, что в современной мировой политике международная и внутривластная сферы не отделены друг от друга «китайской стеной», а тесно между собой связаны. Начиная военную операцию против режима С. Хусейна, американское руководство надеялось, что вслед за военной победой оно сможет быстро привести Ирак к демократии и процветанию, заложить основы для «демократизации Большого Ближнего Востока». Однако реальная ситуация оказалась иной. Иностранное военное присутствие в Ираке вызвало вооруженное сопротивление. Кроме этого, Ирак, раздираемый внутренними этническими и религиозными конфликтами, стал очагом терроризма. Непродуманная политика завела вашингтонские власти в ситуацию, из которой простых и легких выходов быть не может.

Для типологии международных конфликтов можно использовать предложенную А. Раппопортом классификацию политических конфликтов, критериями для которой служат характеристики процесса протекания конфликта и мотивация поведения его участников. Исходя из названных критериев, Раппопорт выделяет такие модели конфликтов: *сражение, дебаты, спор*.

Наиболее опасен для мира и безопасности конфликт, развивающийся в форме «сражения». Само название его говорит о том, что стороны, вовлеченные в конфликт, изначально воинственно настроены по отношению друг к другу и стремятся нанести противнику максимальный урон, невзирая на возможные последствия для себя. Поведение участников такого конфликта можно определить как иррациональное, так как они ставят перед собой зачастую недостижимые цели, неадекватно воспринимают международную ситуацию и действия противоположной стороны.

Напротив, в конфликте, который разворачивается в форме «игры», поведение участников определяется рациональными соображениями. Несмотря на внешние проявления воинственности, стороны не склонны доводить обострение отношений до крайности. Решения принимаются на основе учета всех факторов и обстоятельств, на основе объективной оценки ситуации.

Для конфликта, развивающегося как «дебаты», изначально присуще стремление участников разрешить возникшие противоречия путем достижения компромиссов. «Дебаты» — это такое состояние конфликта, когда открываются перспективы для поиска приемлемого всеми сторонами компромиссного решения. Лучший путь выхода из конфликтной ситуации — переход от «сражения» через «игру» к «дебатам». Однако возможен и противоположный путь: от «дебатов» перейти к «игре», для того чтобы добиться уступок, а от «игры» незаметно для себя перейти к настоящему «сражению», исключающему возможность достижения компромиссов.

Данная типология также важна для практической деятельности по мирному урегулированию международных конфликтов.

В конце 1950-х гг., когда математические подходы и методы стали весьма активно применяться в гуманитарных исследованиях, из математической теории игр было заимствовано деление конфликтов на конфликты с нулевой и не нулевой (положительной) суммой. Затем к ним добавили конфликты с отрицательной суммой.

Конфликт с нулевой суммой — это конфликт, в котором интересы сторон полностью противоположны и победа одной из них означает поражение другой и наоборот. Компромисс здесь невозможен. *Конфликт с положительной суммой* — это конфликт, где есть реальная возможность найти приемлемое для всех решение. В результате достигнутого компромисса в какой-то степени удовлетворяются интересы всех участников. В *конфликте с отрицательной суммой* негативные последствия наступают для всех его участников. Примером такого конфликта в международных отношениях служит ядерная война, в которой, как известно, победителей не бывает.

С точки зрения количества участников международные конфликты можно разделить на *двусторонние* и *многосторонние*.

Еще одна классификация международных конфликтов основана на пространственно-географическом факторе, т. е. учитывает уровень охвата конфликтом системы международных отношений. *Глобальные* международные конфликты не имеют пространственных границ, от их исхода в той или иной степени зависят судьбы практически всех государств, направления и тенденции мирового развития. Примеры глобальных конфликтов — Первая и Вторая мировые войны. Глобальным характером отличалась и холодная война, поскольку определяла тенденции развития международных отношений на протяжении нескольких десятилетий — с конца 40-х до конца 80-х гг. XX в.

Региональные конфликты затрагивают международные отношения в пределах одного политико-географического региона. Число его участников ограничено по сравнению с глобальными конфликтами, а последствия — менее масштабные. *Локальные* конфликты развиваются на субрегиональном или местном уровне. Как правило, они касаются конкретных проблем и территорий. К ним относится большая часть двусторонних, а также интернационализировавшихся внутренних конфликтов. Поскольку на практике провести границу между региональным и субрегиональным уровнем международных отношений сложно, региональные и локальные конфликты часто выделяют в общую группу. В этом есть смысл, так как они явно отличаются по масштабам и последствиям от конфликтов глобального характера. В современных условиях, когда возможность глобального международного конфликта крайне мала, региональные и локальные конфликты представляют собой основную угрозу всеобщему миру и безопасности.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные причины международных конфликтов.
2. Дайте характеристику конфликтов интересов и конфликтов ценностей. К каким из них относятся международные конфликты?
3. Как структура международной системы влияет на уровень конфликтности международных отношений?
4. Как отразилась дезинтеграция биполярной системы международных отношений на характере международных конфликтов?
5. По каким признакам можно классифицировать международные конфликты?
6. Назовите примеры симметричных и асимметричных конфликтов в истории международных отношений.

Глава XI

СТРУКТУРА И ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА

§ 1. Структура международного конфликта

Любой международный конфликт можно представить в виде относительно самостоятельной системы. Основными характеристиками любой системы являются ее элементы — составные части системы и структура, или, иначе говоря, способ включения элементов в систему и способ их взаимодействия между собой внутри системы.

Основными элементами — *акторами* — международных конфликтов традиционно были *суверенные государства*. Иногда государства участвовали в конфликтах, особенно вооруженных, в рамках коалиций. В коалиционных войнах, которых в истории Европы было немало, основными элементами становились именно *коалиции*, а не составлявшие их отдельные государства. Возникновение международных организаций и выступление их в роли акторов мировой политики изменили и характер конфликтных ситуаций в различных регионах. Правда, чаще всего *международные организации* играют роль третьей стороны в конфликте, выполняя посреднические функции и гуманитарные миссии или проводя миротворческие операции. Но можно найти примеры, когда международные организации выступали в качестве воюющей стороны вооруженного конфликта, как это случилось с Организацией Объединенных Наций во время корейской войны 1950–1953 гг. В современных условиях, когда происходит интернационализация внутренних конфликтов, исчезает грань между ними и международными конфликтами, поэтому участниками конфликтов становятся *непризнанные государственноподобные образования, политические движения, террористические организации*.

Глобализация терроризма делает террористические организации активным и серьезным актором в конфликтных ситуациях, в том числе и одной из воюющих сторон в вооруженных конфликтах. Пример этому — контртеррористическая операция в Афганистане, начатая после событий 11 сентября 2001 г., в которой вооруженным силам США и их союзников противостоят боевики исламского фундаменталистского движения «Талибан» и террористической сети «Аль-Каида».

Государства и другие политические акторы играют в конфликтных ситуациях различные роли. Одни становятся непосредственными участниками событий, другие оказывают первым прямую или косвенную помощь, но формально сохраняют нейтралитет. В качестве элементов системы международного конфликта могут рассматриваться и те акторы, которые выполняют функции третьей стороны. В современном мире такие функции могут выполнять не только государства и международные организации, но и частные лица, если они владеют соответствующими профессиональными качествами и международным политическим авторитетом (см. главу XIII).

Структура международных конфликтов может иметь разную конфигурацию. Простейший вариант — *двусторонний конфликт*. Однако подобная структура встречается крайне редко. Структура международного конфликта может динамично меняться: расширяться при увеличении или сужаться при уменьшении числа как непосредственных, так и косвенных участников конфликта. Могут меняться и роли участников. Непосредственный участник может становиться косвенным или играть роль третьей стороны. В истории международных отношений есть примеры, когда какой-либо международный актор менял свое отношение к проблемам, стоящим в центре конфликта, и начинал оказывать поддержку противоположной стороне.

Яркий пример того, как видоизменяется структура международного конфликта, — история одного из наиболее длительных конфликтов в современной мировой политике — Ближневосточного. Данный конфликт зародился как противостояние еврейской и арабской общин в Палестине и имел сугубо внутренний характер.

Палестина — исторический очаг еврейского народа, который был изгнан оттуда еще во времена Римской империи. Хотя евреи проживали на палестинской территории и после изгнания, но они представляли меньшинство населения, а арабы — большинство. В конце XIX в. на 600 тыс. палестинских арабов приходилось 24 тыс. евреев. Именно тогда, в конце XIX в., в мире зародилось сионистское движение. Целью сионистов, создавших в 1898 г. Всемирную сионистскую организацию,

было возвращение евреев в Палестину и возрождение там еврейского государства. Сионисты считали, что евреи не должны принимать активного участия в политической жизни тех стран, в которых они проживали, а должны эмигрировать на «святую землю». Идеи и цели сионистов на рубеже XIX–XX вв. многими рассматривались как утопические и романтические. Действительно, трудно было представить, как может появиться еврейское государство на территории Палестины, входившей в то время в состав Турецкой (Османской) империи. Трудно было представить, что турецкий султан, бывший в то время главой и правителем мусульман всего мира, разрешит иноверцам — иудеям — основать на землях своей империи собственное государство.

Однако с возникновением сионистского движения еврейская эмиграция в Палестину усилилась, и доля евреев в составе ее населения стала расти. Особенно заметный рост начался после окончания Первой мировой войны, когда Османская империя распалась и мандат на управление Палестиной Лига Наций передала Великобритании. В английской политической элите были люди, симпатизировавшие сионистам. В частности, к ним принадлежал лорд Бальфур, занимавший в конце Первой мировой войны пост министра иностранных дел Британской империи. 2 ноября 1917 г. была опубликована «Декларация Бальфура», в которой говорилось:

«Правительство Его Величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить достижение этой цели».

Хотя некоторые арабские государственные лидеры также благосклонно отнеслись к «Декларации Бальфура», большинство резко выступило против самой идеи основания в центре арабского мира еврейского государства. В начале 20-х гг. прошлого века мечтам сионистов не суждено было осуществиться. Но власти Великобритании в межвоенный период проводили двойственную политику в отношении подмандатной Палестины. С одной стороны, они расширяли возможности для еврейской эмиграции, с другой — балансировали между интересами еврейской и арабской общин. В этом реализовывался традиционный имперский принцип «разделяй и властвуй», в соответствии с которым английское правительство поддерживало то одну, то другую сторону набиравшего силу межобщинного конфликта в Палестине.

В годы Второй мировой войны симпатии британских властей были на стороне еврейской общины, а палестинские евреи принимали активное участие в антифашистской борьбе в составе британской армии.

Среди арабских лидеров было немало симпатизировавших Германии, например сотрудничавший с нацистами муфтий Иерусалима Хуссейн.

После окончания Второй мировой войны перестала существовать Лига Наций, по мандату которой Великобритания контролировала Палестину, и встал вопрос о дальнейшей судьбе этой территории. Но и судьба самой Британской империи в ее прежнем виде была неясна. Ее правящая элита стремилась во что бы то ни стало сохранить свое присутствие и влияние в таком стратегически важном регионе мира, как Ближний и Средний Восток. Территория Палестины в этом контексте приобретала особое значение, а цели сионистов противоречили английским внешнеполитическим интересам. К концу Второй мировой войны британские власти ввели жесткие ограничения еврейской эмиграции в Палестину. Но именно тогда поток эмигрантов увеличился за счет бывших узников нацистских концлагерей и евреев, потерявших в годы фашистского террора свои семьи, жилье и имущество.

В ответ на ограничения члены еврейских военизированных формирований стали совершать террористические акции против представителей британской администрации, положив таким образом начало традиции террора, подхваченной впоследствии палестинскими арабами. Напряженность между еврейской и арабской общинами Палестины нарастала, а число евреев, несмотря на ограничения, росло. Следует отметить, что еврейские общины были организованы лучше как в военном, так и в политическом плане, поскольку изначально ставили цель образования собственного государства.

Среди палестинских евреев и их лидеров преобладали выходцы из Восточной Европы, преимущественно с тех территорий, которые входили до 1914 г. в состав Российской империи. Многие знали русский язык, в той или иной степени испытали влияние русской культуры. Большинство руководителей еврейской общины Палестины придерживались левых взглядов, разделяли социалистические идеи, хотя и не были сторонниками идеологии марксизма-ленинизма. Влияние коммунистов было невелико, но симпатии к Советскому Союзу среди палестинских евреев были огромны, что обуславливалось той ролью, которую сыграл СССР в разгроме гитлеровского фашизма. Эти обстоятельства, очевидно, учитывал И. Сталин, когда стал оказывать содействие созданию еврейского государства в Палестине.

До Второй мировой войны на Ближнем Востоке не было заметно какой-либо политической активности Советского Союза, СССР не декларировал никакого конкретного интереса к данному региону. Победив во Второй мировой войне, СССР начал превращаться в сверх-

державу с глобальными внешнеполитическими целями и интересами, в том числе и в ближневосточном регионе. Необходимо было закрепить свое присутствие там, и будущее государство Израиль могло стать для этого опорной точкой. Хотя в прошлом большевики негативно относились к сионизму и сионистскому движению, в годы Второй мировой войны советские дипломаты и политики установили контакты с его лидерами. После окончания Второй мировой войны советские представители поддержали идею независимости Палестины, причем речь шла о создании единого арабо-еврейского государства. Когда стало ясно, что реализовать такой план не представляется возможным, Советский Союз поддержал идею разделения Палестины и создания отдельного государства Израиль. Очевидно, И. Сталин рассчитывал, что Израиль будет союзником и другом Советского Союза и восточно-европейского блока.

Еще до официального провозглашения государства Израиль СССР через структуры ООН начал оказывать ему не только дипломатическую, но и военно-техническую помощь. Англичане ввели запрет на ввоз оружия в Палестину, но оно поступало туда как для арабов, так и для евреев. Крупные партии оружия и военной техники для будущей «армии обороны Израиля» были переброшены из Чехословакии, входившей в советскую зону влияния. На территории Чехословакии шла подготовка военных специалистов для формирующейся израильской армии. Все это не могло осуществляться без ведома и участия Советского Союза. Несмотря на «железный занавес», советское руководство после окончания войны санкционировало выезд в Палестину нескольких тысяч лиц еврейской национальности. В большинстве это были люди, бывшие в прошлом гражданами Польши, Румынии и других иностранных государств и находившиеся на территории СССР без гражданства. Многие из них воевали в рядах Красной Армии и имели военный опыт и военные специальности. Эти шаги ясно отражали позицию Советского Союза в преддверии неизбежного вооруженного конфликта.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181 «О создании на территории британского мандата в Палестине двух независимых государств». Этими государствами должны были стать Израиль и Палестинское арабское государство. В принятии резолюции большую роль сыграл советский представитель А. А. Громыко, ставший впоследствии министром иностранных дел СССР. Против резолюции голосовали представители арабских стран, поскольку в арабском мире отвергалась сама идея создания еврейского

государства на палестинских землях. Никаких мероприятий по подготовке к созданию палестинского арабского государства не проводилось, арабское население Палестины было по-прежнему плохо организовано.

15 мая 1948 г. было официально провозглашено государство Израиль, что означало превращение внутripалестинского еврейско-арабского конфликта в международный. Вслед за созданием государства Израиль на территорию Палестины вторглись армии соседних арабских государств, и началась первая израильско-арабская война. За спиной коалиции арабских государств стояла Великобритания, которая оказывала им разнообразную помощь. Израиль получал открытую политическую и скрытую военно-техническую поддержку от Советского Союза и его восточноевропейских союзников. Соединенные Штаты одними из первых официально признали Израиль. Но первоначально американская поддержка была неактивной, поскольку в госдепартаменте США опасались, что слишком тесные отношения с Израилем могут навредить американским интересам в богатом запасами нефти ближневосточном регионе.

Таким образом, первоначально конфигурация структуры ближневосточного конфликта выглядела следующим образом: с одной стороны — Израиль, в той или иной степени поддерживаемый двумя набирающими силу сверхдержавами (СССР и США), с другой — коалиция арабских государств, опиравшаяся на поддержку прежнего центра силы ближневосточного региона (Великобритании).

Такая структура данного конфликта сохранялась недолго. Первая арабо-израильская война не принесла успеха арабским армиям, несмотря на их численное превосходство. Израиль отстоял свою самостоятельность, сохранив контроль не только над той территорией, которая была отведена для его основания резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, но и захватив часть земель, предназначенных для арабского государства. Арабское же государство в Палестине так и не было создано, поскольку предполагаемая территория этого государства была разделена между соседними арабскими странами. Так называемый сектор Газа перешел под контроль Египта, а Восточный Иерусалим и западный берег реки Иордан был включен в состав Трансиордании, ныне — Иордании.

Расчет И. Сталина по поводу государства Израиль не оправдал себя. Израиль не пошел по пути восточноевропейских стран «народной демократии». В нем утвердилась парламентская демократия и многопартийность, а его экономика, несмотря на отдельные социали-

стические эксперименты, развивалась по рыночному типу. Во внешнеполитическом плане Израиль поначалу балансировал между двумя сверхдержавами — США и СССР, но затем стал все больше придерживаться проамериканских позиций. Очевидно, это было обусловлено значительной спонсорской помощью еврейскому государству со стороны Соединенных Штатов. Конкурировать в этом отношении с США СССР тогда не мог. В США образовалось мощное произраильское лобби, а сам Израиль стал превращаться в важнейшего американского союзника в ближневосточном регионе и, следовательно, в потенциального внешнеполитического противника СССР.

Отношения между Советским Союзом и Израилем стремительно ухудшались из-за разногласий по вопросам еврейской эмиграции и из-за растущего антисемитизма советских властей. Если в довоенный период еврейское население рассматривалось как лояльное по отношению к советской власти, то после образования государства Израиль и реакции на этот факт части еврейской общественности в СССР, ситуация изменилась. В ходе расследования так называемого «дела врачей», носившего явно антисемитский характер, в Москве была арестована родная сестра Хаима Вейцмана — первого президента Израиля и в прошлом руководителя Всемирной сионистской организации. Незадолго до смерти И. Сталина между СССР и Израилем были разорваны дипломатические отношения. Вскоре эти отношения формально были восстановлены, но прежней дружбы между двумя странами уже не было. Противостояние между Израилем и арабскими странами сохранилось, но СССР из этого противостояния вышел.

Вновь принимать активное участие в делах Ближнего Востока Советский Союз начал через несколько лет, но уже в совершенно иной роли. В арабских странах стали возникать радикальные режимы, вступавшие в конфликт с США и Западом в целом, чем, по логике холодной войны, и должен был воспользоваться СССР. Со 2-й половины 1950-х гг. он начал оказывать массированную военную и экономическую помощь Египту, Сирии и ряду других арабских государств. Поскольку все они находились в прямом противостоянии с Израилем, то Советский Союз втянулся в это противостояние, но уже «по другую сторону баррикад», т. е. поддерживал арабские страны.

С начала 1960-х гг. структура ближневосточного конфликта стала во все большей степени воспроизводить структуру всей биполярной системы международных отношений. Одну из сторон конфликта — Израиль — поддерживали Соединенные Штаты, другую — группу арабских стран — Советский Союз. С одной стороны, такая структура

конфликта не давала возможности для его полного разрешения, так как само наличие конфликта соответствовало интересам обеих сверхдержав, связанным с их активным присутствием в стратегически важном регионе мира. С другой стороны, сверхдержавы опасались разрастания регионального конфликта до глобальных масштабов и всякий раз при возникновении такой угрозы вмешивались, снижая накал отношений. Конфликт принял затяжной, волнообразный характер.

За время существования конфликта его структура еще не раз менялась. В 1964 г. была создана Организация Освобождения Палестины (ООП), которая стала одним из непосредственных акторов ближневосточного конфликта. В 1977 г., когда при посредничестве американского президента Дж. Картера между израильским премьер-министром М. Бегином и египетским президентом А. Садатом были подписаны Кэмп-Дэвидские соглашения, Египет первым из арабских стран официально признал Израиль и вышел из непосредственного вооруженного противостояния с ним.

Великобритания, первоначально поддерживавшая арабские государства, в 1956 г. вместе с Францией и Израилем совершила вооруженную интервенцию против Египта в связи с национализацией Г. А. Насером Суэцкого канала. После провала этой авантюры Великобритания резко свернула военное и политическое присутствие в регионе, дистанцировалась от арабо-израильского конфликта. Франция в 1956 г. поддержала Великобританию, но позднее стала сотрудничать с арабскими странами, поставляя некоторым из них оружие и боевую технику.

Чем дольше тянулся ближневосточный конфликт, тем больше он порождал проблем в отношениях между Израилем и арабами. Первая арабо-израильская война 1948–1949 гг. породила первую волну палестинских беженцев. Итогом «шестидневной войны» 1967 г. стал захват Израилем всех остававшихся вне его контроля палестинских земель, изначально предназначавшихся для создания арабского государства, а именно сектора Газа и западного берега реки Иордан. Восточный Иерусалим, населенный арабами и находившийся до 1967 г. под контролем Иордании, также был оккупирован Израилем и вместе с западной частью этого города официально объявлен столицей еврейского государства (что не признавалось и не признается международным сообществом). На оккупированных палестинских территориях основывались еврейские поселения, куда направляли на жительство прибывавших в Израиль иммигрантов из различных стран мира.

Оккупация палестинских территорий породила ответные действия арабского населения, в том числе террористические акции палестинских организаций. Попытки Израиля бороться с терроризмом вызывали лишь его усиление; одновременно за счет соседних территорий, например территории Ливана, куда в 1982 г. вторглась израильская армия (см. главу IV) расширялись границы конфликта.

В конце 1980-х гг. Ближний Восток был одной из самых горячих точек на политической карте мира. Поэтому в условиях завершения холодной войны и уменьшения напряженности в отношениях между СССР и США обе державы обратили внимание на этот регион. Они стали отказываться от поддержки лишь одной из сторон конфликта и стремились играть посредническую роль. Такое изменение структуры конфликта позволило сдвинуть с мертвой точки процесс ближневосточного урегулирования.

В 1991 г. состоялась Мадридская конференция, в которой приняли участие США, СССР, делегации палестинцев и Израиля. На этой конференции был утвержден принцип «земля в обмен на мир». Советский Союз и Соединенные Штаты стали «конспонсорами» мирного процесса, правда, Россия, ставшая правопреемницей СССР, на долгое время дистанцировалась от проблем ближневосточного урегулирования.

В 1993 г. в Осло было достигнуто соглашение о взаимном признании ООП и Израиля как партнеров по переговорам. Руководство ООП официально объявило о своем отказе от терроризма. В том же году состоялась встреча Я. Арафата с израильским премьером-министром И. Рабином. В 1995 г. в Осло было подписано очередное соглашение о принципах самоуправления в секторе Газа и на западном берегу реки Иордан и о выводе израильских войск из нескольких палестинских городов. Израильско-палестинские договоренности встретили резкое неприятие наиболее непримиримых элементов как среди палестинцев, так и среди израильтян. 4 ноября 1995 г. израильский премьер-министр И. Рабин был убит членом еврейской праворадикальной организации И. Амиром. Вскоре к власти в Израиле пришел правый блок «Ликуд», и процесс мирного урегулирования затормозился.

В 1999 г. делаются новые шаги в решении арабо-израильского конфликта. На территории западного берега реки Иордан и в секторе Газа создается Палестинская национальная автономия, здесь формируются вооруженный корпус палестинской полиции и палестинская администрация. Но на пути создания суверенного палестинского государства и установления между ним, другими арабскими странами

и Израилем стабильных добрососедских отношений стоит целый ряд препятствий.

Между палестинцами и израильянами существуют разногласия по вопросу статуса Иерусалима, проблемам беженцев и еврейских поселений. Обе стороны считают, что Иерусалим должен быть их столицей; и те и другие претендуют на Храмовую гору и другие священные места города.

Помимо палестинцев, постоянно проживающих на территории Израиля и палестинской автономии, есть еще беженцы, находящиеся в специальных лагерях. Большинство из этих 3 млн человек — это выходцы с территорий, которые включены в состав Израиля. Палестинцы настаивают на их возвращении, но израильяне согласны в лучшем случае принять на принципах «воссоединения семей» не более 100 тыс. человек.

К трудностям объективного характера добавились трудности, обусловленные внутривосточным положением Израиля и Палестины. За десятилетия существования конфликтной ситуации накопились взаимное недоверие и нетерпимость. Многие в Израиле настроены против уступок палестинцам и делают ставку на силовые действия. В палестинском движении за последние десятилетия произошли изменения. Если в 1960–70-е гг. в нем доминировали организации левого и левонационалистического толка, имевшие светский характер, то постепенно усилилось влияние исламских фундаменталистов. Исламские организации, например ХАМАС, пользуются авторитетом среди населения палестинских территорий. Именно ХАМАС победила на последних парламентских выборах в Палестинской автономии и получила право на формирование правительства.

Организация ФАТХ, доминировавшая в ООП и возглавлявшая властные структуры Палестинской автономии, накопила опыт ведения диалога с Израилем и отказалась от экстремистских действий. ХАМАС к моменту победы на выборах сохранила неприятие самого факта существования еврейского государства. Кроме усиления противостояния палестинцев и израильян победа ХАМАС привела к обострению противоречий внутри Палестинской автономии, что еще более усложнило проблему ближневосточного урегулирования.

Для окончательного решения этой проблемы необходимо в полной мере учитывать структуру ближневосточного конфликта. Казалось бы, сегодня она упростилась. В центре конфликта находятся Израиль и Палестина, в качестве третьей стороны выступает четверка посредников — Организация Объединенных Наций, Европейский союз, Соеди-

ненные Штаты Америки и Российская Федерация. Однако следует учитывать и расстановку сил внутри Израиля и Палестинской автономии, а также причастность к конфликту Сирии, Ирана, Иордании, Саудовской Аравии и ряда других арабских государств. Сложная ситуация в соседнем Ливане тесно связана с существованием конфликта между израильтянами и палестинцами.

Конечно, не все международные конфликты имеют столь сложную структуру и динамику, как ближневосточный. Но перспективы мирного урегулирования любого конфликта обусловлены конфигурацией и эволюцией его структуры, потому это понятие заслуживает пристального внимания.

§ 2. Этапы развития международного конфликта

Динамика международных конфликтов имеет схожие черты с динамикой политических конфликтов в целом (см. главу II), но обладает и своей спецификой. Исследование процесса развития международного конфликта дает возможность установить многие его существенные для анализа исторические и причинно-следственные аспекты, а изучение его системы и структуры выявляет главным образом структурно-функциональные стороны конфликта. Нельзя воспринимать эти аспекты международных конфликтов изолированно друг от друга. Анализ последовательно меняющихся фаз развития конфликта позволяет рассматривать его как единый процесс.

Фазы развития международного конфликта определяются не просто некими отрезками времени, а историческими и социальными причинами. Эти причины обусловлены:

- ◆ внутренними характеристиками государств — участников конфликта, их политическими интересами, целями, внешними союзами и обязательствами;
- ◆ масштабами и интенсивностью развития самого конфликта;
- ◆ процессом вовлечения новых участников с присущими им и применяемыми в данном конфликте средствами борьбы, союзами и обязательствами;
- ◆ международными условиями, в которых конфликт развивается.

В зависимости от сущности, содержания и формы данного конфликта, конкретных интересов и целей его участников, применяемых

средств и возможностей введения в действие дополнительных ресурсов, вовлечения новых или выхода имеющихся участников и общих международных условий развития конфликта, он может проходить через самые разные, в том числе и необязательные по схеме, непредсказуемые заранее фазы. Некоторые фазы могут полностью выпасть, создать брешь в типовом развитии того или иного конкретного конфликта. Могут появляться неожиданные фазы, деформируя устойчивую картину. Фазы конфликта могут спрессовываться во времени, сливаться друг с другом или, наоборот, растягиваться во времени, распадаться на дробные части. Международный конфликт в своем развитии способен в считанные дни и часы совершать скачок через фазы, но может развиваться медленно, как бы растягиваться. Развитие его может идти от фазы к фазе по нарастающей, но конфликт может также «топтаться на месте», «отступать», его фазы могут повторяться, а острота — смягчаться.

Первая фаза международного конфликта — сформировавшееся на основе объективных и субъективных противоречий, экономических и политических интересов сторон, сталкивающихся на международной арене, принципиальное *политическое противоречие* и соответствующие ему экономические, идеологические, правовые, военно-стратегические, дипломатические отношения по поводу данных противоречий, которые принимают конфликтную форму. Эту фазу принято считать *латентной*.

Вторая фаза — субъективное определение конфликтующими сторонами своих интересов, целей, стратегии и форм борьбы для разрешения объективных и субъективных противоречий с учетом своего потенциала и возможностей применения мирных и немирных средств, использования внешних союзов и обязательств; оценка общей внутренней и международной ситуации. На этой фазе с целью разрешения противоречия в интересах той или другой стороны или на основе компромисса между ними определяется или даже частично реализуется система взаимных практических действий, имеющих характер борьбы и сотрудничества. Эта фаза — *актуализация* конфликта.

Третья фаза — использование сторонами в конфликте широкого диапазона экономических, политических, идеологических, психологических, моральных, правовых, дипломатических и военных (но не в форме прямой вооруженной борьбы) средств, вовлечение в борьбу в той или иной форме непосредственно конфликтующих сторон других государств — индивидуально, через блоки и договоры, через ООН (с последующим усложнением системы политических отношений

и действий всех прямых и косвенных сторон в данном конфликте). Эта фаза называется фазой *активизации* конфликта.

Четвертая фаза — борьба разрастается и доходит до наиболее острого политического уровня — *международного политического кризиса*, который может охватить отношения непосредственных участников, государств данного региона, других регионов, крупнейших мировых держав, ООН, а в ряде случаев — и весь мир, перерасти в мировой кризис, что уже содержит угрозу развязывания вооруженной борьбы. На этой фазе возможен сознательный переход к практическому применению военной силы в демонстративных целях или в ограниченных масштабах, для того чтобы принудить к удовлетворению интересов государства, использующего меры военного воздействия.

Пятая фаза — *международный вооруженный конфликт*, начинающийся с ограниченного конфликта и способный развиваться до более высокого уровня вооруженной борьбы с применением современного оружия, вовлечением союзников и крупнейших мировых держав, расширением территории.

Развитие конфликта по нарастающей принято называть его *эскалацией*, а снижение уровня напряженности и переход от более острых фаз к менее острым — *деэскалацией* конфликта.

Понимание фаз развития международных конфликтов в целом и представление о том, на какой фазе развития находится данный конкретный конфликт в частности, весьма важно для их предотвращения и урегулирования. В случае возникновения конфликта необходимо стремиться к его локализации, консервации на начальных фазах.

§ 3. Кризис как особая фаза развития международного конфликта

Международные кризисы можно рассматривать и как относительно самостоятельное явление мировой политики, и как фазу развития международного конфликта. Обычно кризис начинается с какого-либо инцидента, резко обостряющего отношения между втянутыми в конфликтную ситуацию сторонами. С этого момента их действия активизируются, расширяется арсенал используемых средств. На ранних стадиях развития политического конфликта используются разнообразные ресурсы несилового, невооруженного характера, например политические заявления, дипломатические демарши, пропагандистские выпады, наконец, экономические санкции. Но как только возникает инцидент,

появляется и потенциальная возможность в прямом использовании вооруженной силы. Принципиальное отличие государств от любого другого актора международных отношений заключается в наличии у суверенного государства разных ресурсов и возможности легитимного использования военной силы.

В те времена, когда война считалась рутинным явлением в международной политике, а международно-правового принципа неприменения силы и угрозы силой вовсе не существовало, единственным фактором, удерживающим от начала военных действий, был баланс сил. Но всегда и везде на всякий случай составлялись военные планы ведения войны с самыми разными потенциальными противниками. В сущности, такое положение, при котором учитывается специфика современной войны и особенности современных международных отношений, сохраняется и поныне. На начальных фазах конфликта военные планы корректируются в соответствии с конкретными условиями, и начинается привлечение, пусть и косвенное, военных к принятию политических решений.

При переходе международного конфликта в фазу кризиса воздействие военного фактора многократно возрастает. Профессиональный долг военных заключается в способности обеспечить вооруженную защиту и реализацию национально-государственных интересов, формулируемых высшим политическим руководством. У военных свой взгляд на мир, они должны учитывать возможность перехода к открытой вооруженной борьбе и быть к ней готовыми. Когда военных начинают привлекать к принятию политических решений — а в условиях кризиса это неизбежно — они оказывают влияние, порой самое драматическое, на ход событий. Так было, например, в условиях одного из самых известных международных кризисов начала XX в. — летнего кризиса 1914 г., который привел к началу Первой мировой войны. Этот кризис начался с убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда и его супруги Софии Хотек в боснийском городе Сараево. Убийцей был сербский гимназист Гаврило Принцип, член организации «Млада Босна», боровшейся против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской империей.

К тому моменту, когда произошел данный инцидент, в Европе сложились две противостоящих друг другу военно-политические коалиции. В одну входили Германия и Австро-Венгрия, в другую — Россия и Франция. Примыкавшая в первой коалиции Италия постепенно стала от нее дистанцироваться, а Великобритания, находившаяся в противоречивых отношениях с Германией и не урегулировавшая до конца спо-

ры с Россией по поводу Центральной Азии, предпочитала держаться в стороне от франко-русского союза. Хотя неизбежность войны в Европе прогнозировали начиная с 70–80-х гг. XIX в., в начале XX столетия немногие верили в реальность подобной перспективы. Наоборот, стало распространяться представление о том, что при возросшей экономической взаимозависимости между основными европейскими странами большая война стала между ними невозможна. Между основными коалициями существовало военное равновесие, что служило сдерживающим фактором, снижавшим риск широкомасштабного вооруженного конфликта в Европе.

В какой-то момент у Германии появилось некоторое военно-техническое преимущество перед Россией и Францией, прежде всего в тяжелой артиллерии и в возможностях проведения быстрой мобилизации. Российская и французская стороны осознавали свое отставание и приняли совместную программу военных приготовлений, в результате реализации которой к 1917 г., как намечалось, отставание этих стран от Германии было бы ликвидировано. В германском Генеральном штабе понимали, что преимущество перед Россией и Францией минимально и временно. Но поскольку преимущество уже было, то начинать военные действия следовало при его наличии, а не тогда, когда его уже не будет. Поэтому определенные круги в Берлине решили, что не стоит уклоняться от вооруженного столкновения всякий раз, когда будет возникать риск такого столкновения. В итоге примерно с 1907 г. Германия перестала проявлять осторожность в международных отношениях в случаях возникновения напряженности. Так случилось и во время сараевского кризиса 1914 г.

Первоначально убийство эрцгерцога Фердинанда вызвало обострение лишь в отношениях между Австро-Венгрией и Сербией. Австрийские власти обвинили сербское правительство в том, что сейчас называется «спонсированием международного терроризма». Дело в том, что члены организации «Млада Босна» были связаны с сербской организацией «Черная рука», в которую входили и офицеры сербской армии. Хотя никаких доказательств причастности официальных сербских властей к совершенному в Сараево террористическому акту не было, требования австрийских властей были довольно жесткими. С большинством из них, за исключением тех, которые нарушали суверенитет Сербии, правительство этого балканского государства согласилось. Инцидент мог бы быть исчерпан, если бы не внешние обстоятельства: Германия стала оказывать давление на своих австро-венгерских союзников, указывая, что они не должны идти ни на какие уступки

«славянским свиньям». Это давление, очевидно, было обусловлено стремлением Берлина воспользоваться своим временным военным превосходством. На стороне Сербии с самого начала выступала Россия, пытаясь найти мирное решение. Но по мере роста напряженности позиция российской стороны также становилась более жесткой. В противостоянии Австро-Венгрии и стоявшей за ее спиной Германии Россия находила поддержку со стороны своей союзницы Франции.

Когда с австрийской стороны дело дошло до использования военной силы, все политические и дипломатические средства Россия уже исчерпала. Встал вопрос: что сделать для защиты своей балканской союзницы? Тем более что общественное мнение в России было на стороне православных «братьев-славян». С целью демонстрации военной мощи было принято решение провести частичную мобилизацию Киевского и Одесского военных округов, которые располагались на юге европейской территории Российской империи и специально ориентировались на противостояние Австро-Венгрии. По замыслу российских дипломатов, такая мобилизация должна была остудить пыл венских властей и уменьшить их воинственность по отношению к Сербии.

Однако проводить мобилизацию должны были не дипломаты и политики, а военные из российского Генерального штаба. У военных были свои взгляды на складывающуюся ситуацию и свои планы, которые вполне допускали возможность войны как с Австрией, так и с Германией. Частичная мобилизация при недостаточном развитии российских транспортных систем и слабых организационных возможностях затруднила бы осуществление общей мобилизации, если бы таковая потребовалась. А общая мобилизация могла бы потребоваться в связи с вероятной реакцией Германии на военные приготовления России. Русские генералы не стремились к войне во что бы то ни стало, но они хотели учесть все обстоятельства, быть готовыми к любому повороту событий. Поэтому, соглашаясь лишь «припугнуть» Австро-Венгрию, Генеральный штаб потребовал не частичной, а общей мобилизации. Российский император Николай II после долгих колебаний согласился с военными и решение о начале общей мобилизации было принято, даже несмотря на предъявленный германским императором Вильгельмом II ультиматум.

В ответ 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Данный шаг свидетельствовал о том, что германская сторона воспользовалась действиями России лишь как предлогом, поскольку изначально решила не уклоняться от вооруженного конфликта. Иначе можно было в качестве помощи Австро-Венгрии ограничиться ответным объявлени-

ем мобилизации или другими демонстративными мерами. Во всяком случае, весь арсенал средств для несилового выхода из кризисной ситуации не был до конца исчерпан. Но Германия выбрала войну. Произошло это не в последнюю очередь потому, что германские генералы стремились использовать временное военное преимущество своего государства.

В Генеральном штабе Германии понимали, что, даже имея военное преимущество, невозможно вести успешную войну на два фронта: против России и против Франции. Еще в конце XIX в. немецким генералом Мольтке-старшим был разработан план молниеносной войны — «блицкрига», в соответствии с которым первый и главный удар должен быть направлен против Франции. Немецкие генералы считали, что Россия будет долго проводить мобилизацию из-за плохих средств сообщения и в первые недели войны не будет представлять угрозы для Германии. За это время они надеялись, бросив все силы на запад, разгромить французскую армию. Затем повернуть на восток и, разгромив аналогичным образом Россию, добиться в течение месяца полной победы.

Итак, 1 августа 1914 г. война была объявлена России, а воевать немецкая армия должна была с Францией. Войну Франции Германия в лице императора Вильгельма II объявила 3 августа 1914 г. В соответствии с планом, разработанным германским Генеральным штабом, предполагалось обойти французские приграничные укрепления через территорию Бельгии, поэтому вслед за объявлением войны Франции началось вторжение немецких войск на территорию этой нейтральной страны. Английское правительство, исходящее из собственных интересов, заранее приняло решение воевать против Германии и объявило о вступлении в войну «для защиты нейтральной Бельгии».

Таким образом, международный кризис, начавшийся с громкого, но все же локального политического убийства, завершился вступлением основных европейских стран в войну, ставшую не общеевропейской, а мировой. Этот пример наглядно показывает опасность развития механизма международного кризиса. Эта опасность возросла после появления ядерного оружия во 2-й половине XX в. и начала холодной войны.

Хотя холодная война стала глобальным конфликтом, разворачивавшимся в самых различных сферах, она не имела формы прямого вооруженного столкновения двух сверхдержав и сплотившихся вокруг них блоков. Время от времени обстановка глобального противостояния провоцировала локальные вооруженные конфликты, и весь

период холодной войны сохранялась опасность превращения ее в войну «горячую». Особенно эта опасность возрастала в кризисных ситуациях, которыми изобилует этот период.

Наиболее серьезную угрозу всеобщему миру и безопасности представлял Карибский, или, иначе говоря, Кубинский ракетный кризис 1962 г. Динамика возникновения и развития данного кризиса такова. К началу 60-х гг. XX в. Соединенные Штаты Америки обладали существенным военным преимуществом над Советским Союзом, в том числе в области ядерных вооружений и способов их доставки. Советского лидера Никиту Хрущева особенно не устраивало то обстоятельство, что у США были на вооружении ракеты средней дальности с ядерными боеголовками, расположенные на территории Турции, непосредственно вблизи границ Советского Союза. Эти ракеты могли достичь важных политических и экономических центров СССР за считанные минуты. Уравновесить такую угрозу аналогичными мерами, направленными против США, Советский Союз долгое время не мог.

Ситуация изменилась в 1959 г. после победы революции на Кубе, расположенной всего лишь в 90 милях от берегов США. Хотя первоначально кубинский лидер Фидель Кастро не высказывал откровенно коммунистических взглядов, постепенно действия правительства Кубы стали вызывать у США все большее раздражение. В Соединенных Штатах привыкли рассматривать Кубу как полностью подконтрольную территорию. Когда было принято решение о национализации собственности американских компаний на Кубе, США перешли к активным антикубинским действиям. ЦРУ предприняло ряд попыток покушения на лидера кубинской революции, на территории США проходили подготовку кубинские контрреволюционеры, вторгшиеся на остров в апреле 1961 г. Планировалось и массированное американское вооруженное вмешательство.

На фоне обострения кубино-американских отношений завязались и стали быстро крепнуть связи между Кубой и СССР. Советский Союз оказывал правительству Ф. Кастро экономическую, а также военную помощь в виде поставок советского оружия и консультаций военных специалистов. Советское руководство рассматривало победу Кубинской революции как крупный успех в борьбе с мировым империализмом и в развитии «мирового революционного процесса». Кубу как «форпост социализма на американском континенте» следовало защищать всеми возможными средствами. Никита Хрущев принял решение защитить кубинскую революцию и одновременно обеспечить безопасность Советского Союза, разместив на территории «острова

свободы» советские ракеты, аналогичные американским, находящимся в Турции. По мнению Н. Хрущева, это стало бы залогом безопасности для дружественного СССР режима и укрепило бы его собственные позиции в глобальном военно-политическом противостоянии с США.

Большинство советских высокопоставленных дипломатов и политических лидеров считали, что кубинское правительство вряд ли примет предложение Н. Хрущева, но неожиданно для них Ф. Кастро дал свое согласие. Был разработан план операции «Анадырь», в соответствии с которым на Кубу морским путем были доставлены советские оперативно-тактические ракеты средней дальности, способные нести ядерные боеголовки, а также средства противовоздушной обороны, самолеты и другие вооружения. Общая численность группировки советских войск на Кубе достигла 43 тыс. человек. С военной точки зрения операция «Анадырь» была проведена блестяще. Огромное количество боевой техники и военного имущества, тысячи военнослужащих в короткие сроки были переброшены в Западное полушарие так, что об этом никому в мире, включая американскую разведку, не было известно. Предполагалось, что о наличии на Кубе советских ракет, ядерного оружия и войсковой группировки объявит сам Н. Хрущев во время своего визита на остров, намеченного на середину ноября 1962 г. До этого советское руководство заявляло, что военная помощь Кубе ограничивается поставками обычного оружия оборонительного характера.

Попытка до конца сохранить военную тайну сыграла свою роль в развертывании Карибского кризиса. В новых условиях — при постоянном совершенствовании технических средств ведения разведки — долго скрывать интенсивную военную деятельность было невозможно. 12 октября 1962 г. на стол президента США Дж. Кеннеди легли фотографии, на которых были запечатлены развернутые на Кубе базы советских ракет. Есть основания полагать, что сведения о советских приготовлениях были получены американской администрацией раньше, но по разным соображениям не предавались широкой огласке. Поскольку точных сведений о целях и намерениях советской стороны у американского правительства не было, а получить такую информацию от советского посла А. Добрынина не удалось, президент США Дж. Кеннеди оказался в сложной ситуации. На него оказывали давление американские военные, требовавшие активных действий вплоть до вторжения на Кубу и нанесения удара по советским ракетным позициям. В этот период проходили промежуточные выборы, и оппозици-

онная республиканская партия могла разыграть карту «угрозы национальной безопасности». Дж. Кеннеди занял жесткую позицию.

22 октября 1962 г. администрация США объявила о морской блокаде Кубы и о праве представителей американского военно-морского флота досматривать любые суда, направляющиеся к кубинским берегам. Так как в основном это были советские суда, в том числе и с военными грузами на борту, правительство СССР выступило с резким протестом. В течение нескольких дней советская и американская стороны обменивались жесткими обращениями друг к другу. Параллельно шли интенсивные приготовления к возможным военным действиям как в непосредственной близости от Кубы, так и по всему миру. В какой-то момент стало ясно, что следующим шагом во взаимной конфронтации может быть применение ракетно-ядерных сил с обеих сторон в полном объеме. События стали выходить из-под контроля советского и американского высшего политического руководства, поскольку в условиях нарастания военного противостояния усилилась роль военных, причем не только на высших, но и на низовых уровнях. До сих пор существуют противоречивые версии о том, давал ли Н. Хрущев командующему советской военной группировкой на Кубе генералу армии И. А. Плиеву право самостоятельно решать вопрос о применении в случае необходимости ядерного оружия. До сих пор неясно, по чьему конкретному приказу советские средства ПВО на Кубе сбили американский самолет-разведчик.

В самый опасный момент Н. Хрущев и Дж. Кеннеди проявили себя как ответственные политические деятели. Когда стало ясно, что мир подошел к роковой черте, советский и американский лидеры сумели найти компромисс. В результате срочного обмена мнениями и предложениями было достигнуто соглашение, по которому СССР вывел с Кубы ракеты и большую часть сухопутных войск в обмен на гарантии американской стороны не осуществлять военного вторжения на остров и на устные обещания ликвидировать американские ракетные базы в Турции. Можно сказать, что цели, которые ставило советское руководство, принимая решение о размещении ракет на Кубе, были в какой-то мере достигнуты. Однако за это пришлось заплатить риском глобальной ядерной катастрофы. Кроме того, СССР был вынужден согласиться на унизительное для суверенного государства условие — контроль за вывозом советских вооружений с Кубы, и отношения между советским и кубинским руководством на несколько лет были испорчены, поскольку Ф. Кастро к урегулированию кризиса не привлекали.

Опыт международных кризисов свидетельствует, что в такие периоды «политическое время» как бы сжимается, на принятие решений отводятся все меньшие временные промежутки, поскольку ход событий резко ускоряется. Дефицит времени оборачивается невозможностью получить полную и достоверную информацию и тщательно ее проанализировать. Следовательно, возрастает вероятность ошибок. Боязнь совершить ошибки создает напряженную обстановку и, в свою очередь, еще более увеличивает шансы принятия ошибочного решения. По этим причинам в условиях международных кризисов необходимы особые подходы к принятию внешнеполитических решений, особые формы дипломатической деятельности, например приемы так называемой «челночной дипломатии», когда посредник перемещается, как челнок, между столицами вовлеченных в кризисную ситуацию государств.

Контрольные вопросы и задания

1. Как изменился характер участников международных конфликтов в последние десятилетия?
2. Каким могут быть конфигурации структуры международного конфликта?
3. Как структура международного конфликта может влиять на перспективы его урегулирования?
4. Как изменилась структура ближневосточного конфликта после окончания холодной войны?
5. Какие средства достижения своих целей могут использовать участники международного конфликта в процессе его развития?
6. Дайте характеристику механизма возникновения международных кризисов.
7. Что стало причиной Карибского кризиса 1962 г.? Какими были последствия этого кризиса для СССР, США и международных отношений в целом?
8. Охарактеризуйте особенности принятия внешнеполитических решений и дипломатической деятельности в условиях международного кризиса.

Глава XII

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

§ 1. Особенности современных вооруженных конфликтов

Завершающей фазой международного политического конфликта может стать фаза вооруженной борьбы, или, иными словами, вооруженный конфликт. Эта фаза принципиальным образом отличается от всех предшествующих, поскольку противоборствующие стороны, исчерпав ненасильственные средства борьбы (политические, дипломатические и др.), переходят к использованию вооруженного насилия по отношению друг к другу. Вооруженный конфликт можно рассматривать как относительно самостоятельное явление, хотя следует помнить, что любой вооруженный конфликт порождается предшествующим политическим развитием, а не вспыхивает на пустом месте.

Рассмотрим соотношение понятий *вооруженный конфликт* и *война*. Ни в зарубежной, ни в отечественной конфликтологии, социологии и политической науке нет четких и однозначных трактовок соотношения этих категорий. Поскольку не существует жестких границ, отделяющих вооруженные конфликты от войн, постольку и понятия, обозначающие эти явления, нередко употребляются в качестве синонимов. Тем не менее следует отметить, что война — более масштабное, чем вооруженный конфликт, событие по своим пространственно-временным характеристикам и последствиям. Например, с нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, а столкновение советских и японских вооруженных сил возле озера Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г. остались в истории как пограничные вооруженные конфликты.

И войны, и вооруженные конфликты традиционно делятся на *межгосударственные* и *внутригосударственные*. К внутригосударственным

относятся гражданские войны. Однако по отношению ко многим случаям вооруженных столкновений политических сил в пределах одного и того же государства употребляется понятие *конфликт*, а не *война*. Критериями для этого также выступают пространственно-временные характеристики явления. Гражданские войны достаточно продолжительны и охватывают большую часть территории стран, где они происходят. Такими, например, были гражданские войны в России (1918–1922 гг.) и в Испании (1936–1939 гг.).

На рубеже 80–90-х гг. прошлого века в столице Южного Йемена городе Адене дважды имели место вооруженные столкновения между йеменскими военно-политическими формированиями, но гражданскими войнами их не называли. В первом случае в 1986 г. в Адене разгорелись бои между сторонниками двух фракций правившей тогда в НДРЙ Йеменской социалистической партии. Хотя эти бои вызвали огромные разрушения и многочисленные жертвы, но были локализованы в пределах южнойеменской столицы и продолжались всего несколько дней. Столь же краткосрочными и также охватившими только сам Аден и его ближайшие окрестности были вооруженные столкновения в 1993 г. В этот раз, уже после объединения Северного и Южного Йемена, сторонники Йеменской социалистической партии попытались восстановить самостоятельность южной части страны, но потерпели поражение. Оба эти примера из политической истории Йемена принято считать не гражданскими войнами, а внутренними вооруженными конфликтами.

В случае вооруженной борьбы в пределах одного государства сложно провести границу между понятиями *война* и *конфликт*. Например, по отношению как к первой (1994–1996 гг.), так и ко второй (1999–2001 гг.) чеченской войне вполне правомерно употребляется также и обозначение «вооруженный конфликт в Чечне» или «чеченский конфликт».

Всякая война, как межгосударственная, так и внутригосударственная, является по своей сути вооруженным конфликтом, однако не всякий международный или внутренний вооруженный конфликт дорастает до масштабов войны. В прошлом большинство войн и вооруженных конфликтов носило межгосударственный характер. По подсчетам специалистов по истории войн, до 1936 г. лишь 20 % из них имели внутригосударственный, а остальные 80 % — межгосударственный характер. После 1945 г. ситуация изменилась диаметрально противоположным образом. В последние десятилетия уже 80 % войн и конфликтов приходится на внутригосударственные, а 20 % — на межгосударст-

венные. Однако в контексте теоретических и практических проблем обеспечения международной безопасности особое внимание должно быть обращено на межгосударственные вооруженные конфликты. Именно в таких конфликтах участвуют регулярные вооруженные силы суверенных государств, поэтому существует возможность применения самых разнообразных средств ведения вооруженной борьбы, в том числе — пусть и гипотетическая — опасность применения оружия массового уничтожения. Но и внутригосударственные вооруженные конфликты, особенно в силу их многочисленности и способности к интернационализации и разрастанию масштабов военных действий, представляют серьезную угрозу международной безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне.

Изменения в средствах ведения вооруженной борьбы, характере ее субъектов, целей военных действий приводят к изменению критериев классификации войн и вооруженных конфликтов. Ранее по количеству участников выделяли *двусторонние* и *многосторонние (коалиционные)* войны, по пространственно-географическому признаку войны делили на *локальные, региональные* и *глобальные (мировые)*, в зависимости от сферы охвата, о чем уже шла речь; выделяли межгосударственные и внутригосударственные войны. Теперь основания для классификации и сами типологии стали иными. Войны прошлого были войнами *конвенциональными*, т. е. такими, в которых воюющие стороны стремились к разрушению или только к нейтрализации военного потенциала противника, но во 2-й половине XX в. войны стали *тотальными*. До Первой мировой войны преобладали войны конвенционального типа, однако уже в Первой мировой войне проявились некоторые черты, присущие тотальным войнам. А во Второй мировой войне эти черты стали преобладающими. Главное отличие тотальных войн от конвенциональных заключается в том, что в тотальных войнах вооруженные действия ведутся как против армии, флота, авиации противника, так и против населения его страны в целом. К тотальным войнам сегодня добавляются войны *тоталитарные*, направленные преимущественно — а часто исключительно — против мирного населения. Разновидность тоталитарных войн — *диверсионно-террористические* войны, которые следует отличать от *партизанских* войн, известных с глубокой древности. В партизанской войне регулярным вооруженным силам и официальным государственным структурам противостоят иррегулярные вооруженные формирования, действующие скрытно, избегающие прямого столкновения с противником.

Так же как и международные конфликты, вооруженные конфликты могут быть *асимметричными*. Речь идет и о межгосударственных, и о внутригосударственных войнах, и о войнах нового поколения, не укладывающихся в привычные схемы. Сегодня нередки случаи вооруженных конфликтов, в которых одна сторона — регулярные вооруженные силы суверенных государств, а другая — вооруженные формирования негосударственных акторов. Так было и есть в Афганистане, когда в 2001 г. там началась антитеррористическая операция. Сначала ее осуществляли вооруженные силы США вместе с подразделениями британской армии, а затем — и многосторонние силы государств — членов НАТО. Противостоят им боевики террористической группировки «Аль-Каида» и вооруженные отряды афганского движения «Талибан».

К асимметричным вооруженным конфликтам относятся и конфликты, в которых стороны используют принципиально разные виды оружия и способы ведения военных действий. Характер войн и вооруженных конфликтов зависит от характера оружия и военной техники; в свою очередь, оружие и техника определяют способы комплектования и организации вооруженных сил, стратегию и тактику военных действий. Военно-технические революции, происходившие в мировой истории, резко меняли характер военных действий, динамику развития вооруженных конфликтов, их социально-экономические и социально-политические последствия. Изобретение огнестрельного оружия, дальнобойной артиллерии, танков, военной авиации, ракет, реактивных самолетов и, наконец, ядерного оружия каждый раз становилось источником новой военно-технической революции. По мнению специалистов, в последние полтора десятилетия разворачивается еще одна военно-техническая революция, результатом которой будет потенциальная возможность ведения войны шестого поколения.

Войны *четвертого поколения* характеризуются массированным использованием бронетехники, реактивной и ствольной артиллерии, военной авиации. Такой была Вторая мировая война. В войне *пятого поколения* предполагалось в той или иной степени использование ядерного оружия. Поскольку механизм ядерного сдерживания в годы холодной войны не позволил странам, обладающим такими разрушительными средствами ведения вооруженной борьбы, применить ядерное оружие на практике, войны пятого поколения до сих пор остаются лишь гипотетическим сценарием. Под войнами *шестого поколения* военные специалисты понимают вооруженные конфликты, в которых име-

ет место широкое использование высокоточного оружия и средств, обеспечивающих его применение.

Высокоточное оружие — снаряды и авиационные бомбы, крылатые ракеты, способные попадать в цель с очень большой степенью точности с расстояний, гарантирующих от непосредственного контакта с противником и от его ответных ударов. Высокоточное оружие способно практически моментально поражать важные объекты противника, ранее малодоступные или совсем недоступные, если не использовать ядерные боеприпасы. Например, крылатые ракеты могут проникать через небольшие отверстия в подземные укрытия или сложные технические объекты, выводя их из строя. Высокоточное оружие требует космических (со спутников) средств наведения и предварительного подавления электронных систем противника. Возможность ведения войны шестого поколения уже опробована на практике. Самый распространенный из применявшихся в последнее десятилетие вид высокоточного оружия — крылатые ракеты, которые запускаются с самолетов, летящих на значительном расстоянии от целей, и на высотах, недоступных большинству средств противовоздушной обороны (ПВО), или с подводных лодок и надводных кораблей, также находящихся далеко от берегов противника.

Как показала практика вооруженных конфликтов с применением высокоточного оружия, технология достижения военно-политических целей выглядит следующим образом: сначала над территорией противника разворачивается спутниковая группировка, обеспечивающая планирование военных действий и целенаведение на основе цифровых технологий. Затем осуществляется радиоэлектронное подавление систем связи и управления противника. Далее при помощи высокоточного оружия выводятся из строя объекты военной, политической, административной, если необходимо — и экономической, структур противника. Это могут быть военные штабы, государственные учреждения, помещения, занимаемые политическими партиями, электронными или печатными средствами массовой информации, транспортные средства, промышленные предприятия, энергетические мощности, склады и другие цели не только военного, но и гражданского характера. На завершающем этапе удары могут наноситься по военным целям, причем ставится задача не массового поражения личного состава армии противника, а уничтожения отдельных, наиболее важных объектов.

Именно в такой последовательности действовали силы антииракской коалиции во главе с США во время операции «Буря в пустыне»

в начале 1991 г. Большинство стран-участниц этой коалиции играли чисто символическую роль. Успех был достигнут исключительно американской армией, впервые использовавшей в широких масштабах высокоточное оружие. В результате нанесенных по иракской военной инфраструктуре ударов армия С. Хусейна превратилась в слабоуправляемую массу, после чего путь на Багдад был открыт. Но в тот раз администрация Дж. Буша-старшего решила не рисковать и ограничилась освобождением территории Кувейта и введением запретных зон для полетов иракской авиации.

В военной операции НАТО против Югославии весной 1998 г., которая осуществлялась прежде всего силами американцев, не пришлось даже проходить все стадии применения высокоточного оружия. Уже после первых ударов по югославским объектам С. Милошевич принял западные условия урегулирования ситуации в Косово, в результате чего, как будет отмечено далее, были решены одни, но возникли другие, не менее острые, проблемы.

Легкость достигнутых побед при минимальных потерях привела политическое и военное руководство США в состояние эйфории и снизила порог принятия решений об использовании вооруженных сил за пределами американской территории. Террористические акты 11 сентября 2001 г. способствовали окончательному преодолению «вьетнамского синдрома» и развязали администрации Дж. Буша-младшего руки в использовании военных средств достижения военно-политических целей. Однако результаты военных операций в Афганистане в 2001 г. и Ираке в 2003 г. были не столь однозначны. Оказалось, что против примитивно организованного и слабо оснащенного противника сама по себе высокая точность попадания в цель с большого расстояния не дает нужного эффекта, поскольку такие цели могут практически отсутствовать. Например, иракская армия была вооружена гораздо слабее, чем в 1991 г., а ее средства противовоздушной обороны составляли лишь 3 % от имевшихся до «Бури в пустыне». Движение «Талибан» успело окончательно разрушить и без того плохо развитую и подорванную десятилетиями вооруженных конфликтов инфраструктуру современного типа в Афганистане. Применение же крылатых ракет против верблюдов и ишаков бессмысленно с военно-политической и абсурдно с экономической точки зрения.

В отличие от первой иракской войны и ударов по Югославии вторая иракская война и контртеррористическая операция в Афганистане потребовали проведения наземных операций. Правда, американцам

оказали серьезную поддержку силы «Северного альянса» в Афганистане и курдские формирования в Ираке. Тем не менее военная победа не означала окончательного решения ни афганской, ни иракской проблем, а в обоих случаях лишь положила начало новым затяжным вооруженным конфликтам низкой интенсивности с широким использованием средств террористической диверсионной и партизанской войны.

Более востребованными в вооруженных конфликтах последних лет оказались не классические сценарии ведения войн шестого поколения, а новые виды высокоточного оружия, обладающие большим поражающим эффектом и предназначенные для нанесения массированных ударов. В рамках концепции войн шестого поколения стала разрабатываться новая стратегия вооруженной борьбы, которая предполагает не «воздействие» на противника, а его «сокрушение».

Теория и практика войн шестого поколения способна серьезно дестабилизировать военно-силовой баланс, сложившийся в современном мире. Новые виды оружия, используемые в вооруженных конфликтах такого типа, не подпадают под ограничительные рамки ни как оружие массового уничтожения, ни как обычные виды вооружений. Совершенствование и наращивание высокоточного оружия и средств, обеспечивающих его боевое применение, может вызвать новый виток гонки вооружений, нарушить стратегическую стабильность и спровоцировать новые вызовы для международной безопасности. Динамика развития вооруженных конфликтов последних десятилетий, вероятные сценарии войн нового поколения требуют перемен в подходах к принципам комплектования и организации вооруженных сил многих государств мира. Начиная с середины XIX и вплоть до 2-й половины XX в. для победы в крупномасштабной войне необходимо было иметь мобилизационные ресурсы, которые включали вооружение, снаряжение, производственные мощности для военного производства, достаточные контингенты призывников, необходимые для укомплектования армий до штатов военного времени. Причем речь шла не просто о ресурсах «живой силы», а о людях, имеющих необходимую военную подготовку. Поэтому с середины XIX в. армии всех государств стали переходить на комплектование по принципу всеобщей воинской обязанности. Такие армии резко различаются по своей численности в мирное и в военное время. Обязательность военной службы создает огромные контингенты резервистов, которые частично или полностью могут быть поставлены «под ружье» в случае необходимости.

Однако к концу XX в. стало ясно, что войн, подобных Первой или Второй мировой, уже не будет. Войны пятого и шестого поколения

скоротечны, и использование в них значительных мобилизационных ресурсов маловероятно. В вооруженных конфликтах локального и регионального характера важна не столько численность войск, сколько их мобильность и подготовленность к действиям в самых разнообразных условиях. Долгое время в процессе развития вооруженных конфликтов можно было выделить три стадии: *начальную, кульминационную и завершающую*. В войнах прошлого происходили генеральные сражения, в ходе которых четко определялся победитель. Начальный этап военных действий не имел принципиального значения. Про английскую армию говорили, что она проигрывает все битвы, кроме последней. В истории нашей страны было немало примеров, когда неудачи начальной стадии войны не мешали ее победному окончанию. В Великой Отечественной войне, несмотря на поражение Красной Армии в летние и осенние месяцы 1941 г., Советский Союз одержал в итоге победу над гитлеровской Германией.

В скоротечных вооруженных конфликтах начальная стадия приобретает самостоятельное и весьма важное значение. При помощи современных средств вооруженной борьбы можно нанести столь мощный удар противнику, что только этот удар решит исход войны. Следовательно, значение имеет не наличие больших мобилизационных ресурсов, а уровень боевой готовности вооруженных сил, существующих в мирное время. Для армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской обязанности, это труднодостижимая задача, поскольку сроки службы не могут быть длительными, а постоянная смена состава военнослужащих снижает степень боеготовности армии. Поэтому армии некоторых развитых государств перешли на профессиональные основы комплектования.

В 1990-е гг. задачи военного реформирования встали и перед Россией. Смысл военной реформы вовсе не в полном отказе от призыва и переходе к военной службе по контракту, а в том, чтобы сделать вооруженные силы компактными, мобильными и высокопрофессиональными. В обозримом будущем обойтись без сохранения службы по призыву будет невозможно, поскольку, с одной стороны, останется потребность в некоторых мобилизационных ресурсах, с другой — солдаты и сержанты для службы по контракту будут набираться из числа призванных на службу по новому закону на один год. Кроме организационных аспектов, военная реформа должна решить задачу технического переоснащения вооруженных сил, необходимого для их подготовки к участию в вооруженных конфликтах современного типа и для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

§ 2. Основные теоретические подходы и практические направления в обеспечении международной безопасности

- ▶ *Международная безопасность* рассматривается в теории и практике международных отношений как отсутствие непосредственной военной угрозы.

В последнее время появились новые проблемы безопасности, обусловленные, например, усилением международного терроризма, так как последствия террористических актов на атомных электростанциях, химических предприятиях и подобных им объектах способны привести к серьезным катастрофам. Большое значение приобретают экономические и информационные аспекты обеспечения безопасности. Экономические кризисы в условиях глобализации мировой экономики могут в считанные часы дестабилизировать народное хозяйство государств, расположенных друг от друга за тысячи километров. Несут угрозу и возможные последствия сбоев в функционировании информационных сетей, поскольку информация становится важным экономическим, политическим и социальным ресурсом. Нерешенные глобальные проблемы современности — экологическая, энергетическая, продовольственная — также наполняют новым содержанием понятие международной безопасности.

Изменились общественно-политические условия, в которых должны решаться принципиально новые задачи в системе международных отношений в целом и в сфере международной безопасности. Если раньше у государства были две четко разграниченные области деятельности — внутренняя и внешняя, и безопасность в них обеспечивалась различными способами, то на рубеже XX–XXI вв. эта грань стала размываться. В прошлом внутренне стабильное государство и на международной арене занимало уверенные позиции. Сегодня, с одной стороны, международный фактор может оказать кардинальное воздействие на любое, внутренне сколько угодно стабильное государство, не проявляющее внешней агрессивности (например, в случае мировой ядерной катастрофы были бы «попутно» уничтожены десятки нейтральных стран). С другой стороны, международная сфера может стать мощным фактором внутренней безопасности государства, не достижимой по каким-либо причинам иными средствами.

С позиции традиционного военно-политического понимания феномена безопасности можно выделить три основные модели режимов безопасности для любого региона современного мира: *режим общей безопасности, режим коллективной безопасности, режим безопасности на основе сотрудничества*. Международный режим *общей безопасности* предусматривает добровольный взаимный отказ от конфронтации. Основными принципами такого режима являются следующие.

1. Отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов и применение ее исключительно в целях самообороны.
2. Отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами.
3. Признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня его военной мощи.
4. Признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности.

Концепция общей безопасности утвердилась тогда, когда стала ясна бесперспективность старых представлений о роли вооруженных сил в международных отношениях, особенно в связи с осознанием бессмысленности применения ядерного оружия.

- ▶ Под *коллективной безопасностью* понимается такой порядок межгосударственного сотрудничества, при котором любой акт агрессии против кого-либо из участников подобной системы расценивается как агрессия против всех остальных ее участников.

Коллективная безопасность направлена не только вовне, против государств, не участвующих в данной системе, но и против участников этой же системы, допускающих в нарушение своих обязательств агрессивные акты. Особенности системы коллективной безопасности заключаются в следующем:

- ◆ в универсальности, включающей требования необходимых действий от каждого члена системы;
- ◆ в автоматизме применения санкций в случае необходимости;
- ◆ в приверженности членов системы статус-кво и отсутствию разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее.

Преимущество режимов коллективной безопасности состоит в том, что их распространение, вовлечение в них новых государств делает агрессию все менее вероятной и, следовательно, укрепляет всеобщую стабильность.

Однако режимы коллективной безопасности имеют и определенные недостатки. Например, существует так называемая проблема коллективного действия, которая заключается в том, что некоторые участники режимов коллективной безопасности стремятся пользоваться преимуществами такого участия без адекватного вклада в поддержание самого режима. Принятые в системах коллективной безопасности процедуры принятия решений замедляют ответные шаги на агрессию в случае ее возникновения.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция *безопасности на основе сотрудничества* исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов необязательно, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

Еще один международный режим — это режим, опирающийся на концепцию безопасности на основе сотрудничества. Как отмечает современный российский исследователь В. Петровский, эта концепция

«во многом сходна с концепцией общей безопасности. Безопасность на основе сотрудничества часто определяется как дипломатическое сотрудничество между государствами в области обеспечения безопасности. В то время как традиционные концепции баланса сил рассматривают в основном возможные действия государства в условиях военной конфронтации, концепция безопасности через сотрудничество акцентирует роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, т. е. налаживание регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработку механизма консультаций и принятия решения»¹.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества опирается на принцип общего участия, когда на первое место выступает не наличие формальных институтов, а поддержание неформального диалога.

¹ Петровский В. Россия и безопасность в Евразии (региональные режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже веков) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 31–32.

В последние десятилетия самую большую угрозу всеобщему миру и безопасности на глобальном уровне представляло оружие массового поражения, в первую очередь ядерное оружие. Хотя с окончанием холодной войны вероятность крупномасштабного военного конфликта с применением ядерного оружия резко снизилась, опасность исходит из самого факта существования такого оружия. Один из механизмов обеспечения ядерной безопасности — существующий режим нераспространения ядерного оружия. Данный международный режим зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г.; нормы Договора обязывают:

- ◆ государства, обладающие ядерным оружием, не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и контроль над ними; не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к приобретению ядерного оружия, ядерного взрывного устройства и контроля над ними;
- ◆ государства, обладающие ядерным оружием, не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и контроля над ними; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства;
- ◆ неядерные государства, пожелавшие прибегнуть к использованию ядерной энергии в мирных целях, осуществлять такое приобщение под контролем (Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), которая может проводить инспекции и требовать отчеты от государств по использованию расщепляющих материалов.

В настоящий момент в мире сложилась следующая ситуация с распространением ядерного оружия. Все государства можно разделить на *пять групп* в зависимости от обладания ими ядерным оружием, наличия или отсутствия экономических и технологических предпосылок для его производства и участия или неучастия в Договоре о нераспространении ядерного оружия.

В *первую группу* входят пять официально признанных ядерными государствами, параллельно являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это США, Российская Федерация, КНР, Великобритания и Франция. Ядерный потенциал данных государств неодинаков. Наибольшим ядерным потенциалом обладают Соединенные Штаты и Россия. К концу 1990-х гг. у США было 7250 стратегических ядерных боеголовок, Российская Федерация располагала 6200 ядер-

ными боеголовками стратегического характера. У данных государств имеются разнообразные средства доставки ядерного оружия: межконтинентальные баллистические ракеты надземного и морского (включая атомные подводные лодки) базирования, крылатые ракеты и т. д. КНР в середине 1990-х гг. располагала 435 ядерными боеголовками. Экономические и технологические возможности Китая позволяют ему в ближайшие 20 лет увеличить ядерный боезапас еще примерно на тысячу единиц, что существенно изменит стратегический военный баланс в мире. Произойдет ли это на самом деле, будет зависеть от развития международных отношений на глобальном и региональном уровнях. Великобритания и Франция имеют относительно небольшой запас ядерного оружия: у Франции — 450 ядерных боеголовок, у Великобритании — 185. Эти государства не стремятся наращивать свой стратегический потенциал, но и не обнаруживают намерения его сокращать, объясняя свою позицию тем обстоятельством, что размеры их ядерных арсеналов незначительны по сравнению с российскими или американскими.

Наличие ядерного оружия у официально признанных ядерными государствами сегодня не вызывает в мире особых опасений, поскольку во главе их стоят ответственные лидеры, понимающие необходимость крайне осторожного обращения с ядерным вооружением, которое рассматривается скорее как средство осуществления политики, чем как средство ведения военных действий. Проблемы заключаются в наличии больших запасов ядерного оружия у США и РФ, а также в том, что Франция и КНР не участвуют в Договоре о нераспространении ядерного оружия, хотя и соблюдают нормы самого режима нераспространения.

Во *вторую группу* входят Израиль, Пакистан и Индия. Израиль обладает ядерным оружием как минимум с 1970 г., в настоящее время у него около 200 ядерных боеголовок и средства их доставки дальностью до 1000 км. Израиль придерживается следующих принципов: не испытывать ядерного оружия, не декларировать его и не подтверждать наличия. После того как Индия и Пакистан в 1998 г. параллельно провели ядерные испытания, стало ясно, что эти государства де-факто вошли в число обладателей данного вида оружия. Опасность, которую представляют государства второй группы, заключается в том, что они не участвуют в ДНЯО, поэтому имеют неопределенный статус по отношению к ядерному оружию, тем самым расшатывая режим нераспространения такого вида оружия в целом.

Специалисты считают, что наибольшая опасность в перспективе может исходить от *третьей группы* — так называемых «пороговых государств». В разное время в эту группу включали Алжир, Ливию, Иран, Ирак, Северную и Южную Корею и целый ряд других государств. В последнее время ситуация изменилась. Некоторые страны, например Южная Корея, Алжир, Ливия, отказались от планов разработки и производства ядерного оружия. Северная Корея сумела создать ядерное устройство, хотя и примитивное, которое было испытано в октябре 2006 г. Эти испытания в очередной раз создали кризисную ситуацию в международных отношениях. Но затем удалось возобновить шестисторонние переговоры (с участием США, КНР, РФ, КНДР, РК и Японии) по северокорейской ядерной программе, способствующие оздоровлению ситуации. Одновременно произошло обострение отношений между США и Ираном по поводу иранской ядерной программы. Появляются сообщения о возможности американской военной акции против Ирана, целью которой, по мнению Вашингтона, должно быть предотвращение появления у этой страны ядерного оружия. В этой связи можно вспомнить, что вторжение в Ирак также было мотивировано наличием у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения и нежеланием последнего добровольно сотрудничать с международными инспекторами. В прошлом работы над созданием ядерного оружия в Ираке проводились, а химическое оружие даже применялось против курдов и шиитов, но после введения режима международных санкций доказательств наличия оружия массового поражения американцы здесь так и не нашли, как не нашли и не представили таких доказательств за время оккупации. В то же время ситуация в Ираке и вокруг него остается неурегулированной и является источником уже другой опасности — опасности исламского экстремизма и терроризма.

Относящиеся сегодня к *четвертой группе* Алжир, Аргентина, Бразилия ранее активно вели ядерные исследования и подошли вплотную к созданию ядерных боезапасов, но отказались от подобных планов и присоединились к ДНЯО на правах безъядерных государств. К этой же группе относятся Белоруссия, Казахстан и Украина. В первые годы после распада СССР на их территории сохранялись стратегические ядерные силы, перешедшие под юрисдикцию Российской Федерации. С выводом ядерных сил на российскую территорию эти государства приобрели статус безъядерных и в этом качестве участвуют в ДНЯО. Особое место в четвертой группе принадлежит Южноафриканской Республике. В годы режима апартеида в ЮАР, так же как и в Израиле,

было создано ядерное оружие, хотя этот факт не признавался. После отказа от апартеида ядерное оружие было уничтожено, и ЮАР стала участником режима нераспространения как неядерное государство.

Государства *пятой группы* имеют возможность обладать ядерным оружием, но обоснованно от этого отказываются. В эту группу входят многие развитые государства Европы, например Германия, Италия.

И государства четвертой группы, и государства пятой группы сегодня искренне участвуют в режиме нераспространения. Большинство же стран не входят ни в одну из вышеназванных групп, они не имеют ни возможности, ни намерений создавать ядерное оружие. Однако нет гарантии, что при изменении международной обстановки в отдельных регионах или в мире в целом положение в сфере ядерных вооружений не изменится.

Как и предсказывал в свое время Г. Моргентау, ядерные сверхдержавы в соответствии с логикой гонки вооружений накопили ядерного оружия гораздо больше, чем его нужно для достижения любых мыслимых военных целей. Когда стало ясно, что дальнейшее пополнение ядерных арсеналов иррационально, США и СССР приступили к переговорам по вопросам установления контроля над вооружениями, а также разоружения. В соответствии с Договором о ликвидации ракет средней и малой дальности в течение 1987–1990 гг. были полностью ликвидированы эти два вида вооружений. Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2) и Договоры о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2) предусматривали существенное сокращение ядерных арсеналов обоих сверхдержав. Правда, в полном объеме все достигнутые договоренности не были реализованы, поскольку вступление в силу и выполнение принятых обязательств столкнулось с трудностями объективного и субъективного характера.

Большое значение для обеспечения безопасности в годы холодной войны имел заключенный в 1972 г. между СССР и США Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Он ограничивал возможности создания двумя государствами таких средств, которые гарантировали бы полную защиту от ядерной атаки другой стороны, что сохраняло механизм сдерживания, основанный на балансе взаимных угроз. После окончания холодной войны в США стали раздаваться голоса в пользу пересмотра ряда прежних договоренностей как устаревших в новых условиях. В частности, был поставлен вопрос о судьбе договора о ПРО. В связи с появлением угрозы со стороны «стран-изгоев» (Иран, КНДР и т. д.) были оглашены планы создания

так называемых нестратегических систем противоракетной обороны, способных перехватывать единичные пуски ракет с ядерными боеголовками. Однако создание таких систем было невозможно без нарушения положений Договора 1972 г. Для администрации США создание нестратегических противоракетных систем стало одной из приоритетных целей, и было принято решение об одностороннем выходе из Договора о ПРО. Правильность подобного шага многими экспертами ставится под сомнение как из-за недоказанности самой возможности создания эффективного средства со стопроцентной гарантией защиты от ядерных атак «стран-изгоев», так и в силу того, что разрушение Договора 1972 г. нарушает стратегическую стабильность.

Если американские планы поначалу не затрагивали напрямую военную безопасность России, стратегической потенциал которой способен легко преодолеть системы противоракетной обороны, то для КНР эти планы могли представлять конкретную опасность. Развертывание американских противоракетных систем, причем одна из них должна будет находиться в территории Восточной Азии (ПРО ТВД), может побудить континентальный Китай к наращиванию стратегических ядерных сил, что, в свою очередь, вызовет цепную реакцию других государств. Все это будет иметь негативные последствия для стабильности и безопасности и на региональном, и на глобальном уровне. Это касается планов размещения американских систем противоракетной обороны в странах Восточной Европы. Хотя эти планы опять обосновываются ссылками на угрозы, якобы исходящие от Ирана и Северной Кореи, в первую очередь они представляют угрозу интересам национальной безопасности России.

24 мая 2002 г. президентами России и США был подписан, а 1 июня 2003 г., после обмена ратификационными грамотами, вступил в силу Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП). В соответствии с этим договором Россия и США обязались на взаимной основе сократить к 31 декабря 2012 г. количество имеющихся у них стратегических ядерных боезарядов примерно в три раза, т. е. с 6000 единиц, установленных Договором СНВ-1 от 1991 г., до 1700–2200 единиц. Если Договор СНВ-1 и не вступивший в силу Договор СНВ-2 предусматривали конкретные пределы по триаде ядерных вооружений, то ДСПН предоставляет сторонам возможность действовать гибко: они теперь могут сами определять состав и структуру своих стратегических сил. В ДСПН содержится ссылка на обязательства России и США по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (о проведении переговоров о мерах по прекращению гонки

ядерных вооружений и ядерному разоружению). Тем самым юридически фиксируется позиция поддержки двумя странами всей системы ядерного нераспространения. Предусматривается и то, что еще до истечения срока действия договора стороны могут заменить его новым соглашением, еще более понижающим допустимое количество ядерных боезарядов (до 1500 у каждого из государств).

Кроме ядерного к оружию массового поражения относится химическое и бактериологическое. С одной стороны, эти виды оружия обладают меньшими поражающими характеристиками, с другой — они проще, дешевле и доступнее. Эти виды оружия находятся под полным запретом. С 1972 г. действует Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении.

Борьба с химическим оружием началась после Первой мировой войны, когда в 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении его использования во время военных действий. С 1997 г. в отношении химического оружия действует тот же режим запрета, что и по отношению к бактериологическому. Основа этого режима — Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении. В то же время контроль за безусловным выполнением всеми государствами обязательств, принятых на себя в области химического и бактериологического разоружения, остается актуальной политической проблемой.

Обеспечение международной безопасности связано не только с контролем за оружием массового поражения, но и с ограничением и сокращением обычных вооружений и вооруженных сил. Дальше всего в этом направлении продвинулись страны европейского континента. История Европы была историей бесконечных вооруженных конфликтов, в XX столетии именно в Европе начались две мировые войны. Во 2-й половине XX в. на этом же континенте возникло военное противостояние двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков. Долгое время сохранялась опасность возникновения в самом центре Европы крупномасштабного вооруженного конфликта, так как здесь были сконцентрированы огромные воинские контингенты и находилось большое количество военной техники. Взаимное недоверие и напряженность между государствами были чреватые случайным обострением опасных конфликтных ситуаций. Такое положение стало меняться после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое состоялось в 1975 г. в городе Хельсинки. После Хельсинкского совещания были разработаны и постепенно осуществлялись меры по

установлению доверия, которые помогли несколько снизить уровень военной опасности.

Параллельно начался процесс подготовки соглашений по всеобъемлющему сокращению обычных вооруженных сил и вооружений на европейском континенте. Переговоры были трудными и затянулись на целых 15 лет. Лишь в 1990 г. в Вене был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Он предусматривал значительное сокращение численности сухопутных войск, уменьшение количества танков, бронированных машин, артиллерийских систем, самолетов и вертолетов у всех участников. Вводились так называемые фланговые ограничения на юге и севере Европы. Договор исходил из наличия двух противостоящих друг другу военных блоков — НАТО и Варшавского договора. В связи с этим квоты на сокращение войск и военной техники исчислялись на основе блокового принципа. Но уже в момент подписания Договора ситуация начала меняться. Организация Варшавского договора стала распадаться и уже через год прекратила свое существование. Затем развалился Советский Союз, а его бывшие восточноевропейские союзники выразили желание присоединиться к Североатлантическому пакту.

Расширение НАТО наряду с другими геополитическими изменениями заставило по-новому рассматривать вопрос о военной безопасности России на европейском направлении. Договор об обычных вооруженных силах в прежнем виде уже не соответствовал российским интересам в области национальной безопасности. Например, фланговые ограничения в значительной степени коснулись Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов, которые в новых условиях стали приграничными. Кроме того, Северо-Кавказский округ расположен в зоне повышенной конфликтности, что требует достаточных сил и средств для противодействия любым угрозам, включая угрозу терроризма. Поэтому по инициативе Российской Федерации с начала 1990-х гг. развернулась работа по адаптации ДОВСЕ к новым условиям. Прежде всего речь шла о фланговых ограничениях. В соответствии с решениями, принятыми в 1996 и в 1999 гг., площадь так называемой фланговой зоны на территории России была значительно сокращена, а допускаемое количество вооружений и техники в этой зоне увеличено. За Россией закреплено право в случае необходимости увеличивать военную группировку в южных районах, т. е. в районах повышенной опасности.

19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ. Главным отличием нового варианта Договора стал от-

каз от блокового принципа. Для территории каждого отдельного государства предусмотрен количественный потолок войск и техники, что должно быть препятствием к созданию мощных группировок на каком-либо стратегическом направлении, а также к наращиванию военной мощи отдельных государств. Новый вариант Договора учитывает факт расширения НАТО, поэтому суммарный военный потенциал блока подлежит сокращению, в то время как российский потенциал остается на прежнем уровне. Более того, у России появились возможности увеличить количество военной техники в своих регулярных частях. Хотя адаптированный ДОВСЕ не был лишен некоторых недостатков, он отвечал интересам всех его участников, включая и Российскую Федерацию.

Но практическая реализация достигнутых соглашений столкнулась с рядом трудностей. В связи с новой волной расширения НАТО в 2004 г. встал вопрос о Латвии, Литве, Эстонии и Словении, которые не были участниками Договора и поэтому их присоединение к Северо-Атлантическому альянсу может создать опасность появления «серых зон», где концентрируются войска и техника, не подлежащие учету по ДОВСЕ. В ходе переговоров в рамках Совета «Россия — НАТО» спорные вопросы удалось решить, однако остаются проблемы, обусловленные стремлением западных партнеров увязать выполнение всех достигнутых договоренностей с окончательным выводом российских военных баз из Грузии и Молдавии. Президент Российской Федерации В. Путин, выступая 10 февраля 2007 г. на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене, обратил внимание на то, что на фоне упреков России по поводу ее присутствия в Грузии и Молдавии, которое в соответствии с принятыми обязательствами практически сведено на нет, США развертывают в Восточной Европе свою инфраструктуру, предусматривающую значительное военное присутствие. В итоге РФ заявила о приостановке для себя действия ДОВСЕ, поскольку большинство участников так и не ратифицировали его адаптированный вариант.

Европейский опыт снижения уровня военного противостояния пока не находит широкого применения в других регионах мира. Пожалуй, единственное исключение — соглашение между Россией, Китаем и бывшими советскими среднеазиатскими республиками об отводе и сокращении войск и военной техники, размещенной вдоль границы между КНР и бывшим СССР.

В связи с сохранением угроз, исходящих от локальных и региональных конфликтов, и возрастающей опасностью международного тер-

ролизма, актуальной остается проблема контроля за торговлей оружием. С одной стороны, торговля оружием представляет собой важное направление внешнеэкономической деятельности многих государств, включая и Российскую Федерацию. С другой — при отсутствии контроля оружие может попасть (и попадает) в руки участников незаконных вооруженных формирований, террористических группировок. Эта проблема требует к себе внимания, и ее решение будет способствовать укреплению военной безопасности в современном мире.

Наметившаяся в последнее время тенденция к возобновлению гонки вооружений в некоторых сферах (противоракетная оборона, высокоточное оружие, ядерные боеприпасы нового поколения) может нанести ущерб межгосударственному сотрудничеству в области безопасности и противостоянии реальным угрозам мировому сообществу.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем современные подходы к пониманию безопасности отличаются от традиционных?
2. Как соотносятся между собой понятия «вооруженный конфликт» и «война»?
3. Что такое «войны шестого поколения» и в чем их особенности?
4. Какова роль военной реформы в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации?
5. Как складывается сегодня ситуация вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи?
6. Какие договоры были заключены в области ограничения и сокращения ядерного оружия?
7. В чем опасность размещения систем ПРО США в Восточной Европе?

Глава XIII

ПУТИ И ФОРМЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Способы выхода из конфликтной ситуации

Любой международный конфликт предполагает самые различные варианты своего завершения.

Международный конфликт может завершиться победой одной стороны и поражением другой. Такой конфликт, как правило, имеет и *вооруженную стадию*. Война может дать решающий выигрыш одной из сторон, но для такого развития событий необходимы особые предпосылки. Потенциальный победитель должен иметь не только перевес во всех ресурсах, используемых в вооруженной борьбе, но умело ими пользоваться. История знает немало примеров полного военного разгрома противника, вынужденного в результате соглашаться на полную и безоговорочную капитуляцию. Классический пример — Вторая мировая война, закончившаяся капитуляцией ее главных виновников — фашистской Германии и милитаристской Японии. Однако довольно часто полная военная победа невозможна, поскольку ни один из противников не обладает явным превосходством. Иллюстрацией может служить «симметричный» международный конфликт (см. главу X).

Если военные действия затягиваются и бесперспективность продолжения вооруженной борьбы становится все более ясной, то волевыми сторонами, втянутыми в конфликт, задумываются об ином, невооруженном выходе из него. Сам по себе выбор в пользу вооруженной борьбы, учитывая последнее обстоятельство, неоптимален. Зачем нести жертвы, если в итоге все равно приходится искать невоенное решение вызвавших конфликт проблем? В прошлом вооруженное насилие рассматривалось как вполне оправданный путь достижения поли-

тических целей. Об этом гласило известное высказывание Клаузевица о войне как о «продолжении политики иными средствами». В тот период, когда данное суждение было высказано, для этого были объективные основания.

С древних времен вплоть до середины XIX в. характер вооруженной борьбы менялся мало. Вот как этот феномен объяснял известный французский философ, социолог и политолог Раймон Арон. По его мнению, характер вооруженной борьбы напрямую зависит от характера материально-технической и технологической базы общества. Поскольку между традиционным и современным обществом существуют значительные различия в социально-экономической, технологической и военно-технической области, постольку с переходом от одного общества к другому меняется и характер военного противостояния.

Традиционное общество — общество преимущественно аграрное, большинство населения проживает в сельской местности и занимается примитивным сельским хозяйством. В таком обществе уровень производительности труда весьма низок, общественное богатство прирастает медленно и накапливается в основном в непосредственно вещественной форме. Материально-технической базе традиционного общества соответствует и характер вооруженной борьбы, которая ведется при помощи холодного оружия. В результате этой борьбы гибнут люди, но не уничтожаются материальные ценности. Из этого обстоятельства Р. Арон сделал важные выводы:

- ◆ войны в традиционном обществе — неизбежное следствие «естественного характера» международных отношений;
- ◆ войны в традиционном обществе экономически рентабельны, т. е. победитель может не только окупить все расходы на подготовку и ведение военных действий за счет военной добычи — материальных ценностей побежденной стороны, но и получить немалую прибыль;
- ◆ плодами военной победы в первую очередь пользовались сами правящие монархи и близкие к ним элитарные слои общества, от которых и зависело решение вопроса о войне и мире, поэтому в традиционном обществе существовал и социальный механизм воспроизводства вооруженных конфликтов.

В процессе модернизации, т. е. перехода от традиционного к современному (индустриальному и постиндустриальному) обществу ситуация менялась. Современное общество характеризуется важной ролью научного знания, техники и технологии, следовательно, более высо-

ким уровнем производительности труда. За единицу времени производится все больший объем общественного богатства, причем не только в натуральной форме. Современное общество отличается стремительным прогрессом — не только техническим, но и военно-техническим. Меняются способы ведения вооруженной борьбы, появляются все более совершенные виды оружия и боевой техники, возрастает их разрушительная сила, увеличивается число жертв военных действий. К издержкам войны добавляется и так называемая «упущенная выгода». Здесь речь идет о том, что время, потраченное на подготовку и ведение войны, отнимается от времени, которое можно было бы потратить на увеличение благосостояния общества и наращивание общественного богатства. Рентабельность войны, по мнению Р. Арона, в процессе модернизации неуклонно снижается, война перестает быть столь же желанным и прибыльным средством достижения своих политических целей даже для победителя. Наконец, с появлением ядерного оружия война теряет всякий рациональный смысл, хотя военная опасность сохраняется вследствие сохранения прежнего «естественного» характера международных отношений. Конечно, в эпоху ядерного оружия вооруженные конфликты не исчезли из практики противостояния государств. Однако все связанные с ними издержки настолько велики, что все разумные и рационально мыслящие политики должны стремиться к иным способам решения возникающих межгосударственных споров.

Существуют разные альтернативы вооруженному пути развития международных конфликтов.

Можно выйти из международного конфликта в одностороннем порядке, не прибегая к вооруженной борьбе. Это означает *односторонний отказ от вооруженной борьбы на условиях противника*, т. е. фактически о той же капитуляции, но не в результате военного поражения, а из-за неготовности к ведению войны. Так было, например, в 1938 г. в связи с кризисом вокруг Судетской области Чехословакии. Предъявляемые нацистской Германией требования первоначально были отвергнуты чехословацким правительством и большинством населения тогдашней Чехословакии. Реального военного превосходства у Гитлера над Чехословакией не было. Напротив, чехословацкая армия считалась одной из самых хорошо вооруженных и подготовленных в Европе. В Чехословакии была развита военная промышленность, хорошо оборудованы приграничные укрепления; кроме того, она была связана военными соглашениями с Францией и СССР. Советский Союз выра-

зил готовность оказать Чехословакии прямую военную помощь, даже если Франция откажется от своих обязательств.

Однако французское правительство вместе с правительством Великобритании заняли иную позицию. Находившиеся тогда у власти в Великобритании и во Франции политические лидеры Чемберлен и Даладье стали проводить политику «умиротворения» гитлеровской Германии. Они оправдывали такую политику необходимостью во что бы то ни стало не допустить новой мировой войны в Европе, поэтому стремились сохранить мир любой ценой. Вдохновители и организаторы политики «умиротворения» декларировали высокие нравственные принципы, в соответствии с которыми война — это абсолютное, недопустимое зло, а по сути они подталкивали потенциальную жертву к капитуляции перед агрессором. Такая капитуляция и была навязана известным Мюнхенским соглашением 1938 г., по которому Чехословакия отказалась от части своей суверенной территории, да к тому же приняла на себя обязательства, резко снижающие ее обороноспособность. Вслед за этим последовал распад Чехословацкой республики и оккупация ее большей части гитлеровскими войсками.

Один из «отцов» мюнхенского сговора лорд Чемберлен, вернувшись в Лондон, заявил встречавшим его, что он «привез мир». Находившийся в то время не у дел будущий премьер-министр Великобритании Черчилль саркастически заметил:

«Выбирая между войной и позором, английское правительство выбрало позор, но и войну оно тоже получит».

Черчилль оказался совершенно прав, поскольку Вторая мировая война, вопреки иллюзиям «мюнхенцев», началась менее чем через год после того, как Чехословакия была «сдана на съедение» Гитлеру.

Этот пример показывает, что отнюдь не всегда само по себе мирное решение может быть лучшей альтернативой военному.

Однако капитуляция без вооруженной борьбы — не единственный способ мирного выхода из конфликтной ситуации в одностороннем порядке. Можно обратиться в судебные и иные международные инстанции с просьбой о мирном разрешении спорных вопросов. В этом случае все будет зависеть как от реальных возможностей третьей стороны (см. § 3 данной главы, главы XV и XVII), так и от позиции противоположной стороны конфликта (даже в большей степени). В любом случае решение для мирного выхода из конфликта следует искать совместно со всеми участвующими в нем международными акторами.

Мирный путь выхода из конфликтной ситуации на двусторонней и многосторонней основе лежит через *переговорный процесс*. Причем и сами переговоры, и процесс реализации достигнутых договоренностей требует участия так называемой третьей стороны, о роли которой речь пойдет дальше. Цель переговоров — поиск мирного варианта урегулирования международного конфликта (см. главу XIV).

Общий термин «мирное урегулирование» подразумевает три направления мирного выхода из конфликтной ситуации и, соответственно, три типа возможных мирных соглашений.

Понятие «мирное урегулирование» употребляется как в широком смысле (*conflict resolution*), так и в узком (*conflict management*), иначе говоря — «управление конфликтом». Дело в том, что найти полностью устраивающее все стороны решение спорных вопросов очень непросто. Между тем конфликтная ситуация в международных отношениях таит в себе серьезную потенциальную опасность и угрожает интересам не только непосредственно втянутых в нее государств. Значит, необходимо найти такое решение, которое могло бы снять напряжение, сделало бы ситуацию предсказуемой и, по возможности, безопасной для всех, кто имеет к ней отношение. Смысл деятельности по урегулированию (управлению) в таком случае сводится к достижению компромисса, который, не устраняя до конца причин конфликта, в той или иной степени удовлетворяет все втянутые в него стороны. Отношения между участниками конфликта нормализуются, устраняется опасность применения вооруженного насилия. Однако достигнутые соглашения не могут дать полной гарантии, что споры и противоборство не возобновятся вновь.

Чтобы избежать эскалации конфликта, необходимо стремиться к его полному разрешению (*conflict resolution*). Добиться такого разрешения конфликта сложнее. Для этого придется полностью устранить все причины, порождающие конфликтную ситуацию. По мнению американского политолога К. Митчелла, такое решение должно отвечать следующим условиям:

- ◆ его должны поддерживать не только политические элиты, но и широкие массы населения;
- ◆ соглашение должно быть самодостаточным, т. е. таким, чтобы его можно было реализовать и без участия третьей стороны;
- ◆ решение должно быть основано не на компромиссе, а на сотрудничестве, т. е. полной реализации целей сторон, которые считают его честным и справедливым;

- ◆ отношения между сторонами на основе достигнутых договоренностей должны приобретать новый, более позитивный характер;
- ◆ соглашение должно быть добровольным, принятым без внешнего давления и принуждения.

На практике полное разрешение конфликта в международных отношениях скорее исключение из правил. Это наилучший вариант, но в реальности все заинтересованные стороны ставят перед собой более скромные задачи. Речь идет о так называемой деятельности по предупреждению конфликтов (*prevention of conflict*). Под этим термином понимается достижение соглашений по прекращению открытой вооруженной борьбы. Именно вооруженное насилие, война — самое негативное следствие конфликтов в международных отношениях, поэтому первоочередная задача для всех заинтересованных в сохранении мира сторон — не допустить перехода конфликта в вооруженную фазу. Если вооруженная борьба уже началась, тогда важнейшей задачей становится ее прекращение. Сделать это можно, например, достигнув соглашения о прекращении огня. Но вооруженные силы конфликтующих сторон в этом случае по-прежнему будут противостоять друг другу. Поэтому соглашение о прекращении огня следует дополнить решением о разъединении сторон. Еще лучше — заключить соглашение о перемирии, которое «вбирает» в себя (аккумулирует) все условия, которые связаны и с прекращением огня, и с отводом войск от линии соприкосновения.

Перемирие не означает наступления состояния мира в его международно-правовом смысле, оно дает достаточно прочные гарантии прекращения военных действий. Конфликтная ситуация в результате заключения перемирия не устраняется, но вопрос о разрешении или улаживании конфликта переводится в политическое русло.

Соглашения о перемирии заключаются как временные, но действовать они могут весьма долго. Так произошло с соглашением о перемирии в Корее, подписанном в Пханмынчжоне в 1953 г. Корейская война была одним из самых кровопролитных вооруженных конфликтов 2-й половины XX в. Ее участниками первоначально были два корейских государства — КНДР и Республика Корея, позже в конфликт втянулись и другие страны, в первую очередь — США и КНР. Именно они и подписали соглашение 1953 г. Следует отметить, что, хотя главными воюющими сторонами к концу корейской войны были китайская и американская армии, США и КНР не участвовали в переговорах в Пханмынчжоне под своими собственными именами. Китайские

войска в Корее получили наименование «Китайских народных добровольцев», однако это были регулярные части и соединения Народно-освободительной армии Китая. США воспользовались ситуацией, сложившейся в начале Корейской войны, когда представитель Советского Союза не участвовал в заседаниях Совета Безопасности ООН. Соединенные Штаты провели через Совет Безопасности резолюцию, в которой Северная Корея объявлялась агрессором. В соответствии с ней были созданы «Вооруженные силы ООН», целью которых стало пресечение агрессии и восстановление мира на Корейском полуострове. Официально под флагом ООН в Корее находились представители многих государств, но реальное большинство составляли американские войска. И именно американцы представляли ту сторону на переговорах, которая была обозначена как «Вооруженные силы ООН».

В результате достигнутых в Пханмынчжоне соглашений была создана демилитаризованная зона. Из нее были выведены боевые части противоборствующих сторон. Демилитаризованная зона проходит по обе стороны той линии фронта, которая сложилась к 1953 г. Эта линия не совпадает точно с 38-й параллелью, где с 1945 по 1950 г. проходила демаркационная линия, разделявшая Северную и Южную Корею, но, поскольку отклонения от нее в обе стороны незначительны, можно сказать, что перемирие 1953 г. сохранило статус-кво на Корейском полуострове. Хотя за последние полвека в районе демилитаризованной зоны случались вооруженные инциденты, в целом перемирие соблюдается, что весьма важно, поскольку на Корейском полуострове сосредоточены крупные военные контингенты Северной и Южной Кореи, а также Соединенных Штатов Америки, накоплены огромные запасы вооружений, существует опасность появления и применения оружия массового поражения.

Однако соглашение о перемирии не гарантирует того, что военные действия не будут возобновлены. Только полное преодоление конфликта, вызванного расколом Кореи на государства с разным общественным строем и политической системой, может обеспечить прочный мир как на Корейском полуострове, так и во всем прилегающем к нему регионе.

Мирное урегулирование, о каком бы из его вариантов ни шла речь, должно осуществляться при соблюдении принципа постепенности. Этот принцип означает четкое понимание невозможности моментального и полного решения всего комплекса накопившихся проблем. Он реализуется в наличии последовательных этапов в продвижении к цели. Попытки игнорировать это обстоятельство, необоснованно пере-

скакивать через отдельные этапы, спешить при принятии окончательного решения могут сорвать весь процесс мирного урегулирования.

Проблема мирного урегулирования чаще всего возникает тогда, когда конфликт дошел до вооруженной стадии, поэтому в процессе мирного урегулирования выделяют следующие основные фазы (этапы):

- 1) прекращение вооруженного насилия;
- 2) установление прямых контактов между конфликтующими сторонами, необходимых для начала диалога и подготовки переговорного процесса;
- 3) сам переговорный процесс (особенности организации и проведения переговорного процесса будут рассмотрены в следующей главе);
- 4) реализация достигнутых в ходе переговоров договоренностей.

На каждом этапе решаются свои задачи, и их решение в конечном счете приведет к мирному выходу из конфликтной ситуации. В процессе перехода от одного этапа к другому необходимо преодолевать недоверие между конфликтующими сторонами, переводить их взаимодействие в позитивную плоскость. Этого бывает невозможно добиться без содействия третьей стороны, о чем пойдет речь далее.

§ 2. Роль третьей стороны в мирном урегулировании конфликтов

В процессе урегулирования международных конфликтов в качестве *третьей стороны* могут выступать самые разные международные акторы, но прежде всего — *суверенные государства*, обладающие для этого всеми ресурсами, в том числе и теми, которыми наделяет их международное право. В прошлом функции третьей стороны нередко брали на себя *главы государств*, что в эпоху абсолютных монархий было вполне объяснимо и оправданно. Сегодня от имени государств, по поручению их правительств чаще всего выступают или дипломаты, или высокопоставленные чиновники и государственные деятели. Главы государств и правительств, когда в этом есть необходимость, также могут брать на себя выполнение подобных миссий.

Другие акторы — по мере появления на международной арене — также стали выполнять функции третьей стороны при урегулировании конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера. Это *международные межправительственные организа-*

ции (о них речь пойдет в XVII главе) и *международные неправительственные институты*.

Вопрос о роли *частных лиц* как третьей стороны в мирном урегулировании конфликтов до сих пор остается самым спорным. С точки зрения всей системы международных отношений, глобального уровня мировой политики, возможности отдельных индивидов, конечно, ограничены, хотя отрицать значение феномена политического лидерства нельзя. В конфликтных ситуациях, особенно когда встает вопрос о поиске мирного пути их разрешения, роль частного лица может возрасти. За абстрактными понятиями «государство», «международная организация» скрываются живые люди. Занимая официальное положение, обладая определенным статусом, они выполняют функции, вытекающие из их служебных обязанностей. Личность дипломата или государственного деятеля должна учитываться при выборе кандидата на роль исполнителя функций по урегулированию конфликта. Если по тем или иным причинам намеченный кандидат вызывает неприятие или недоверие какой-либо из сторон, его необходимо заменить другим лицом, которое, как считают непосредственные участники конфликта, подходит для этой роли. Следует заметить, что люди, обладающие большим дипломатическим опытом и высоким политическим авторитетом, вполне могут принимать участие в урегулировании конфликтов и кризисов, не занимая никакого официального положения. Речь идет о государственных деятелях и дипломатах, политических и общественных лидерах, имеющих высокий авторитет, но занимавших официальные посты в прошлом. Правда, важно учитывать то обстоятельство, что физические лица способны выполнять не все, а лишь посреднические функции третьей стороны.

Какой бы актер ни выступал в качестве третьей стороны мирного урегулирования международного конфликта, сам он не должен быть втянут в конфликт на стороне того или иного участника и пользоваться его доверием.

Средства, которые может использовать третья сторона, можно разделить на две группы. К первой относятся меры исключительно мирного, ненасильственного характера. Это *оказание добрых услуг; посредничество; наблюдение за ходом переговоров; наблюдение за соблюдением достигнутых соглашений; осуществление арбитража*. Вторая группа включает меры принудительного характера: *применение санкций, силовые действия по «принуждению к миру», миротворческие и миростроительные операции* (см. главу XVII). Поскольку действия, связанные с использованием вооруженных сил, осуществляются в современном

мире по мандату международных организаций, то их целесообразно рассмотреть в главе, посвященной роли международных организаций в урегулировании конфликтов. Здесь более подробно охарактеризуем санкции, применяемые в ходе урегулирования конфликтов.

Санкции, как правило, вводятся по решению международных организаций, но реализуются каждым государством в отдельности. Большинство санкций имеют экономический характер. К торговым санкциям, например, относится эмбарго (полный запрет) на поставки каких-либо товаров, особенно военного назначения, государствам, виновным в нарушении норм международного права, в том числе и вследствие конфликтов. Кроме полного эмбарго, могут вводиться частичные ограничения как по экспорту, так и по импорту некоторых товаров. Торговые санкции могут касаться промышленных технологий и иных объектов интеллектуальной собственности, а также услуг. Финансовые санкции означают запрет на предоставление кредитов, займов, замораживание вкладов в зарубежных банках, запрет на денежные переводы. К финансовым санкциям относится ограничение или полный запрет на инвестиции.

В практике современных международных отношений применяются и политические санкции. К санкциям политического характера относятся, например, исключение государства-нарушителя из международных организаций или временная приостановка членства в этих организациях. Отдельные государства могут использовать такие меры, как разрыв или снижение уровня дипломатических отношений, ограничение на поездки как для государственных деятелей и дипломатов, так и для обычных граждан стран-нарушителей.

Эффективность и действенность санкций может зависеть от самых разных факторов, например от того, насколько согласованно они применяются. На рубеже 80–90-х гг. XX в. ведущие государства мира были солидарны в осуществлении санкций против Южно-Африканской республики, что в конечном счете заставило власти ЮАР отказаться от позорной практики апартеида и начать либерализацию политического режима в стране. В начале 1990-х гг. были введены санкции по отношению к участникам конфликтов на территории бывшей Югославии, прежде всего в Боснии и Герцеговине, но последовательности в их применении не было. Некоторые исламские страны поставляли боснийским мусульманам оружие и другие военные материалы, хотя запрет на военные поставки противоборствующим сторонам не предполагал никаких исключений.

Экономические санкции, образно говоря, — палка о двух концах, поскольку задевают интересы не только тех государств, против которых они введены, но и интересы государств, эти санкции осуществляющих. Интересно отметить, что Соединенные Штаты Америки в последние 15 лет не раз выступали с инициативами ввести экономические санкции против так называемых стран-изгоев, однако сами от этих санкций мало что теряли. Ни с Ираком в прошлом, ни с Ираном или Северной Кореей в настоящем у США нет тесных торгово-экономических связей из-за чрезвычайно конфликтных политических отношений. В случае введения санкций американцам терять было нечего, в то время как другие страны несли прямой экономический ущерб. В начале 1990-х гг. от введения санкций по отношению к Ираку и Ливии пострадали экономические интересы России, Франции, Китая и ряда других государств. Поэтому вполне объяснима та осторожность, с которой Россия на рубеже XX–XXI вв. подходила к вопросу о санкциях в отношении Ирака или Северной Кореи, хотя и считала необходимым воздействовать на эти государства, чтобы заставить их отказаться от программ в области создания ядерного оружия.

Опыт применения экономических санкций против Ирака в последние годы существования режима Саддама Хуссейна заставляет обратить внимание еще на одну проблему, связанную с их реализацией. Цель санкций — оказать воздействие на политику правящих элит и лидеров. В случае с Ираком санкции коснулись основы экономики этой страны — добычи и экспорта нефти. На практике следствием санкций стало дальнейшее снижение уровня жизни населения (и без того невысокого для основной массы) вследствие авантюры Саддама Хуссейна, развязавшего вооруженный конфликт с Ираном и Кувейтом. В первую очередь санкции ударили по простым людям, в то время как иракское руководство на себе их не ощутило. Для того чтобы облегчить положение широких слоев населения, особенно детей, ООН ввела в действие программу «Нефть в обмен на продовольствие». Однако эта программа, с одной стороны, позволила С. Хуссейну найти лазейки для обхода санкций, с другой — стала питательной средой для коррупции не только в Ираке, но и в ООН.

Введение санкций, затрагивающих интересы населения той или иной страны, очевидно, рассчитано на общественное мнение и способность широких масс повлиять на политику правящих кругов. Однако в современных условиях санкции вводятся, как правило, против государств с авторитарными режимами, где общественного мнения не может быть по определению. В таком случае санкции не дают ожидаемого

результата. Воздействие санкций на внутривнутриполитическую обстановку может быть неоднозначным, и вместо ослабления позиций правящих режимов они могут приводить к их усилению, способствуя консолидации общества и его объединению вокруг своих политических лидеров.

Наиболее часто роль третьей стороны в мирном урегулировании международных конфликтов проявляется в предоставлении *добрых услуг* и в *посредничестве*. Эти понятия тесно связаны между собой, но не идентичны.

- ▶ Добрыми услугами принято считать обращение к конфликтующим сторонам с предложением начать переговоры и предоставление места для ведения переговоров, а также передачу необходимых для этого документов и материалов.

В конечном счете добрые услуги направлены на то, чтобы побудить участников конфликта решать спорные вопросы мирными средствами, для чего третья сторона готова создать определенные условия. При предоставлении добрых услуг роль третьей стороны скорее пассивна, чем активна. Третья сторона не вмешивается в процесс разрешения спорных проблем, не делает своих предложений, а лишь пытается воздействовать на конфликтующие стороны извне.

- ▶ Посредничество предполагает более активное участие третьей стороны в поисках мирного выхода из конфликтной ситуации. Посредник участвует не только в подготовке переговоров, но и в переговорном процессе.

Роль посредника заключается и в том, что он снимает напряжение, накопившееся в условиях конфликтного взаимодействия. Если конфликт принял вооруженный характер, то у сторон неизбежно формируется устойчивый взаимный образ врага, преодолеть который трудно без участия посредника. Посредник участвует и в разработке соглашений по урегулированию конфликта.

Опыт международных отношений свидетельствует, что предоставление добрых услуг и посредничество могут тесно переплетаться между собой. Хрестоматийным примером можно назвать участие Советского Союза в урегулировании пограничного конфликта между Индией и Пакистаном в 1965–1966 гг. Этот конфликт зародился во 2-й половине 1940-х гг., в период деления бывшей Британской Индии на два государства (религиозно-политический аспект этого конфликта показан в главе IV). В соответствии с предложенным английскими властями

планом, одно государство должно было объединить индийское население, а другое — мусульманское. Британские власти сами решали в соответствии с составом проживающего населения, какая территория отойдет Индии, а какая — Пакистану. Но там, где номинальная власть принадлежала местным князьям — махараджам, сами князья (по плану последнего британского вице-короля Индии лорда Маутбэттена) получили право выбрать государство, которому будет принадлежать их территория, или полную самостоятельность. На практике этим правом попытался воспользоваться лишь махараджа Кашмира. Сам он по вероисповеданию был индусом, в то время как большинство населения его княжества исповедовали ислам.

Английские власти пытались воспользоваться старым имперским принципом «разделяй и властвуй». Они надеялись сохранить свои позиции на полуострове Индостан и подтолкнули махараджу Кашмира к провозглашению независимости своего княжества при сохранении «особых связей с британской короной». Вслед за этим на территорию Кашмира вторглись пуштунские племена, выступавшие за «спасение мусульман от индусского ига». Правитель Кашмира обратился за военной помощью к руководству только что обретшей независимость Индии. Такая помощь была оказана, тем более что просьба махараджи была поддержана и крупнейшей оппозиционной партией Кашмира, придерживающейся светских принципов и опасавшейся вхождения княжества в состав Пакистана, изначально создававшегося как исламское государство. За вводом индийских войск последовал ввод пакистанских, и между двумя новыми государствами разгорелся первый вооруженный конфликт из-за Кашмира. Благодаря вмешательству ООН военные действия были остановлены, но территория Кашмира оказалась разделенной по линии фронта, сложившейся к 1 января 1949 г.

Две трети территории княжества Кашмир остались под контролем Индии. После объединения с соседними землями, населенными преимущественно индусами, данная территория получила название «Штат Джамму и Кашмир». Остальная часть стала называться «Азад Кашмир» («Свободный Кашмир»), формально она имела статус «свободной территории». Позднее часть этой территории Пакистан использовал для строительства стратегического шоссе, связавшего его с КНР.

По решению Совета Безопасности ООН вопрос о принадлежности Кашмира должен был решаться на референдуме, который так и не состоялся. Отношение и индийской, и пакистанской стороны к проведению референдума было и остается противоречивым, оно несколько раз кардинально менялось. При этом ни Индия, ни Пакистан не отка-

зались от взаимных территориальных претензий, рассматривая другую сторону как источник угрозы. Неурегулированность территориального спора несколько раз после 1949 г. становилась причиной вооруженных столкновений. Один из наиболее острых периодов обострения индийско-пакистанского конфликта пришелся на конец 1964 — начало 1965 г. Летом 1965 г. это обострение вылилось в полномасштабную войну между двумя соседними странами. В военных действиях принимали участие многотысячные армии, оснащенные современными по тем временам оружием и боевой техникой.

Вооруженный конфликт между крупнейшими азиатскими государствами представлял серьезную угрозу международной безопасности. ООН и ряд государств стали проявлять заинтересованность в его скорейшем урегулировании. К числу таких государств относился и Советский Союз, так как зона боевых действий находилась всего в нескольких десятках километров от его границ. Поэтому Советский Союз в лице тогдашнего президента Совета Министров А. Косыгина выступил с инициативой о проведении индо-пакистанских мирных переговоров. С учетом того, что конфликтующими сторонами были государства Азии, в качестве места для переговоров был предложен Ташкент, расположенный на азиатском континенте. Все это как раз и укладывается в понятие «добрые услуги». Советские предложения были приняты, чему способствовали традиционно дружественные отношения между СССР и Индией, а также налаженные к тому времени контакты между СССР и Пакистаном. В отличие от других стран, предлагавших свои добрые услуги, Советский Союз пользовался доверием как у одной из сторон конфликта, так и у другой.

Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин принял личное участие в ташкентской встрече премьер-министра Индии Л. Б. Шастри с президентом Пакистана М. Аюб-ханом, что означало переход от предоставления добрых услуг к посредничеству в урегулировании индо-пакистанского конфликта. При активном участии советской стороны была выработана и 10 января 1966 г. подписана Ташкентская декларация, включавшая девять пунктов. В первом пункте было зафиксировано обязательство Индии и Пакистана более не прибегать к силе в отношениях друг с другом. Стороны изложили собственные позиции по Джамму и Кашмиру и согласились, что будут обсуждать эту проблему дальше. В декларации были установлены сроки отвода индийских и пакистанских войск за линию, которую они занимали до начала военных действий. Индия и Пакистан продекларировали свое желание развивать дружеские отношения и обязались не поощрять про-

паганду, направленную против одной из сторон. В Ташкентской декларации были зафиксированы договоренности Индии и Пакистана о возобновлении деятельности дипломатических представительств, об обмене военнопленными, о восстановлении торгово-экономических и культурных связей, а также транспортного сообщения между странами.

Девятый пункт Ташкентской декларации содержал обязательства сторон, касающиеся встреч их представителей на различных уровнях для обсуждения проблем двусторонних отношений и создания совместных индо-пакистанских органов по их окончательному урегулированию. Ташкентская декларация — пример соглашения, целью которого было не окончательное разрешение конфликта, а прекращение и недопущение в дальнейшем его вооруженной фазы. Проблемы в отношениях между Индией и Пакистаном полностью решены не были ни во время, ни после ташкентских переговоров (их также принято называть конференцией). Рецидивы возобновления вооруженного противостояния в Кашмире и по всей индо-пакистанской границе имели место, но каждый раз сторонам удавалось возвращаться к достигнутому в 1966 г. в Ташкенте договоренностям.

Немалая заслуга в проведении переговоров между лидерами Индии и Пакистана принадлежала лично Алексею Николаевичу Косыгину — одному из выдающихся государственных деятелей советской эпохи нашей истории, однако в целом следует говорить о посреднической роли СССР как государства.

Не каждое государство и далеко не всегда может успешно справиться с ролью посредника. Эту роль могут играть государства, располагающие мощными ресурсами экономического, политического, военного характера, обладающие высоким международным авторитетом и поэтому способные оказывать воздействие на стороны, втянутые в конфликтную ситуацию. Наряду с Советским Союзом такую роль не раз стремилась играть и другая сверхдержава периода холодной войны — Соединенные Штаты Америки. Примером успешного выполнения США посреднической миссии могут быть названы Кэмп-Дэвидские соглашения между президентом Египта А. Садатом и израильским премьер-министром М. Бегинном, достигнутые при участии американского президента Дж. Картера в 1977 г. Как бы ни относиться ко всем противоречивым последствиям этих соглашений, они стали одним из первых шагов по урегулированию самого сложного международного конфликта 2-й половины XX в. — ближневосточного.

Однако сам пример Кэмп-Дэвидского соглашения и реакция на него арабских и других государств показывает, что, наряду с несомненными преимуществами, у сверхдержав при выполнении посреднической роли обнаруживаются и серьезные недостатки. Крупные государства, как правило, прямо или косвенно вовлечены в большинство международных конфликтов, что порождает определенную асимметричность в их отношениях с непосредственными участниками таких конфликтов. У одних государств сверхдержавы пользуются полным доверием, зато в глазах других они вообще никакого доверия не имеют. Доверие к нейтральным странам как третьей стороне в мирном урегулировании конфликтов более сбалансированно. Особенно часто нейтральные страны выступают с предложением добрых услуг. Только Швейцария за последние десятилетия стала местом проведения не одного десятка переговоров и конференций, целью которых был поиск мирных решений в конфликтных ситуациях, существующих сегодня во многих регионах мира.

Кроме стран, имеющих официальный статус нейтральных, в качестве третьей стороны выступают малые государства. Они не вызывают серьезных опасений у участников конфликтов, и поэтому их предложения о посредничестве принимаются с готовностью.

Мотивы, по которым участники международных конфликтов обращаются за посредническими услугами третьей стороны, могут быть разными, например надежда на то, что третья сторона окажет позитивное воздействие на позицию противника. Иногда на посредника стремятся перенести вину за провал процесса урегулирования. Но главный мотив связан с надеждами на реальное содействие третьей стороны в поиске мирного выхода из конфликтной ситуации, а после заключения соглашения — на роль третьей стороны как гаранта практического выполнения достигнутых договоренностей.

Посредничество всегда связано с выполнением третьей стороной ряда функций. Во-первых, посредник должен формировать и поддерживать у участников конфликта ориентацию на достижение приемлемого для всех решения спорной проблемы. Во-вторых, посредник обеспечивает поддержание устойчивых коммуникаций между конфликтующими сторонами, что способствует преодолению недоверия, формированию более объективного представления о подлинных намерениях и целях сторон, устранению возможных недоразумений. В-третьих, посредник помогает конфликтующим сторонам осуществлять правильную диагностику складывающихся ситуаций и в конечном счете находить взаимоприемлемые решения. В-четвертых, после

подписания мирных соглашений посредник может продолжать выполнение контрольно-регуляционных функций, необходимых для воплощения этих соглашений в жизнь. В-пятых, посредник помогает конфликтующим сторонам «сохранить лицо» при выходе из конфликтной ситуации. Эта функция часто имеет решающее значение, поскольку политическим лидерам очень трудно объяснить широкой публике необходимость принятых решений. За время конфликта произносится много громких фраз и патетических лозунгов, после которых любые компромиссные решения или уступки, казалось бы, исключены. Но как раз большинство взаимоприемлемых мирных решений в международных отношениях основано на компромиссах. Посредник может помочь лидерам и элитам конфликтующих государств выйти из щекотливого положения, взяв ответственность за «капитуляцию» перед противоположной стороной на себя.

Контрольные вопросы и задания

1. Какими могут быть способы выхода из конфликтной ситуации?
2. Охарактеризуйте понятие «урегулирование конфликта» в широком и узком смысле.
3. Назовите основные виды соглашений по мирному урегулированию международных конфликтов.
4. Приведите примеры оказания добрых услуг в практике современных международных отношений.
5. Охарактеризуйте деятельность посредника в процессе мирного урегулирования международных конфликтов.
6. Кто может играть роль посредника в урегулировании международных конфликтов?
7. Какова роль третьей стороны в процессе мирного урегулирования международных конфликтов?

Глава XIV

РОЛЬ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В МИРНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Виды и функции международных переговоров

Переговоры как весьма эффективный способ взаимодействия и решения проблем широко используют в практике международных отношений и в процессе урегулирования международных конфликтов. В зависимости от критериев можно выделить несколько видов *международных переговоров*.

1. Критерий — цель, которую ставят перед собой участники переговоров:
 - ◆ переговоры в целях продления ранее достигнутых мирных соглашений;
 - ◆ переговоры о нормализации взаимных отношений участников международного конфликта;
 - ◆ переговоры с целью пересмотра ранее достигнутых соглашений в пользу какой-либо из заинтересованных сторон;
 - ◆ переговоры для достижения нового соглашения (в случаях урегулирования международных конфликтов к этому виду относится подавляющее большинство переговоров);
 - ◆ переговоры с целью получения косвенных результатов (в этих случаях стороны не стремятся достичь окончательного решения, а выясняют для себя позиции и намерения партнеров, устанавливают контакты, которые могут пригодиться в будущем).
2. Критерий — тип принимаемых в результате переговоров решений:
 - ◆ переговоры, заканчивающиеся принятием компромиссного решения;

- ◆ переговоры, завершающиеся полным разрешением конфликтной ситуации;
 - ◆ переговоры, завершающиеся частичным решением;
 - ◆ переговоры, завершающиеся асимметричным решением, которое одну из сторон устраивает в большей степени, чем другую.
3. Критерий — официальный статус участников переговоров:
- ◆ переговоры на высшем уровне;
 - ◆ переговоры на высоком уровне;
 - ◆ переговоры в рабочем порядке.

Переговоры на высшем уровне ведут главы государств, в силу должностных обязанностей представляющие свои страны на международной арене, или специально для этого уполномоченные главы правительств. Переговоры на высоком уровне ведут министры иностранных дел или главы аналогичных МИДу внешнеполитических ведомств, например в США — это Госсекретарь, возглавляющий Государственный департамент. Переговоры в рабочем порядке ведут дипломаты, чиновники или политические деятели менее высокого ранга. Как правило, в рамках переговоров в рабочем порядке решается основная масса рутинных, технических вопросов, а решение принципиальных проблем переносится на переговоры более высокого уровня.

В условиях международного конфликта и напряженных отношений между сторонами, наряду с прямыми переговорами, при проведении которых их участники находятся в одном месте и общаются между собой, организуют и так называемые *косвенные переговоры*, когда прямого контакта между участниками нет. Они могут находиться не только в разных помещениях, но и в разных зданиях, а общение между ними обеспечивают посредники.

Переговоры могут быть *единичными*, или *разовыми*, а могут быть *длительными*, состоящими из отдельных раундов. В таком случае и промежутки между раундами могут быть весьма длительными, но переговоры обязательно возобновляются до тех пор, пока не будет достигнут окончательный результат или пока переговоры не потеряют всякий смысл.

В современных условиях большинство переговоров имеет *открытый характер*, т. е. о начале переговоров объявляется публично, а их ход и результаты оглашаются. Но при урегулировании конфликтов проводятся и *скрытые, конфиденциальные* переговоры. Во всяком случае до поры до времени информация о переговорном процессе отсутствует. Часто это делается для того, чтобы избежать осложнений, на-

пример вмешательства сил, не заинтересованных в урегулировании конфликтной ситуации.

Наиболее распространенная классификация международных переговоров — деление их на *двусторонние* и *многосторонние*. Двусторонние переговоры имеют более простую структуру и включают только двух участников. По мере подключения посредников двусторонние переговоры могут стать многосторонними. В многосторонних переговорах по урегулированию конфликтов участвует более двух акторов; кроме непосредственно вовлеченных в конфликтную ситуацию сторон это могут быть и посредники. При увеличении числа участников переговоров повышаются требования к организации переговорного процесса.

Наиболее распространенная форма проведения переговоров — международные конференции, хотя называться они могут по-разному: встреча, совещание, конгресс и т. д. В прошлом конференции созывались для подведения итогов при завершении продолжительных вооруженных конфликтов. Такими были, например, Венский конгресс 1815 г., закрепивший результаты победы над Наполеоном, Версальская конференция 1919 г., которая подвела черту под Первой мировой войной. Как правило, в таких конференциях принимали участие только непосредственные участники конфликтов, а их итогом становилось навязывание побежденным воли победителей. В последние десятилетия в многосторонних переговорах возрастает роль международных акторов, не принимавших непосредственное участие в конфликтах, а целью переговоров становится нахождение мирного решения для всех сторон.

Участники многосторонних переговоров могут группироваться в коалиции, выступающие с единых позиций, хотя это и не исключает определенных разногласий между ними. Например, в Женевском совещании по урегулированию конфликта в Индокитае в 1954 г. принимали участие делегации СССР, КНР, США, Великобритании и Франции. Непосредственным участником конфликта из всех этих стран была лишь Франция, которая на протяжении нескольких лет стремилась восстановить полный контроль над своими прежними колониальными владениями в Индокитае. Противостояли французским войскам прежде всего партизанские формирования вьетнамских коммунистов, провозгласивших еще в 1945 г. независимость Демократической республики Вьетнам. Интересы вьетнамских коммунистов на Женевском совещании представляли СССР и КНР. Москва и Пекин были заинтересованы в скорейшем мирном урегулировании на Индокитайском

полуострове и не поддержали радикальных предложений своих вьетнамских союзников, требовавших не только прекратить войну и вывести французские войска, но и создать единую Индокитайскую федерацию, где власть неизбежно перешла бы к коммунистам. Стремление Советского Союза и Китая к компромиссу разделили делегации Франции и Великобритании. Франция не могла больше продолжать бесперспективную войну, а Великобритания опасалась, что конфликт в Индокитае будет дестабилизировать обстановку в тогдашних британских владениях в Восточной Азии. Однако позиция американской делегации отличалась от позиции их западноевропейских союзников. Внешняя политика США строилась на основе доктрины «отбрасывания и сдерживания коммунизма», и это препятствовало достижению компромисса.

Тем не менее решение было найдено, и в 1954 г. в Женеве было подписано соглашение, в соответствии с которым Лаос и Камбоджа должны были стать независимыми нейтральными государствами, Северная часть Вьетнама до 17 параллели переходила под контроль правительства ДРВ; сюда из южной части страны должны были быть выведены вооруженные формирования вьетнамских коммунистов. В Южном Вьетнаме сохранялось правительство императора Бао Дая, но через два года предполагалось провести всеобщие выборы как на севере, так и на юге, после выборов должно было быть осуществлено мирное объединение страны. Однако Женевские соглашения по Индокитаю не были реализованы в полном объеме. Этому помешали действия США, которые после ухода Франции стали активно поддерживать антикоммунистические силы на юге Вьетнама. Вскоре вооруженный конфликт возобновился. Если сначала в нем принимали участие только войска проамериканского южновьетнамского режима и южновьетнамские партизаны, то впоследствии сюда была направлена полумиллионная группировка сухопутных войск американской армии и крупные силы американских ВВС и ВМФ. Масштабы военных действий возросли и затронули весь Индокитайский полуостров и прилегавшие территории.

В этом конфликте США потерпели не столько военное, сколько политическое поражение. Оказавшись примерно в той же ситуации, что и Франция в 1954 г., США вынуждены были пойти на мирные переговоры. Эти переговоры проходили в 1973 г. в Париже при участии делегаций США, проамериканского правительства Республики Вьетнам, ДРВ и созданного коммунистами Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. В соответствии с подпи-

санскими соглашениями, американские войска были выведены из Индокитая, что способствовало завершению войны и объединению Вьетнама. Американская внешняя политика завела США в тупик, за выход из которого пришлось заплатить международным престижем и длительным «вьетнамским синдромом».

Основная функция переговоров по урегулированию международных конфликтов — поиск решений по мирному урегулированию; кроме этой переговорный процесс объективно может выполнять еще ряд функций:

- 1) *информационную*, поскольку участники переговоров обмениваются между собой информацией, важной не только для достижения цели переговоров, но и для развития всего комплекса отношений между ними;
- 2) *коммуникативную*, поскольку между участниками переговоров, независимо от результата, происходят контакты;
- 3) *координационно-регуляционную*, поскольку так или иначе осуществляется контроль за выполнением принятых соглашений, например о перемирии или прекращении огня, и за общей ситуацией, складывающейся вокруг конфликта;
- 4) *пропагандистскую*, поскольку участники переговоров обращаются не только к противоположной стороне, но и к общественному мнению своей страны, международному общественному мнению, различным политическим силам и социальным группам;
- 5) *функцию решения внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем* страны-участницы.

При реализации последней из перечисленных функций официально декларируемые цели переговоров становятся лишь ширмой, а сами переговоры не приводят к позитивным результатам. Например, такая ситуация сложилась во время переговоров между военными делегациями СССР, Великобритании и Франции летом 1939 г. в Москве. Переговоры велись для того, чтобы скоординировать усилия трех государств по обеспечению военной безопасности в Европе и предотвращению агрессивных действий со стороны гитлеровской Германии. Однако правительства Великобритании и Франции, ответственные за последствия мюнхенских соглашений, пошли на московские переговоры лишь под давлением общественного мнения. На самом деле и Чемберлен, и Даладьё оставались сторонниками мюнхенской политики «умиротворения» и все еще надеялись договориться с Гитлером.

Поэтому английская и французская делегации были направлены в Москву морским путем через Ленинград, с тем чтобы задержать начало переговоров; к тому же французская делегация не имела полномочий на подписание каких-либо значимых документов.

Московские переговоры служили прикрытием подлинных намерений не только для лидеров западных держав, но и для Сталина. Советский лидер разуверился в возможностях сотрудничества с западными демократиями и сам прозондировал почву для сближения с гитлеровской Германией. Обе стороны переговоров были неискренними в отношениях друг к другу и не стремились достичь заявленных целей, поэтому не удивительно, что переговоры закончились ничем. Но Сталину казалось, что ему удалось выиграть от задуманной комбинации. Буквально сразу после окончания англо-франко-советских переговоров в Москву самолетом, а не пароходом или поездом, прибыл министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, с которым и был подписан советско-германский Пакт о ненападении. В итоге вместо того, чтобы остановить фашистскую агрессию, демократические страны Запада и коммунистический Советский Союз фактически открыли ей дорогу.

§ 2. Особенности подготовки и организации международного переговорного процесса

Наиболее оптимальный путь мирного выхода из конфликтной ситуации — переговорный процесс. Для того чтобы переговоры состоялись, необходимы определенные условия.

Прежде всего необходимо обеспечить так называемое *переговорное пространство*. Оно предполагает совпадение границ, в которых конфликтующие стороны готовы вести переговоры и искать взаимоприемлемые решения даже при условии отхода от своих первоначальных позиций. Переговорное пространство означает согласие сторон рассматривать ситуацию не только с собственных позиций. Если конфликтующие стороны понимают, что достижение договоренности потенциально возможно, значит, переговорное пространство для них существует.

На практике переговорного пространства может и не быть. Приведем пример из области нашей недавней политической истории.

Когда начался второй вооруженный конфликт в Чечне, со стороны западных и российских правозащитников, некоторых политических и государственных деятелей раздавались многочисленные призывы к началу мирных переговоров. Однако при этом все игнорировали то обстоятельство, что в тот момент переговорного пространства между федеральными властями и чеченскими сепаратистами не существовало. Федеральные власти были готовы вести переговоры только исходя из того, что Чечня является субъектом Российской Федерации, позиция же сепаратистов отражалась в лозунге «Чечня — субъект Аллаха», т. е. они имели в виду, что в качестве предварительного условия российская сторона должна признать полную независимость мятежной республики. В отсутствие переговорного пространства переговоры состояться не могли.

Другой пример касается уже области международных отношений. Долгое время арабские государства, арабские политические организации и движения были едины в полном непризнании государства Израиль. Вопреки решениям ООН они считали существование еврейского государства нелегитимным, а экстремистские силы стремились «сбросить Израиль в море». В такой ситуации арабам и израильтянам попросту не о чем было договариваться, следовательно, никакого переговорного пространства между ними не было.

В отсутствие переговорного пространства следует искать причину иных, достигнутых не в результате переговоров решений. На языке конфликтологии они называются *ATNA* (альтернатива переговорному решению) и *BATNA* (лучшая альтернатива переговорному решению). Четкого и однозначного толкования эти термины не имеют. Если переговорное пространство отсутствует, но есть возможность найти лучший выход из конфликтной ситуации, чем переговоры, то эту возможность используют. Главный недостаток переговорного пути принятия решения заключается в том, что этот путь требует времени, которого может и не быть.

Однако не всякое решение конфликтной ситуации, принятое вне переговоров, может быть признано лучшим. Вряд ли лучшим решением может быть капитуляция или продолжение вооруженной борьбы, при которой неизбежны новые жертвы и разрушения. Если *BATNA* отсутствует, а *ATNA* по тем или иным причинам неприемлема, то конфликтующим сторонам остается только попытаться совместными усилиями создать переговорное пространство.

Но даже тогда, когда переговорное пространство есть, началу переговорного процесса по мирному урегулированию международного

конфликта предшествует *подготовительный период*. До начала переговоров стороны совместно, часто с участием посредников, должны решить все организационные вопросы. Каждой стороне в отдельности также необходимо пройти подготовительный этап, который создаст основу для принятия конструктивных решений.

Для решения организационных вопросов нередко проводятся так называемые «переговоры о переговорах», где обсуждаются вопросы о сроках и месте проведения «основных переговоров», а также их повестка дня. Необходимо договориться, на каком уровне будут представлены переговоривающиеся стороны. Иногда существует необходимость предварительного обсуждения и мелких протокольных деталей: порядок размещения участников за столом переговоров, порядок входа и выхода делегаций из помещения, где проводятся переговоры.

Конфликтующие стороны должны сформировать соответствующие делегации для проведения переговоров. Их численность и состав зависят от характера и содержания вопросов, которые станут предметом переговоров. Наряду с государственными деятелями и дипломатами в состав делегации могут быть включены и специалисты по военным, экономическим, научно-техническим, экологическим и иным проблемам. Следует стремиться к оптимальной численности делегации, поскольку слишком большой ее состав может создать неудобства организационного, бытового или финансового характера.

С содержательной стороны подготовка к переговорам предусматривает тщательный анализ проблем, которые предстоит обсуждать. На основе такого анализа стороны формулируют собственную переговорную позицию, которая представляет официальный взгляд на проблему, выраженный в каких-либо предложениях и заявлениях. Наряду с переговорной позицией перед началом переговоров целесообразно выработать переговорную концепцию, определяющую основные конечные цели и приоритеты переговорного процесса, а также подготовить возможные варианты итогового решения.

Вырабатывая варианты решений, необходимо учитывать следующие аспекты.

1. Каково будет состояние проблемы после реализации каждого из возможных вариантов?
2. Сколько времени потребуется для реализации каждого решения?
3. Какие трудности могут возникнуть при реализации каждого из вариантов решений и как эти трудности можно преодолеть?

4. Как отразится каждое из решений на политической ситуации в международных отношениях?

На стадии подготовки к переговорам определяются стратегии и тактика переговорного процесса, о которых речь пойдет дальше.

Если времени для подготовки переговорного процесса достаточно, то можно провести деловые игры, чтобы проверить степень готовности делегации в целом и ее отдельных участников к решению задач, стоящих перед ними. Для коллективного поиска возможных вариантов решений применяют широко известный метод мозгового штурма.

§ 3. Стратегия и тактика переговорного процесса

В процессе переговоров по урегулированию международных конфликтов стороны могут придерживаться различных стратегий.

Конфликтующие стороны могут продолжать курс на *конфронтацию*, достижение односторонних выгод для себя в ущерб интересам партнера. По сути, речь идет о стремлении добиться победы, но не с помощью насильственных действий, а иными методами. Для достижения этой цели стороны ведут себя как участники торговых отношений, где каждый преследует собственную выгоду. Такое поведение участников переговоров принято называть *торгом*. Торг как стиль (стратегия) переговоров может быть использован одной из сторон и в том случае, когда главной целью переговоров для нее не является достижение соглашения по какой-либо спорной проблеме. Другими целями переговоров могут быть цели информационно-консультативные, отвлечение внимания общественности от определенных проблем, определение слабых мест другой стороны.

Партнерский стиль переговоров, когда участники стремятся сообща найти взаимовыгодное и взаимоприемлемое решение спорных проблем, противоположен торгу. Если принято принципиальное решение искать выход из конфликтной ситуации мирным путем, если существует понимание того, что только таким может быть переговорный процесс, то стороны должны придерживаться партнерского стиля.

Возможна также комбинация двух вышеназванных стилей, когда периоды торга сменяются периодами партнерского взаимодействия и наоборот.

В зависимости от того, какой стиль доминирует в переговорном процессе, избираются конкретные тактические приемы, характерные для каждого из стилей.

Переговорный процесс включает в себя *три этапа*. Первый этап переговоров начинается со взаимного уточнения позиций, представления точек зрения по обсуждаемым вопросам в соответствии с интересами участников и выработанной ими переговорной концепцией.

Вслед за первым, начальным этапом переговоров следует основной этап, в ходе которого разворачивается дискуссия, цель которой — выработка общих рамок предполагаемого решения.

На третьем, заключительном этапе переговоров достигается окончательное соглашение между участниками.

Если для какой-либо из сторон, а возможно и для всех, главная цель переговоров — информационно-консультативная, то переговоры могут застопориться на первом этапе. В результате переговоры превращаются в простые консультации. Если главная цель одной из сторон — пропагандистская, то эта сторона будет всячески затягивать дискуссионный этап переговоров, уклоняясь от принятия какого-либо конкретного решения. Именно так поступал Лев Троцкий во время переговоров в Брест-Литовске, в итоге он и вовсе отказался подписать предложенный немцами вариант мирного договора.

Практика ведения переговоров во всех сферах общественной жизни включает множество тактических приемов, применяемых договаривающимися сторонами для достижения своих целей. Не все эти приемы могут быть использованы в сфере международных отношений и тем более в ситуациях урегулирования международных конфликтов.

Выбор конкретных *тактических приемов* ведения переговоров зависит от избранной стратегии (стиля) переговорного процесса. Если применяется стратегия торга, то наиболее активно используются такие приемы:

- ◆ завышение первоначальных требований;
- ◆ последовательное повышение требований в ходе переговоров;
- ◆ расстановка ложных акцентов;
- ◆ выдвижение новых требований в последний момент перед достижением соглашения;
- ◆ введение партнера в заблуждение относительно собственной позиции или ресурсов;

- ◆ быстрая смена предложений, не оставляющая возможности для взвешенных решений;
- ◆ выдвижение ультимативных требований и др.

Все эти тактические приемы используются для того, чтобы вынудить партнера пойти на уступки и тем самым реализовать собственные цели в максимально большем объеме. В международных переговорах нередко используют различные средства оказания психологического давления на партнеров. С этой целью в средствах массовой информации могут проводиться пропагандистские кампании.

Прием *завышения первоначальных требований* рассчитан на то, что образуется некий дополнительный запас, который можно использовать в процессе торга без ущерба для собственных интересов. При этом у другой договаривающейся стороны возникает иллюзия взаимных уступок. По мере исчерпания этого «буферного» запаса можно будет остановиться на максимально выгодном для себя варианте. А противоположная сторона будет воспринимать достигнутую договоренность как результат совместных усилий и собственный успех.

Выдвижение требований по нарастающей рассчитано на то, что, добившись от партнера уступки один раз, можно попытаться заставить его делать уступки и в дальнейшем. Наступающая сторона получает в этом случае некоторое преимущество. Правда, используя этот прием, важно «не перегибать палку», поскольку постепенное повышение требований имеет некие границы, и если их перейти, можно получить обратный эффект.

Используя прием *расстановки ложных акцентов*, одна из договаривающихся сторон надеется на то, что другая сторона будет введена в заблуждение относительно подлинной цели переговоров. При успешном использовании данного приема в процессе переговоров можно будет отказываться от непринципиальных и неважных для договаривающейся стороны позиций, однако в ответ противоположная сторона должна будет сделать уступки, важные не только для нее, но и для партнера по переговорам.

Выдвижение требований в последний момент, так же как и *предъявление ультиматума*, рассчитано на то, что партнер не захочет после уже затраченных усилий срывать переговорный процесс и пойдет на дополнительные уступки.

Иногда при ведении переговоров сторона, избравшая стратегию торга, может применить прием, называемый «*салями*». Такое образное название этот прием получил потому, что его реализация напоминает

процесс отрезания тонких кусочков от палки колбасы: информация о позициях, требованиях и возможных уступках подается столь малыми дозами, что у другой стороны заканчивается терпение, и она стремится завершить переговоры быстрее, не считаясь с издержками.

Если выбирается стратегия совместного решения проблем, породивших конфликтную ситуацию, используются тактические приемы, способствующие созданию и сохранению взаимного доверия и поиску решений, приемлемых для обеих сторон. В процессе конфликтного взаимодействия всегда накапливается некоторый потенциал взаимной подозрительности и недоверия. В таких условиях быстрое решение накопившихся проблем нереально, поэтому часто вполне оправданно применяется прием *постепенного усложнения обсуждаемых вопросов*. Сначала дискуссия идет по второстепенным, непринципиальным вопросам, что дает возможность быстрее прийти к согласию и получить опыт совместных конструктивных действий. Как только первые точки соприкосновения найдены, можно переходить к обсуждению более сложных проблем, поскольку опыт успешного совместного достижения взаимоприемлемого результата уже накоплен.

В сложной конфликтной ситуации, когда количество спорных вопросов велико и нет возможности одновременно решить их все, оправданно использование тактического приема *вынесения спорных вопросов за скобки*. В таком случае на повестке дня остаются вопросы, по которым возможно относительно быстро найти общее решение. Так, например, было сделано во время Ташкентских переговоров между Индией и Пакистаном в 1965 г., когда стороны решили не обсуждать острые вопросы о принадлежности Кашмира и референдуме по его статусу, а сосредоточиться на вопросах, связанных с вооруженным противостоянием между ними.

Наиболее распространен в практике международных переговоров прием *пакетирования* («пакета»), или *увязки*. Этот прием можно применять и при использовании стратегии торга, однако он более уместен, когда реализуется стратегия партнерства и участники нацелены на совместный поиск взаимоприемлемого выхода из конфликтной ситуации. Такой прием заключается в формировании некоего «пакета» предложений, в который примерно в равной пропорции включены решения, отвечающие интересам обеих сторон. Таким образом, взаимоприемлемые решения «увязываются в пакет» и принимаются целиком. Примером использования «пакетного» решения спорных вопросов в международных отношениях служат переговоры между Россией и Белоруссией в 2006–2007 гг. по вопросам поставок российского газа.

К моменту проведения этих переговоров все другие республики бывшего СССР, кроме Белоруссии, стали получать российский газ по более высоким ценам. Для Белоруссии цена на газ сохранялась на самом низком уровне, что наносило ущерб экономическим интересам «Газпрома» и Российской Федерации. Одновременно «Газпром» был заинтересован в приобретении акций предприятия «Белтрансгаз», через трубопроводную сеть которого перекачиваются значительные объемы российского газа. Белорусская сторона готова была продать эти акции по ценам, сопоставимым с ценами подобных объектов в Западной Европе. Однако получать российский газ по западноевропейским ценам Белоруссия не хотела. В итоге трудных переговоров было найдено пакетное решение, которое закрепило хотя и возросшие, но в целом льготные цены на российский газ для Белоруссии и адекватные цены на акции «Белтрансгаза».

§ 4. Национальные стили ведения переговоров

В процессе переговоров по урегулированию международных конфликтов в диалог вступают не только представители разных государств, отстаивающие свои национальные интересы, но и представители разных культур и цивилизаций. Прежде всего речь идет о западной и восточной цивилизациях, различия между которыми и сегодня весьма существенны.

Цивилизационные основы Запада за последнее столетие изменились в результате модернизации. На Востоке модернизация носила догоняющий, вторичный характер и коснулась преимущественно технологической сферы общественной жизни, в меньшей степени затронув духовную сферу, где все еще весьма сильным остается влияние обычаев и традиций.

В целом различие «западного» и «восточного» подходов к переговорному процессу заключается в том, что представители Европы и Америки больше внимания обращают на логически-рациональный аспект переговоров, а для представителей стран Востока важен и эмоциональный аспект. При встрече носителей западной и восточной культур проявляются различия их восприятия времени и роли временного фактора переговорного процесса. Западные политики и дипломаты привыкли к быстрому бегу времени, что определяется динамичной социальной жизнью Запада в последнее столетие. В восточной

культуре ход времени не столь поспешен, поэтому понятие «быстро» и «медленно» для этих двух культур различно: то, что людям Востока представляется быстрым, людям Запада кажется медленным.

В практике современных международных отношений значительная часть переговоров, в том числе и по вопросам урегулирования международных конфликтов, ведется профессиональными дипломатами. В дипломатической среде сложилась специфическая переговорная субкультура, в значительной степени нивелирующая цивилизационные и национальные различия. Однако преодолеть их полностью даже в этой среде не удастся. Кроме того, в переговорном процессе активную роль играют политические лидеры и общественные деятели, не имеющие специальной дипломатической подготовки, поэтому следует обязательно учитывать особенности национального стиля переговоров.

Особенности национального стиля переговоров определяются рядом факторов. Во-первых, это факторы, обуславливающие механизмы принятия решений в процессе переговоров:

- ◆ степень свободы и самостоятельности руководителя делегации и ее членов;
- ◆ степень жесткости установок и инструкций, на основе которых руководитель и члены делегации подходят к выработке решений.

Во-вторых, это ценностные ориентации, идеологические установки, религиозные убеждения, этнопсихологические особенности восприятия и мышления, оказывающие влияние на общий подход к переговорному процессу. В-третьих, это особенности политической и национальной культуры, обуславливающие выбор стратегии и тактические приемы, используемые в переговорном процессе.

В рамках западной культуры в ведении переговоров целесообразно выделить американский, английский, французский и немецкий национальные стили. Обращение к представителям таких стран, как США, Великобритания, Франция, Германия, определяется той ролью, которую играли эти государства в истории международных отношений, а также местом, которое они занимают в современной мировой политике.

Общеизвестно, что Соединенные Штаты Америки претендуют на особую роль и особое место в мировой политике. У многих американских политических деятелей и политологов сложилось убеждение, что США одержали победу в холодной войне, в результате чего сложился

так называемый *Pax Americana* (мир по-американски), в котором единственная оставшаяся сверхдержава должна выполнять особую историческую миссию. Такое представление находит свое выражение в присутствии современных американских политикам и дипломатам стили ведения международных переговоров. Представители США совмещают в переговорном процессе прагматизм при подходе к конкретным проблемам с идеологизированными мнениями об универсальности и моральной непогрешимости ценностей, на которых основана американская внешняя политика. Свою точку зрения они воспринимают как единственно верную, поэтому не готовы понять до конца позиции тех, кто им противостоит. Во многом именно в этом кроются причины неудач переговоров по вопросам наличия оружия массового поражения у Северной Кореи и Ирана.

Во время переговоров американские политики и дипломаты ориентируются на присущий американской политической культуре образ универсального человека, живущего и действующего вне пространства и вне времени. Поэтому акцент в предлагаемых ими решениях делается на политические технологии универсального характера, лишённые какой-либо национальной специфики. Причем это касается не только переговоров. Ошибочное представление о том, что в Ираке можно было повторить опыт демократизации послевоенных Германии и Японии, основано на том же подходе.

Вместе с тем в международных переговорах проявляется свойственный американцам в обыденной жизни прагматизм и практицизм. Это находит выражение в том, что американские дипломаты и политики в своей аргументации предпочитают исходить не из теории, а из фактов. Во время многосторонних переговоров американцы стремятся балансировать между противоположными позициями, соответствующими национально-государственным интересам различных участников, и способны быстро перестраиваться в зависимости от изменения ситуации. Американские делегации тщательно готовятся к переговорам и ожидают столь же тщательной подготовки от своих партнеров. Американцы предпочитают высокий темп дискуссии, из-за чего они часто производят впечатление чрезвычайно напористых и даже агрессивных, однако это особенности их национального стиля ведения переговоров, а не отношение к тому или иному конкретному партнеру.

Американскому переговорному стилю присущи также внешне выражаемые открытость, дружелюбие, оптимистичность, что не следует

воспринимать как готовность во всем идти навстречу партнерам. Скорее, это проявляющиеся в американской переговорной культуре черты американского образа жизни.

На переговорах американская сторона наиболее часто использует тактический прием пакетного предложения, а при подготовке итоговых соглашений американцы предпочитают подробно описывать все детали, в результате чего объем итоговых документов может быть весьма значительным.

Даже тогда, когда переговоры носят сугубо официальный характер, американские делегации и их отдельные члены стремятся по возможности не ограничиваться формальным общением, а общаться и неформально. В отличие от них, англичане всегда держатся официально. В английском стиле переговоров отражается присущий британскому образу жизни консерватизм, который выражается как во внешней манере держаться, так и в соблюдении принятых ритуалов и традиций ведения переговорного процесса.

При подготовке к переговорам англичане, как правило, обращают внимание на принципиальные вопросы и не углубляются в детали, прагматично полагая, что наилучшие решения можно найти уже в ходе самого переговорного процесса в зависимости от позиции партнеров и складывающейся ситуации. Так же как и американцы, англичане отдают предпочтение не теоретическим концепциям, а эмпирическому знанию, конкретным фактам, но, в отличие от американцев, они менее склонны к риску, более осторожны в выборе возможных альтернатив.

Профессиональная подготовка членов английских делегаций, как правило, высока. Общеизвестно, что англичане на переговорах проявляют себя как хорошие психологи. Возможно, это объясняется вниманием к изучению психологии в британских университетах при подготовке специалистов в области политических наук и международных отношений.

Немцы особое внимание уделяют именно детальной подготовке к предстоящим переговорам, стремятся учесть все возможные вопросы и нюансы, с ними связанные. Очень часто германские делегации действуют в рамках подробно прописанных инструкций. В этом проявляются присущие немецкому национальному характеру пунктуальность и педантизм. Это необходимо учитывать при переговорах с немецкими партнерами; кроме того, им надо предлагать четкие, ясные и логичные решения. Следует помнить о том, что для немцев харак-

терно особое уважение к служебной иерархии, официальному статусу членов делегации противоположной стороны и членов собственной делегации. Поэтому точность в обозначении служебных рангов и официальных титулов, детальное соблюдение дипломатического протокола — обязательное условие успешного взаимодействия с немецкой делегацией.

В работах по конфликтологии и международным отношениям подчеркивается, что французы уделяют особое внимание рабочему языку международных переговоров. Отчасти в этом проявляется традиционное французское стремление проводить политику по защите и распространению французского языка и французской культуры. Но есть и другая причина того, что в области дипломатии и международных отношений французы отстаивают позиции своего языка. На протяжении XIX — 1-й половины XX в. французский язык был языком международного общения, на нем велись дипломатические переговоры, составлялись важнейшие международные документы. Это свидетельствовало о важной роли Франции, считавшейся одной из великих держав тогдашнего мира. Впоследствии Франция утратила статус великой державы, постепенно и французский язык потерял свое прежнее значение. Однако именно французский — официальный язык Организации Объединенных Наций, на нем пишутся тексты международных правовых актов, он может быть рабочим языком международных конференций и переговоров. Поэтому когда партнеры французских переговорщиков соглашаются там, где возможно, использовать французский язык, это вызывает у представителей Франции положительные эмоции и может создать хороший фон для успешного ведения переговоров.

По мере того как в современной мировой политике возрастает роль Азиатско-Тихоокеанского региона, все большее внимание в специальной литературе по проблемам международных переговоров уделяется особенностям переговорной культуры представителей таких государств, как Китай и Япония. Между китайским и японским национальными стилями ведения переговоров есть немало общего, связанного с конфуцианскими традициями, однако существуют и различия.

Японские делегации никогда не начинают переговоры с обсуждения основного вопроса повестки дня, они предпочитают переходить к нему постепенно, через обсуждение мелких деталей, попутно выясняя для себя позиции партнеров. Следуя конфуцианской традиции стремления к гармонии, японцы во время переговоров избегают открытого

столкновения позиций. Из этого европейские и американские партнеры японцев могут сделать не всегда верные выводы. Например, в японском переговорном стиле не принято открыто и однозначно отвергать предложение другой стороны. Исходя из своих традиций, японцы обращают отказ в такую вежливую форму и сопровождают его такими проявлениями дружелюбия, что у партнеров складывается совершенно искаженное впечатление о позиции японской стороны, в результате «нет» может восприниматься как «да».

Японцы очень благожелательно воспринимают любую уступку, сделанную другой стороной, и практически всегда готовы на встречные уступки по другим вопросам. Очень важно для них в переговорном процессе «сохранить лицо». Данное обстоятельство также следует учитывать партнерам, имеющим дело с японской делегацией.

Китайский национальный стиль ведения переговоров возник на основе одной из древнейших цивилизаций современного мира. За многотысячелетнюю историю Китая был накоплен огромный опыт ведения переговоров, сформировалась своеобразная стратегия переговорного процесса. Китайские делегации на международных переговорах, как правило, весьма многочисленны и включают специалистов и экспертов по самым разным вопросам. Это связано с тем, что китайцы никогда не принимают решений без тщательного изучения всех аспектов вопроса и возможных последствий предполагаемых соглашений.

В процессе переговоров китайская сторона внимательно следит за поведением партнеров, учитывает все ошибки и промахи, используя их в своих интересах. Китайцы предпочитают действовать так, чтобы противоположная сторона первой «открыла карты», с тем чтобы получить для себя тактическое преимущество. Один из излюбленных тактических приемов китайских делегаций — согласие на уступки в самом конце переговоров, когда кажется, что никаких шансов на достижение соглашения не осталось. Как правило, китайцы стремятся, чтобы переговоры проходили в духе дружбы и создают для этого соответствующую психологическую атмосферу.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные функции международных переговоров.
2. Что такое переговорное пространство?
3. Какие существуют подходы к переговорному процессу?

4. Что предполагает подготовка к международным переговорам? В чем роль подготовительной стадии?
5. Перечислите известные вам тактические приемы ведения международных переговоров.
6. Сравните национальные стили ведения переговоров, присущие представителям стран Западной Европы, Северной Америки и Дальнего Востока. В чем состоит различие западной и восточной переговорной культуры?
7. Существует ли российский национальный стиль ведения переговоров?

Глава XV

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1. Роль международного права в регулировании международных отношений

- ▶ *Международное право* — это совокупность юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права. *Субъектом международного права* является носитель международных прав и обязанностей, возникших в соответствии с общими нормами международного права либо международно-правовыми предписаниями.

Существуют две категории субъектов международного права: *первичные* (суверенные) и *производные* (несуверенные).

К *первичным субъектам* международного права относятся государства (в некоторых случаях народы и нации) в силу присущего им национального суверенитета. Государства признаются носителями международно-правовых норм и обязанностей. *Суверенитет* делает их независимыми от других субъектов международного права и дает возможность самостоятельно участвовать в международных отношениях. Государства — полновластные и организованные субъекты международного права, имеющие решающие средства воздействия на международные отношения и обладающие универсальным правом участия в любых международно-правовых действиях.

Производными (несуверенными) субъектами международного права считаются *межправительственные организации*, создаваемые первичными субъектами международного права. Учреждая таковые, государства наделяют их международно-правовой правосубъектностью. Правосубъектность международной организации специальна по своей

сути, поскольку ограничена целями и полномочиями, которые регламентированы соответствующими учредительными документами. К основным правам международных организаций относятся: права участвовать в создании международно-правовых норм, пользоваться привилегиями, иммунитетами и внутренними правами, определяемыми государствами-участниками.

Международно-правовым статусом пользуются и некоторые политико-территориальные образования, например *вольный город* и *город-государство*. Вольный город — это самостоятельное территориально-политическое образование с правовым режимом, установленным договором и гарантированным государствами или международными организациями. Статус вольного города имели Краков (1815 г.), Данциг (1919 г.), Триест (1947 г.), Западный Берлин (1971 г.). Ватикан — город-государство, Международный центр католической церкви. В силу сложившегося обычая Ватикан активно участвует в международных отношениях, сотрудничает в международных организациях, подписывает международные договоры.

Государство как основной субъект международного права характеризуют три элемента: *население, территория* и *суверенная власть*. Территориально-организационная структура государства может быть различной. Существуют *простые* (унитарные) и *сложные* государства. Сложное государство — это федерация, представляющая собой объединение территориальных единиц, пользующихся определенной политико-правовой самостоятельностью. Конфедерация — это международно-правовое объединение государств, координирующих свои действия, особенно во внешнеполитической и военной областях. В классическом виде конфедерация не является субъектом международного права, международной правосубъектностью обладают лишь ее члены.

Основу международно-правового статуса государства составляют права и обязанности. К основным *правам* относятся:

- ◆ право на независимость и свободное осуществление своих законных прав;
- ◆ право юрисдикции над своей территорией, лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов;
- ◆ равноправие с другими государствами;
- ◆ право на индивидуальную или коллективную самооборону против вооруженного нападения.

В *обязанности* государства входит уважение суверенитета других государств, соблюдение принципов международного права.

Основной признак любого государства — его суверенитет, который означает верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность во взаимоотношениях с другими государствами. Международное право рассматривает в качестве своего субъекта и участника международных отношений не какие-либо государственные органы или отдельных лиц, а государство в целом. Все значимые международно-правовые действия, совершенные уполномоченными официальными лицами, считаются совершенными от имени государства. Государства как носители суверенитета равны между собой юридически. Соответственно каждое из них обладает в международных отношениях одинаковой степенью юридической самостоятельности и независимости. Суверенитет государства возникает и исчезает вместе с его возникновением и исчезновением.

Главная функция *международного права* заключается в регулировании международных отношений, поскольку в роли главных его субъектов выступают государства. Следовательно, механизм формирования и действия норм международного права носит межгосударственный, а не надгосударственный характер. В международных отношениях не существует надгосударственных механизмов принуждения. При необходимости государства сами обеспечивают поддержание международного правопорядка с помощью созданных ими международно-правовых институтов. Международное право выполняет следующие функции:

- ◆ регулирующую, поскольку устанавливает твердые правила взаимоотношений государств;
- ◆ обеспечительную, потому что побуждает государства следовать определенным правилам поведения;
- ◆ охранительную, так как обеспечивает законные права и интересы государств.

Международное право зародилось вместе с появлением государств и возникновением международных отношений. Первоначально, в Древнем мире, международное право выступало в форме правовых обычаев (например, обычай заключения перемирия) и было весьма несовершенно. В период Средневековья в международно-правовую практику вошли такие понятия, как *суверенитет*, *нейтралитет*, *открытое море*; появились посольства, новые, более совершенные виды договоров. Труды голландского юриста Г. Гроция (1583–1645) и его последовате-

лей положили начало формированию международного права как самостоятельной области науки.

После революций XVII–XVIII вв. началось формирование качественно иных международных отношений и соответствующего им международного права. В международные отношения пришли идеи равенства, суверенитета, невмешательства во внутренние дела, неприкосновенности государственной территории, неотъемлемости основных прав и свобод человека.

По мере развития экономических, технических, военных и других международных связей появились международные договоры и межгосударственные соглашения, регулирующие вопросы международного сотрудничества в самых различных областях. После Первой мировой войны, в 1919 г. была учреждена первая универсальная международная организация — Лига Наций. Однако она не смогла стать надежным институтом обеспечения мира и безопасности государств. Эта задача была возложена на Организацию Объединенных Наций, созданную в 1945 г., после окончания Второй мировой войны. В 1970-е гг. государствами был разработан целый комплекс международно-правовых норм, призванных способствовать разоружению, укреплению безопасности и взаимодействию стран Европы. Была проведена работа по кодификации международного права, подписаны конвенции о праве международных договоров, правопреемстве государств, правах человека и т. д. В настоящее время процесс совершенствования международного права продвигается вперед благодаря активному международному сотрудничеству государств, хотя в этом сотрудничестве существуют и трудности, мешающие выработке новых норм международного права, которые должны соответствовать новым реалиям международной жизни.

§ 2. Источники, нормы и принципы международного права

Неотъемлемыми элементами системы международного права служат *международно-правовые нормы*. Они группируются в относительно самостоятельные комплексы, называемые отраслями и институтами международного права.

Международно-правовой институт — это группа правовых норм, которая регулирует однородные международные отношения, связанные между собой общим объектом (например, институт территори-

ального моря). Объектом отрасли является весь комплекс однородных международных отношений (например, международное воздушное право). Существуют также отрасли и институты, общие для всего международного права. Это комплексы международно-правовых норм, касающиеся международно-правовой субъектности, ответственности. При этом границы между указанными отраслями и институтами довольно условны, что объясняется существенными изменениями, происходящими как в отдельных отраслях международного права, так и во всей его системе в целом.

Основной и главный источник международного права — *международный договор*, поскольку он в четкой, определенной форме выражает волю сторон, направленную на установление, изменение или прекращение их взаимных прав и обязанностей. Подавляющее большинство норм современного международного права имеет договорный характер, и данные договорные нормы международного права признаны подавляющим большинством его субъектов.

Другим источником международного права выступает *международный обычай*. Обычные нормы международного права — это нигде не зафиксированные, но юридически обязательные правила поведения, которых государства и другие субъекты международного права придерживаются в силу сложившихся традиций.

Решения и *постановления международных организаций*, не являясь источником международного права, могут играть значительную роль в процессе формирования норм и стать правовой нормой только в случае ее признания участниками международного общения. Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 25 Устава ООН принимает решения, обязательные для государств — ее членов. Однако такие решения касаются отдельных случаев и должны быть основаны на действующих принципах и нормах международного права. Они представляют собой акты применения к какой-либо конкретной ситуации действующих принципов и норм. Национальное законодательство, а также решения национальных судов имеют обязательную силу только для субъектов национального права, но отдельные их положения могут получить международное признание и стать либо договорными, либо обычными нормами международного права.

Все нормы международного права можно классифицировать по сфере действия на *универсальные, локальные и региональные*, а по нормативной силе действия — на *императивные* и *диспозитивные*.

Универсальные нормы международного права регулируют отношения всех его субъектов. Главные отличительные признаки этих

норм — глобальность действия, всеобщая обязательная сила, создание и отмена их международным сообществом в целом. Универсальные нормы образуют общее международное право.

Локальные нормы действуют среди ограниченного круга участников. Их основным источником становятся договоры, которые регулируют отношения, не охватываемые общим международным правом. Локальные нормы не входят в общее международное право.

Действие региональных норм распространяется на субъекты международного права в пределах определенных регионов. В связи с развитием интеграционных процессов эти нормы обеспечивают потребности государств в более высоком уровне нормативного регулирования вплоть до создания такой его формы, как наднациональная (например, Европейский Союз).

К императивным относятся нормы, устанавливающие четкие, конкретные пределы определенного поведения. Субъекты международного права не могут по собственному усмотрению изменять объем и содержание своих прав и обязанностей. Диспозитивными считаются нормы, в рамках которых субъекты международного права по взаимному соглашению могут сами в зависимости от обстоятельств определять свое поведение, права и обязанности.

Принципы международного права образуют его фундамент. Они обладают высшей юридической силой и представляют собой наиболее важные, *системообразующие* нормы международного права. Остальные нормы и международные действия должны соответствовать им. Принципы международного права обязательны для всех субъектов. Они имеют универсальный императивный характер и служат критериями законности всех остальных международных норм. Принципы международного права взаимосвязаны, и за нарушением одного из них неизбежно следует несоблюдение других. Формируются они на основе обычая и договора.

Первоначально принципы международного права выступали в форме международно-правовых обычаев, но с принятием Устава ООН они обрели договорно-правовую форму. Однако и в этом документе принципы международного права изложены еще в прежней форме, требующей более детального их раскрытия. В 1960-е гг. в ООН была проведена работа по кодификации основных принципов Устава, которая завершилась в 1970 г. принятием Генеральной Ассамблеей Декларации о принципах международного права, подлежащих применению с целью развития дружеских отношений и сотрудничества между государствами. В Декларации представлены все семь основных принципов:

- 1) принцип неприменения силы и угрозы силой;
- 2) принцип мирного разрешения споров;
- 3) принцип суверенного равенства государств;
- 4) принцип невмешательства;
- 5) принцип самоопределения народов;
- 6) принцип сотрудничества;
- 7) принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

К Заключительному акту Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе добавлены еще три принципа: нерушимость границ, территориальная целостность государств и уважение прав человека, его основных свобод.

Все принципы международного права можно разделить на две группы. Первая группа объединяет *принципы сохранения мира и поддержания всеобщей безопасности*: неприменения силы или угрозы силой; мирного разрешения международных споров; территориальной целостности государств; нерушимости границ.

Особое значение имеет принцип неприменения силы и угрозы силой. В соответствии с ним запрещаются любые виды прямых или косвенных агрессивных действий одного государства против другого. В том числе запрещается вооруженное вторжение на чужую территорию и ее оккупация, бомбардировки и обстрелы, установление морской и воздушной блокады, засылка вооруженных бандформирований, поощрение терроризма и т. д. Государство — жертва агрессии получает право на индивидуальную или коллективную самооборону, вплоть до применения вооруженной силы против агрессора.

Принцип мирного разрешения международных споров вытекает из принципа неприменения силы. Принцип территориальной целостности и принцип нерушимости границ должны обеспечивать сохранение территории всех суверенных государств в рамках их признанных международным сообществом границ. Но если принцип территориальной целостности направлен против сепаратизма и его поощрения, то принцип нерушимости границ ставит заслон попыткам необоснованных территориальных претензий одних государств по отношению к другим.

Вторая группа включает такие *общие принципы*:

- ◆ суверенного равенства государств;
- ◆ невмешательства;

- ◆ равноправия и самоопределения народов;
- ◆ сотрудничества государств;
- ◆ уважения прав человека;
- ◆ добросовестного выполнения международных обязательств.

Принцип суверенного равенства означает:

- ◆ каждое государство обязано уважать суверенитет других государств;
- ◆ каждое государство обязано уважать территориальную целостность и политическую независимость других государств;
- ◆ каждое государство вправе свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;
- ◆ все государства юридически равны независимо от различий их экономических, социальных и политических систем;
- ◆ каждое государство становится субъектом международного права с момента возникновения;
- ◆ каждое государство имеет право участвовать в разрешении международных вопросов, затрагивающих его интересы;
- ◆ каждое государство на международных конференциях и в международных организациях обладает одним голосом;
- ◆ государства создают нормы международного права путем соглашения на равноправной основе, никакая группа государств не может навязывать другим государствам созданные ею международно-правовые нормы.

Принцип невмешательства связан с понятием государственного суверенитета. Если государства признают суверенитет друг друга, если они считают друг друга юридически равноправными субъектами, то у них нет оснований вмешиваться в те вопросы, которые относятся к внутренней компетенции властей других государств.

Принцип самоопределения народов первоначально был сформулирован как один из политико-идеологических принципов либерализма и социализма, и только во 2-й половине XX в., после включения его в Устав ООН, закрепился как общий принцип международного права. В современных условиях содержание данного принципа таково:

- ◆ все народы имеют право свободно, без вмешательства извне определять свой политический статус и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие;

- ◆ все государства обязаны уважать это право;
- ◆ все государства обязаны содействовать осуществлению народами права на самоопределение;
- ◆ все государства обязаны воздерживаться от насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение, свободу и независимость;
- ◆ в своей борьбе за самоопределение колониальные народы могут использовать все необходимые средства;
- ◆ запрещается подчинение народа иностранному господству.

Параллельно с принципом самоопределения утвердился и принцип уважения и соблюдения прав человека.

Принцип сотрудничества и принцип добросовестного выполнения международных обязательств представляют собой исторически наиболее ранние принципы международного права. Без этих принципов невозможно нормальное функционирование всей системы международных отношений.

Соблюдение норм и принципов международного права — одна из важнейших обязанностей всех суверенных государств. Однако применение этих принципов и норм в реальном политическом процессе не так просто. Об этом свидетельствует не только история, но и практика международных отношений самого последнего времени. Нередко международные нормы и принципы реализуются в условиях политической борьбы, несовпадения национальных интересов и целей различных государств. Одним из примеров сложностей, возникающих на пути реализации норм и принципов международного права, служит проблема защиты и обеспечения прав и свобод человека.

В период холодной войны вопрос о правах человека был сильно идеологизирован и политизирован. Казалось бы, после ее окончания никаких проблем с международной охраной прав человека быть больше не должно, ведь, согласно формуле Ф. Фукуямы, наступил «конец истории», который ознаменовался полной победой либеральных ценностей. Однако на практике ситуация с правами человека во многих странах не улучшилась, а ухудшилась. На смену нарушениям прав человека по идеологическим и политическим причинам пришло нарушение этих прав по причинам религиозного или этнического характера. Так же, как в годы холодной войны, вопросы прав человека активно используются во внешней политике отдельных государств в целях, весьма далеких от осуществления самих этих прав. Двойные стандарты в этой сфере, пожалуй, даже усилились по сравнению с прошлым.

Нарушение прав человека, особенно в результате этнополитических конфликтов, стало предлогом для выдвижения концепции «гуманитарной интервенции», опирающейся, в свою очередь, на неолиберальные концепции «ограниченного суверенитета» и «приоритета безопасности личности над безопасностью государства». Практическим воплощением такого подхода стали действия НАТО против Югославии в 1999 г.

Идеологи «гуманитарного вмешательства» исходят из того, что принцип уважения прав человека выше принципов неприменения силы и угрозы силой, невмешательства, суверенного равенства государств. Здесь имеет место фундаментальное противоречие между принципом соблюдения и уважения прав человека и принципом невмешательства во внутренние дела других государств. Вопрос о соблюдении прав человека неизбежно сталкивается со сферой внутренней политики суверенных государств. Следовательно, необходимо делать выбор между одним и другим принципом.

Подобная же коллизия возникает и тогда, когда принцип самоопределения наций сталкивается с принципом территориальной целостности государств. На принцип самоопределения активно ссылались в начале 60-х гг. XX в. для обоснования осуществлявшегося тогда процесса деколонизации. Когда большинство колоний получили независимость, на пути реализации этого принципа стали возникать препятствия.

Сложная ситуация сложилась в начале 1970-х гг. в связи с самоопределением населения Восточной Бенгалии. Эта территория в 1948 г. была включена в состав Пакистана, созданного искусственно, по религиозному принципу. Территория нового государства состояла из двух частей, разделенных между собой географически и не имевших ничего общего, кроме того, что подавляющее большинство населения Восточного и Западного Пакистана были мусульманами. Самой многочисленной этнической группой Исламской республики Пакистан оказались бенгальцы, проживавшие в восточной части страны, а административные, политические и экономические центры находились в ее западной части. Среди правящей элиты Пакистана преобладали пенджабцы, пуштуны и представители других народов, населявших западные провинции. Бенгальцы же были в меньшинстве, на их долю приходилось только 10 % руководящих постов в государственном аппарате и командных должностей в армии.

Такое положение создавало напряженность между двумя частями Пакистана. А в начале 1970-х гг. эта напряженность переросла в от-

крытый этнополитический конфликт. Ситуация осложнялась еще и тем, что немалое число бенгальцев, исповедовавших индуистскую религию, проживало в Индии, с которой Пакистан с первых лет независимости находился в конфронтации. Весной 1971 г. лидеры победившей на выборах партии Авами лиг (Народная лига) призвали население Восточного Пакистана к борьбе за независимость и провозгласили создание Народной Республики Бангладеш. В ответ на эти действия пакистанские власти применили оружие, что, в свою очередь, вызвало вмешательство Индии, первой заявившей о признании независимости Бангладеш. Когда эта конфликтная ситуация рассматривалась в Организации Объединенных Наций, обнаружилось, что существуют разные мнения по поводу путей ее урегулирования. Индия, Советский Союз и еще ряд государств выступили за признание независимости Народной Республики Бангладеш, ссылаясь на принцип самоопределения народов. США и КНР поддержали Пакистан, оправдывавший вооруженное насилие необходимостью защитить свою территориальную целостность.

Все стороны апеллировали к Уставу ООН и содержащимся в нем принципам международного права, однако ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея так и не смогли принять однозначного решения по обсуждавшемуся вопросу. Ситуация была урегулирована под воздействием скорее политических и военно-политических, а не правовых факторов. Пакистанские вооруженные силы потерпели поражение и фактически вынуждены были уйти с территории Восточной Бенгалии. Далее последовало признание Народной Республики Бангладеш большинством государств мира, с этим вынуждены были согласиться Соединенные Штаты и Китай.

В этом случае восторжествовал принцип самоопределения, но одновременно в другой точке «третьего мира», в африканской стране Нигерии при схожей ситуации был реализован принцип территориальной целостности государств. Там население одной из провинций, недовольное своим положением в рамках сложного по составу федеративного государства, также попыталось отделиться и провозгласить республику Биафра. Самопровозглашенная республика обращалась с просьбой о своем признании и к африканским странам, и к Соединенным Штатам, и к государствам Западной Европы, и к Советскому Союзу, но везде получила отказ. В итоге движение, названное сепаратистским, было подавлено с не меньшей жестокостью, чем та, которую демонстрировали пакистанские власти в борьбе против национально-освободительного движения Восточной Бенгалии. Но мировое сообщество

щество в этом случае предпочло закрыть глаза, поскольку территориальные изменения могли стать опасным прецедентом на африканском континенте, где почти все границы были проведены еще в колониальные времена искусственным образом, без учета этнических, экономических и физико-географических реалий.

После завершения деколонизации только еще один исторический период стал периодом интенсивного образования новых государств на основе реализации принципа равноправия и самоопределения народов. На рубеже 80–90-х гг. XX в. в условиях кризиса и краха коммунистических режимов распались ЧССР, СФРЮ и СССР. Бывшие союзные республики, входившие в состав этих государств, беспрепятственно получили международно-правовое признание. Но дальнейшее дробление вновь возникших независимых государств было признано международным сообществом нецелесообразным. Сложился неформальный консенсус, в соответствии с которым все самопровозглашенные республики на территории бывших Югославии и Советского Союза не могли быть признаны официально. Этот консенсус действовал в Чеченской республике во времена правления Д. Дудаева и А. Масхадова и действует в ситуации с сербскими «крайнами» в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Нагорным Карабахом в Азербайджане, Приднестровьем в Молдавии, Абхазией и Южной Осетией в Грузии.

Если сербский край Косово, находившийся в последнее время фактически под международным протекторатом, получит полную независимость и будет признан суверенным государством, возникнет опасный международно-правовой прецедент. Может резко обостриться ситуация во многих конфликтных регионах современного мира. Непризнанные государственные образования также станут претендовать на полный суверенитет, что чревато непредсказуемыми последствиями для всей системы международных отношений.

В последние годы игнорирование рядом государств, в том числе и единственной оставшейся сверхдержавой — США, норм и принципов международного права породило мнения о его «смерти». Однако нарушение водителями и пешеходами правил дорожного движения не свидетельствует о том, что их вовсе не существует. Международное право имеет целый ряд серьезных недостатков, бывают и коллизии между его нормами и принципами. Но эти недостатки постепенно преодолеваются благодаря усилиям мирового сообщества, которые оно прикладывает к прогрессивному развитию международного права. Иного инструмента сохранения мира и поддержания безопасности человечества пока не выработало.

§ 3. Правовые средства мирного урегулирования международных конфликтов

Международно-правовой запрет на применение силы и угрозы силой в отношениях между суверенными государствами и международно-правовой принцип мирного разрешения международных споров предполагает наличие механизмов для реализации мирной альтернативы. В современном международном праве предусмотрен целый ряд мирных способов улаживания конфликтных ситуаций. В их число входят *международные переговоры, предоставление добрых услуг и посредничество* (см. главы XIII и XIV). Эти способы используются в практике международных отношений на основе складывавшихся на протяжении длительного времени обычаев. Иными словами, в их основе лежат обычные нормы международного права. Эти же нормы поначалу определяли и порядок проведения *консультаций*, в ходе которых спорящие стороны периодически обмениваются мнениями по интересующим их вопросам, для того чтобы в итоге реализовать достигнутые соглашения по урегулированию конфликта между ними. Сегодня обычными нормами предусматриваются *факультативные консультации*, а порядок проведения *обязательных консультаций* отражен в некоторых международных договорах и нормативных актах международных организаций.

Устав ООН предусматривает возможность создания *международных следственных комиссий*, которые учреждаются на основании особого соглашения между конфликтующими сторонами. Следственные комиссии расследуют обстоятельства возникновения инцидента и конфликтной ситуации между соответствующими государствами. Международные следственные комиссии не обязаны определять степень вины или ответственности какой-либо из сторон, они должны лишь восстановить картину происшедшего. Конфликтующие стороны находят мирный вариант решения спорных вопросов, опираясь на выводы международной следственной комиссии либо самостоятельно; кроме того, спор может рассматриваться международной инстанцией в политическом или юридическом порядке.

В некоторых международных договорах предусмотрено создание *примирительных комиссий*. Порядок формирования и работы таких комиссий указан в ст. 85 Венской конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями. При-

мирительные комиссии создаются в соответствии с этой конвенцией тогда, когда консультации между участниками спора не привели к его решению. В комиссию входят три члена, двое из которых представляют спорящие стороны, а третий избирается первыми двумя председателем комиссии из числа лиц, пользующихся их доверием. Если представители конфликтующих сторон в течение месяца не могут избрать председателя, его назначает главное должностное лицо той организации, при которой рассматривается спор. В таком случае председатель должен обладать высокой юридической квалификацией и при этом не быть гражданином конфликтующих государств или должностным лицом организации, учреждающей примирительную комиссию. В отличие от следственных комиссий примирительные комиссии должны давать толкование фактов, характеризующих суть конфликтной ситуации, и выработать рекомендации по ее преодолению.

Способы разрешения спорных вопросов и конфликтных ситуаций непосредственно органами международных организаций описаны как в их уставных документах, так и в международно-правовых актах более общего характера. Порядок рассмотрения споров внутри Организации Объединенных Наций отражен в отдельных положениях ее Устава, а также в принятых Генеральной Ассамблеей ООН документах универсального характера. Таковы, например, «Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области» (1988 г.), «Декларация об установлении фактов Организацией Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности» (1991 г.). В соответствии с данными нормативными документами государства, втянутые в спорные, конфликтные ситуации, должны учитывать возможность обращения в соответствующие органы ООН для получения советов и рекомендаций по использованию превентивных мер урегулирования разногласий.

Непосредственным участникам конфликтов и государствам, чьи интересы так или иначе им затронуты, рекомендуется обращаться в Совет Безопасности ООН на более ранней стадии конфликта. В ходе консультаций, которые проводятся Советом Безопасности по обсуждаемой спорной проблеме, этот орган может напомнить государствам о необходимости соблюдать свои обязательства по Уставу ООН и в соответствии с нормами и принципами международного права. Совет Безопасности может обращаться к заинтересованным государствам с призывом воздержаться от действий, способствующих эскалации на-

пряженности, и принять меры по преодолению спора мирными средствами. Сам Совет Безопасности должен разрабатывать и предлагать конфликтующим сторонам процедуры преодоления спора. В случае необходимости Совет Безопасности может уже на ранней стадии развития конфликта направить туда специальную комиссию для сбора информации, а также предоставить спорящим сторонам добрые услуги. Если возникает потребность в использовании силовых ресурсов для обеспечения мирного выхода из конфликтной ситуации, Совет Безопасности вправе принимать решение о направлении в зону конфликта военных наблюдателей или сил по поддержанию мира (см. главу XVII). В соответствии с Уставом ООН кроме Совета Безопасности в разрешении международных споров в рамках своей компетенции могут принимать участие Генеральная Ассамблея и другие структуры Организации Объединенных Наций, а также лично Генеральный секретарь ООН.

Правовые основы для решения региональных международных споров дает ст. V Пакта Лиги арабских государств от 1945 г. Эта статья гласит, что в случае, если два государства — члена ЛАГ обратятся в Совет Лиги для разрешения возникшего между ними спора, то решение Совета по этому вопросу будет окончательным и обязательным для всех участников организации. Кроме того, Совет Лиги арабских государств имеет право предлагать свои добрые услуги по урегулированию конфликтных ситуаций, которые могут стать причиной войны между государствами — членами Лиги, либо между ними и третьими государствами.

Один из способов мирного урегулирования международных конфликтов — обращение к третейскому суду (см. главы VI, IX, XIII). Сегодня высший арбитражный орган в мире — Палата третейского суда в Гааге, существующая с 1899 г. В соответствии с «Конвенцией о мирном разрешении международных столкновений» (1907 г.) каждое государство — участник этой Конвенции может назначить в качестве третейских судей не более четырех человек, обладающих соответствующей международно-правовой подготовкой и желающих выполнять арбитражные функции. Члены Палаты назначаются на шестилетний срок, причем их полномочия могут возобновляться.

Правом обращения в палату третейского суда обладают не только государства — участники Конвенции 1907 г., но и государства, не участвующие в ней. Стороны конфликта выбирают по согласию третейских судей из общего списка членов Палаты, которые и выносят затем

арбитражное решение, а также составляют так называемую третейскую запись, где оговариваются условия арбитража. После согласования всех формальностей они сообщают в аппарат Палаты третейского суда свое решение обратиться к ней, передают текст третейской записи и список судей. Заседание суда происходит при закрытых дверях в обстановке секретности. Все решения судьи принимают большинством голосов, причем эти решения являются обязательными и в соответствии с условиями арбитража должны выполняться сторонами независимо от того, соответствуют они или нет их первоначальным требованиям.

В XX столетии начала сбываться мечта таких мыслителей, как Г. Гроций, Э. Крюсе, Ш. И. де Сен-Пьер, Дж. Бенгам, — создание на основе международного права судебного механизма по разрешению конфликтных ситуаций в международных отношениях. В современном мире существуют несколько международных судебных учреждений, наиболее важное из которых — Международный суд Организации Объединенных Наций. Данный суд имеет статус одного из высших органов ООН (см. главу XVII). Он выступает в качестве преемника действовавшей под эгидой Лиги Наций Палаты международного правосудия. После создания Организации Объединенных Наций в 1945 г. Палата была преобразована в Международный суд ООН. Как ранее, так и сейчас высшая международная судебная инстанция находится там же, где и высший международный арбитражный орган, — в голландском городе Гааге.

Международный суд ООН состоит из пятнадцати независимых судей. Судьи должны отвечать высоким моральным критериям и иметь авторитет как специалисты в области международного права. Члены суда участвуют в его деятельности лично, т. е. не представляют государство, гражданином которого они являются, но при этом не допускается наличие в составе суда двух и более человек с одинаковым гражданством. Членов суда избирают из числа кандидатур, предложенных государствами Генеральному секретарю ООН. Процедура избрания проходит раздельно на заседаниях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Срок полномочий судьи — девять лет, причем каждые три года переизбираются пять судей. Международный суд ООН принимает к рассмотрению дела только с участием суверенных государств, юридические и физические лица обращаться в суд не имеют права. Большая часть государств мира признают лишь факультативную юрисдикцию Международного суда, т. е. то, что он может рас-

смаатривать споры с участием того или иного государства только с их согласия. Государства, признавшие юрисдикцию Международного суда обязательной, не могут отказаться от участия в рассмотрении дел, которые их затрагивают.

Международный суд ООН принимает решения на основе международных конвенций, определяющих порядок рассмотрения международных споров, международных обычаев, общих принципов права, признаваемых всеми нациями и государствами. Судопроизводство в суде состоит из двух этапов — письменного и устного. На первом этапе суд получает и изучает письменные материалы, поступившие от сторон; на втором этапе заслушиваются выступления их представителей, адвокатов и других участников процесса. Заседания проходят как в общем составе, при присутствии не менее девяти судей, или, по особым решениям, в рамках специально для этого созданной палаты более узкого состава. Каждый год суд избирает из своего состава Палату упрощенного производства, а в 1993 г. была создана специальная Палата для рассмотрения вопросов экологического характера. Решения Международного суда не раз останавливали опасное развитие международных конфликтов.

Многие дела, рассматриваемые Международным судом ООН, были связаны с кризисными ситуациями в мировой политике. Так было в 1980 г., когда суд рассматривал иск США к Ирану по поводу захвата и удержания американского посольства в Тегеране вместе с находившимися там заложниками. Международный суд вынес решение, согласно которому иранская сторона должна была вернуть помещение посольства, освободить заложников и выплатить США компенсацию. Но американский запрос был отозван до выплаты компенсации, поскольку стороны сумели достигнуть двустороннего соглашения.

Вынесенное Международным судом в 1971 г. определение по запросу Совета Безопасности ООН о законности оккупации ЮАР территории Намибии сыграло свою роль в обретении населением этой африканской страны свободы и независимости. Международный суд рассматривал территориальные споры, например конфликт между Марокко и Мавританией по вопросу о принадлежности Западной Сахары. Помимо судебных решений по межгосударственным спорам Международный суд по запросу органов ООН, других международных организаций и отдельных государств дает консультативные заключения, содержащие международно-правовую трактовку спорных вопросов.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы развития международного права.
2. Чем современное международное право отличается от международного права предшествующих исторических эпох?
3. Что такое система современного международного права?
4. Дайте характеристику основных принципов международного права и их роли в регулировании международных отношений.
5. Какие проблемы могут возникать в процессе применения норм и принципов международного права и каковы возможные пути их решения?
6. Охарактеризуйте международно-правовые основы международного арбитража и судопроизводства.
7. Какова роль международных судебных и арбитражных процедур в мирном урегулировании международных конфликтов?
8. Охарактеризуйте деятельность Международного суда ООН.

Глава XVI

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Эволюция правовых средств регулирования вооруженных конфликтов

Главная цель *правового регулирования международных конфликтов* заключается в предотвращении вооруженной борьбы и обеспечении мирного решения возникающих межгосударственных споров. Если международный конфликт вступил в военную стадию и вооруженная борьба уже началась, то неизбежно возникает проблема *правового регулирования самой вооруженной борьбы*.

Международные обычаи ведения военных действий складывались со времен глубокой древности, их соблюдение стало традиционным. Например, сформировалась традиция объявления о начале военных действий, традиция гуманного отношения к военнопленным, которых первоначально просто убивали или обращали в рабство. В XVII в. выдающийся голландский мыслитель Гуго Гроций в своем капитальном труде «О праве войны и мира» выдвинул идею деления войн на *несправедливые*, подлежащие полному и безусловному запрещению, и *справедливые*, правила ведения которых должны четко регламентироваться международным правом.

Однако время кодификации, т. е. права вооруженных конфликтов, наступило лишь во 2-й половине XIX в. Объективная основа для этого сформировалась именно в тот период, потому что в середине XIX столетия в результате военно-технической революции радикально изменились масштабы и последствия ведения военных действий. Новые формы и способы вооруженной борьбы потребовали и новых средств правового регулирования. Совершенствование этих средств шло по трем основным направлениям. Во-первых, в нормативных актах закреплялись сложившиеся правила ведения войн и одновременно фор-

мулировались новые правила, которые стали необходимыми в изменившихся условиях. Во-вторых, запрещались наиболее опасные для отдельных людей и общества в целом средства и способы ведения военных действий. В-третьих, обеспечивалась правовая защита жертв вооруженных конфликтов. На рубеже XIX–XX вв. основное внимание уделялось первому и второму направлению, а с середины XX столетия, после окончания Второй мировой войны, акцент сместился в сторону третьего направления.

Стремление запретить или ограничить применение опасных для людей видов оружия и способов его использования было ответом на резко ускорившийся прогресс военного дела и военной техники.

Значительный вклад в дело ограничения использования средств уничтожения внесла и дореволюционная российская дипломатия. В 1869 г. по инициативе Российской империи была подписана Петербургская конвенция о запрещении ядовитых и взрывающихся пуль. Впоследствии международно-правовыми актами было запрещено использовать яды, ядовитые газы, бактериологическое и химические оружие, мины-ловушки, средства воздействия на окружающую среду, зажигательное оружие и т. д.

Однако военно-технический прогресс продвигался столь быстрыми темпами, что попытки сохранить жесткие правовые ограничения на использование оружия, порожденного этим прогрессом, оказались в целом безуспешными. Накануне Первой мировой войны было запрещено использовать воздушные шары для иных целей, кроме целей разведки и связи, но о самолетах, которые в то время считались экзотической новинкой, упомянуть забыли. Стремительное развитие авиации и ее использование в военных целях во время Первой мировой войны выпустили джина воздушной войны из бутылки, и загнать его обратно не смогла даже Гагская конвенция 1907 г. Таким образом, международное право закрепило положение, в соответствии с которым сбрасывать взрывающиеся снаряды (бомбы, ракеты) с воздушных шаров нельзя, а с самолетов и вертолетов — можно. Тем не менее правовые ограничения в использовании военной авиации все же были введены: было запрещено подвергать бомбардировкам незащищенные населенные пункты и уничтожать с воздуха невоенные объекты.

Особое значение для правового регламентирования состояния войны и определения статуса участников военных действий имеют Гагские конвенции 1899 и 1907 гг. Согласно уже упоминавшейся Гагской конвенции 1907 г., одно государство может начинать военные дейст-

вия против других государств только после объявления состояния войны.

- ▶ *Состояние войны* — это особое правовое положение, при котором дипломатические и консульские отношения между воюющими государствами прерываются, все ранее заключенные между ними двусторонние договоры разрываются, приостанавливается действие норм многосторонних договоров, имеющих отношение к участвующим в военных действиях странам; прекращаются и запрещаются связи с физическими и юридическими лицами противоположной стороны в торгово-экономической сфере; находящиеся на чужой территории граждане враждебного государства могут быть интернированы, а торговые суда, плавающие под флагами таких государств и находящиеся в этот момент в портах неприятеля, задерживаются и даже реквизируются.

Дипломатические и консульские работники, а также члены их семей получают право въезда на территорию своего государства на взаимной основе и по взаимной договоренности. Наряду с дипломатами такой возможностью могут воспользоваться и другие граждане этого государства. Так произошло, например, после начала Великой Отечественной войны, когда советским дипломатам в Берлине удалось добиться права выезда из Германии вместе с сотрудниками посольства и консульских учреждений для тех советских граждан, местонахождение которых было установлено и которых удалось собрать вместе.

С момента объявления войны и начала реальных военных действий появляется *театр войны*, т. е. те пространства и территории, на которых противоборствующие стороны получают законное право применять вооруженную силу по отношению друг к другу. В театр войны входит морская и сухопутная территория воюющих государств, а также их суверенное воздушное пространство. В театр войны, кроме этого, могут входить открытое море и международное воздушное пространство, а также космическое пространство, за исключением Луны и других небесных тел.

В театр войны в соответствии с нормами международного права не могут входить Антарктида, архипелаг Шпицберген, Аландские острова, зона Суэцкого и Панамского каналов, а также сухопутные и морские территории и воздушное пространство государств, не принимающих участия в войне. В первую очередь это относится к нейтральным государствам.

Нейтралитет — это особый правовой статус, который государства устанавливают для себя как на постоянной основе, так и только по отношению к конкретному вооруженному конфликту. Постоянный нейтралитет таких стран, как Швейцария или Австрия, означает принципиальный отказ от участия в любых войнах, но сохранение за выбравшими такой статус государствами права на самооборону в случае внешней агрессии. Такие нейтральные страны и в мирное время не могут быть членами военных блоков, предоставлять свою территорию для размещения вооруженных сил и военных объектов каких-либо иностранных государств. В условиях войны все нейтральные государства должны не просто не участвовать в военных действиях, но и отказываться от помощи и содействия любой из воюющих сторон. Этим нейтральные (прежде всего нейтральные по отношению к конкретному вооруженному конфликту) государства отличаются от просто не воюющих на данный момент государств.

Не обладающие постоянным нейтралитетом государства должны сделать специальное заявление о своем нейтральном статусе и довести его до сведения всех сторон, принимающих участие в вооруженном конфликте. Специального заявления можно не делать, если нейтральный статус в начавшемся военном конфликте вытекает из принятых на себя соответствующим государством обязательств по отношению хотя бы к одной из сторон конфликта.

Статус нейтралитета подразумевает для нейтральных государств ряд прав и обязанностей. Обязанности нейтральных государств таковы:

- ◆ не предоставлять свою территорию для создания военных баз воюющих сторон и формирования их воинских частей;
- ◆ не передавать и не продавать воюющим сторонам боеприпасы, вооружения и боевую технику, военные корабли, самолеты и вертолеты;
- ◆ не разрешать воюющим сторонам задерживать, осматривать и обыскивать в своих территориальных водах суда, плавающие под любым флагом, и препятствовать в этом воюющим сторонам;
- ◆ не разрешать оказавшимся по аварийным причинам в их портах и на их территориях военным кораблям и летательным аппаратам воюющих сторон находиться там больше 24 часов; в случае невыполнения данных условий нейтральное государство получает право интернировать эти корабли и самолеты;

- ◆ препятствовать тому, чтобы оказавшиеся на их территории больные и раненые воюющих сторон могли после выздоровления снова принимать участие в боевых действиях;
- ◆ принимать меры для охраны культурных ценностей воюющих государств, попавших на территорию нейтрального государства; последние обязаны возвращать такие ценности законным владельцам.

Нейтральные государства обладают следующими правами:

- ◆ отражать при помощи военной силы попытки воюющих государств нарушить свой нейтральный статус;
- ◆ предоставлять свою территорию для перевозки, проживания и лечения жертв военных действий;
- ◆ предоставлять воюющим сторонам добрые услуги и посредничество в ведении мирных переговоров;
- ◆ предоставлять убежище военным кораблям, летательным аппаратам и их экипажам, а также личному составу оказавшихся на их территории вооруженных формирований воюющих сторон с последующим интернированием;
- ◆ предоставлять возможность военным кораблям и летательным аппаратам воюющих сторон пользоваться своей территорией для устранения последствий аварий на срок не более 24 часов.

В свою очередь, воюющие государства должны уважать статус нейтральных государств и не создавать на их территории военных баз, не переносить на нее военные действия, не злоупотреблять правами временного убежища.

Весьма важное значение как в войнах прошлого времени, так и в современных, имеет определение правового статуса непосредственных участников военных действий. К таковым относится не все население воюющих государств, а только та его часть, которая действует на официальной основе и за которую соответствующие правительства несут ответственность. В соответствии с Гагской конвенцией 1907 г. участники войны делятся на *комбатантов* (сражающихся) и *некомбатантов* (несражающихся).

К числу комбатантов относятся:

- ◆ большая часть личного состава регулярных вооруженных сил воюющих государств, в чьи обязанности входит непосредственное участие в боевых действиях;

- ◆ личный состав добровольческих отрядов и ополчение воюющих государств, т. е. речь идет о тех, кто по закону не должен был находиться на действительной военной службе, но добровольно вызвался участвовать в войне;
- ◆ личный состав партизанских отрядов при соблюдении следующих условий: партизаны должны подчиняться командирам, имеющим связь и ответственным перед собственным правительством, должны иметь отличительные знаки, открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи ведения военных действий;
- ◆ повстанцы при соблюдении ими тех же условий, которые определены для партизан; различия между первыми и вторыми состоят в том, что, во-первых, восстания носят более массовый характер, а состав участников партизанских действий по объективным причинам ограничен, во-вторых, восстания ограничены по времени в сравнении с партизанскими действиями;
- ◆ экипажи гражданских морских и воздушных судов, непосредственно участвующих в боевых действиях (перевозке военных грузов, военнослужащих, высадке морских и воздушных десантов);
- ◆ участники национально-освободительных движений и внутригосударственных вооруженных конфликтов, хотя по отношению к последним полной правовой ясности пока нет.

Комбатантами должны считаться и военнослужащие разных государств мира, включенные в состав вооруженных сил ООН, а также военные контингенты, действующие по мандату Совета Безопасности ООН.

Комбатанты имеют право носить оружие и применять его для нанесения ущерба противнику, но одновременно и против них можно применять оружие на законных основаниях. Этим они отличаются от некомбатантов, которые имеют право лишь на личную самооборону в случае возникновения непосредственной опасности их жизни. Только тогда они могут использовать оружие, хотя оно у них имеется всегда. Если комбатантами могут быть как военнослужащие, так и гражданские лица, то некомбатанты — это обязательно военнослужащие, но это та часть состава вооруженных сил воюющих государств, функциональные обязанности которой не связаны с ведением боевых действий. Это интенданты, медицинский персонал, военные юристы, журналисты, а в некоторых армиях — священнослужители.

Все военнослужащие, а также комбатанты из числа гражданского населения, в случае если они попали в руки противника, должны счи-

таться военнопленными и к ним должны применяться те нормы права, о которых речь пойдет дальше. Однако при определении статуса тех, кто вел на поле боя разведывательную деятельность, статуса иностранных граждан, принимавших участие в военных действиях в составе армий других государств, возникают некоторые трудности. В международном праве различаются статусы *разведчика*, с одной стороны, и *лазутчика* — с другой. Разведчиком считается военнослужащий, ведущий тактическую разведку в тылу неприятеля, если он не скрывает своей принадлежности к регулярным вооруженным силам, открыто носит военную форму, знаки различия и оружие. Лазутчик скрывает свою принадлежность к соответствующей армии, переодевается в гражданскую одежду, прячет личное оружие и выдает себя за безоружного либо переодевается в военную форму неприятеля. Такое лицо может считаться преступником, на которого не распространяются нормы международного права, регламентирующие отношение к военнопленным.

К законным комбатантам относятся *добровольцы* (волонтеры), т. е. иностранные граждане, добровольно вступившие в вооруженные силы другого государства. Граждане нейтральных государств действуют без санкции своих официальных властей. Волонтер отличается от *наемника* тем, что не получает каких-либо привилегий, выделяющих его из состава военнослужащих армии, в которой он находится. Волонтер не получает денежного вознаграждения, резко превосходящего сумму, положенную другим военнослужащим в соответствии с занимаемой должностью и званием. Наемник получает гораздо большее вознаграждение, чем другие военнослужащие, выполняющие такие же обязанности в том же месте. Предполагается, что доброволец принимает участие в военных действиях и рискует своей жизнью в соответствии со своими убеждениями, а наемником движут исключительно корыстные мотивы. Наемничество в соответствии с международным правом считается преступлением международного характера, потому наемник, попавший в плен, не приобретает статус военнопленного, а признается уголовным преступником. Следует отметить, что в последние десятилетия наемники чаще всего входили в состав не регулярных вооруженных сил, а незаконных вооруженных формирований. В некоторых регионах мира наемничество получило большое распространение, что породило повышенный спрос на наемников и расширение практики их вербовки. В соответствии с современными правовыми нормами вербовка населения считается таким же преступлением, как и само наемничество, т. е. преступлением международного характера, которое

должно пресекаться властями всех государств, подписавших соответствующие конвенции.

§ 2. Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов

Особое место в правовом регулировании вооруженных конфликтов занимает проблема защиты жертв конфликтов: *раненых, больных, военнопленных*, а также *населения оккупированных территорий*. В последние десятилетия речь идет также и о защите мирных объектов и культурных ценностей.

Как уже было сказано, долгое время правила поведения в условиях международных вооруженных конфликтов определялись сложившимися традициями и обычаями. В их числе была и традиция гуманного отношения к жертвам вооруженной борьбы, в частности к военнопленным. В XIX в. в Европе к ним относились на основе норм христианской морали, независимо от того, какую религию исповедовали сами военнопленные. Правда, бывали и исключения: во время наполеоновского египетского похода французы убили 4 тыс. сдавшихся им в плен турецких солдат из крепости Яффа.

Все же традиции гуманного отношения к военнопленным сохранялись и в начале XX в. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. военнопленным обеих сторон были предоставлены вполне удовлетворительные бытовые условия, свобода их передвижения ограничивалась весьма слабо. А русские офицеры в Японии смогли ознакомиться с достопримечательностями и национальными особенностями этой страны. Российский император Николай II выделил крупные средства для содержания русских военнопленных в японском плену. Японские власти, в свою очередь, вопреки самурайским традициям, приняли решение относиться к военнопленным в соответствии с европейскими нормами, так как Япония впервые в своей истории воевала с одной из великих европейских держав.

Первая мировая война не только изменила привычные масштабы вооруженной борьбы, но и привела к резкому возрастанию числа военнопленных, счет которым шел уже не на тысячи, а на миллионы человек. При таком количестве пленных даже единичные нарушения прав некоторых из них могли бы в целом дать впечатляющую картину. На самом же деле нарушения были гораздо масштабнее. Военные и гражданские власти воюющих государств стали использовать военно-

пленных, например, на тяжелых работах в плохих природных и климатических условиях, что неизбежно приводило к увеличению заболеваний и смертности среди них.

Уроки Первой мировой войны заставили более тщательно подойти к вопросу о правовой защите военнопленных. В 1929 г. по предложению правительства Швейцарии многие государства мира подписали Конвенцию Международного Красного Креста о военнопленных, где регламентировались правила гуманного обращения с ними. Советский Союз, который строил свою международную политику на иных основах, данную Женевскую конвенцию не подписал. Несмотря на это, в начале Великой Отечественной войны советское правительство объявило, что Женевская концепция будет применяться ко всем военнослужащим воюющих с СССР государств, захваченным в плен Красной Армией. Одновременно было сделано заявление о том, что советские солдаты в плен не сдаются. Это заявление автоматически превращало всех советских военнопленных в изменников Родины и давало основание нацистам оправдывать свое варварское к ним отношение, вытекавшее из их идеологических установок о «высших» и «низших» расах. Если английские, американские, французские военнопленные, так же как и военнослужащие других западных стран, оказавшиеся в немецком плену, могли пользоваться правами, вытекавшими из Женевской конвенции, которые позволяли облегчать их положение и сохранять жизнь, то советские военнопленные умирали от голода и в результате бесчеловечных условий содержания. Массовое нарушение норм Женевской конвенции 1929 г., но уже по отношению к английским, американским и китайским военнопленным допускали власти милитаристской Японии.

Эти факты, получившие широкую известность уже после окончания Второй мировой войны, показали необходимость в обеспечении более эффективной защиты прав военнопленных. Именно этому вопросу и была посвящена Женевская конвенция, подписанная в 1949 г. В соответствии с ней государства обязаны создавать условия для сохранения жизни и здоровья комбатантов, находящихся в их плену (захваченных в ходе военных действий).

Военнопленные должны содержаться в специально отведенных для этого местах, по возможности вдалеке от зон боевых действий, с тем чтобы их жизни не угрожала непосредственная опасность. Военнопленные должны быть обеспечены жилыми помещениями, медицинским обслуживанием, им должна предоставляться возможность соблюдать правила гигиены. Питание военнопленных должно быть

организовано по нормам, предусмотренным для находящихся в той же местности военнослужащих армии, в плен к которой они попали. Военнопленные должны назвать свое имя и личный номер, добиваться же от них других сведений Женевская конвенция запрещает. Военнопленные сохраняют свои воинские звания и статус, поэтому офицеры должны содержаться отдельно от рядового и сержантского состава, в более привилегированных условиях. Военнопленные должны состоять под началом лица, назначенного властями захватившего их в плен государства, и подчиняться его распоряжениям. За нарушение установленных правил пребывания в плену военнопленные могут подвергаться административным взысканиям, однако только один раз за один и тот же проступок. Запрещены наказания, представляющие угрозу для жизни и здоровья военнопленных, все формы грубого и жестокого обращения. За совершение уголовного преступления военнопленные могут быть преданы суду на основе законов того места, где они находятся. Побег из плена уголовным преступлением не считается и за него положено лишь административное взыскание. Если военнопленный после побега присоединился к своим вооруженным формированиям и затем вновь попал в плен, то совершенный им побег наказанию не подлежит.

Военнопленные могут привлекаться к работам, но при соблюдении условий, обеспечивающих защиту их жизни и здоровья. Запрещено использовать труд военнопленных на фортификационных и иных работах в зоне военных действий, которые могут нанести урон боеспособности их собственной армии.

Военнопленные имеют право вести переписку с родными и близкими, получать индивидуальные и коллективные посылки. Места содержания военнопленных должны быть открыты для посещения представителями Международного Красного Креста и других гуманитарных организаций. Военнопленным должно быть гарантировано отправленные религиозного культа, соблюдение всех связанных с ним традиций.

После окончания военных действий все военнопленные должны быть освобождены и отправлены на родину.

Наряду с Конвенцией по военнопленным в 1949 г. была подписана I Женевская конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В соответствии с этой конвенцией личный состав регулярных вооруженных сил, а также комбатанты из числа других вооруженных формирований в случае их болезни или ранения должны при любых обстоятельствах пользоваться защитой и покровительством со стороны воюющих сторон. Любая из сторон обязана

обеспечивать гуманное обращение с оказавшимися под ее контролем больными и ранеными без какой-либо дискриминации и уход за ними. I Женевская конвенция запрещает любое посягательство на их жизнь и достоинство. Не допускается добывание раненых на поле боя, запрещается подвергать раненых и больных пыткам, биологическим опытам, преднамеренно оставлять без лечения и ухода. Также не допускается каких-либо преимуществ в оказании медицинской помощи, кроме как по медицинским показаниям. При оставлении на поле боя раненых и больных сторона, которая это делает, должна оставить вместе с ними и часть необходимого для ухода за ними медицинского персонала. Все санитарные объекты и медицинский персонал на поле боя должны иметь отличительные знаки и не могут подвергаться нападению.

Любая из воюющих сторон обязана сразу же после окончания боя разыскать и подобрать всех раненых и больных и оградить их от ограбления и жестокого обращения, а также обеспечить им срочную медицинскую помощь. Раненые и больные одной из воюющих сторон, оказавшиеся во власти другой воюющей стороны, считаются военнопленными, к которым применяются соответствующие нормы международного права.

В случае если продолжение боевых действий ставит под угрозу жизнь большого числа больных и раненых, воюющие стороны обязаны заключить между собой соглашение о перемирии или прекращении огня для эвакуации раненых и больных с поля боя, а также для обмена ими.

Военные власти должны разрешать мирному населению самостоятельно подбирать раненых и больных в районах боевых действий и предоставлять им уход и помощь. Если необходимо, могут быть созданы специальные санитарные зоны, имеющие особый правовой статус, который позволит оградить больных и раненых от последствий военных действий.

Особые меры для защиты больных и раненых, а также терпящих кораблекрушение предусмотрены II Женевской конвенцией 1949 г., специально посвященной вопросам защиты жертв военных действий на море. В целом эти меры по духу соответствуют мерам по защите больных и раненых на сухопутной территории во время войны, но учитывают и особенности войны на море.

Многочисленные преступления, совершенные нацистами против мирного населения оккупированных стран и территорий в годы Второй мировой войны, выявили необходимость усиления правовой за-

щиты и этой категории жертв военных действий. Данным вопросам посвящена IV Женевская конвенция 1949 г.

С точки зрения международного права, оккупация — особое правовое состояние, при котором территория одного государства оказывается под временным военным контролем другого государства. При этом суверенитет того государства, в состав которого входила данная территория до оккупации, сохраняется. Это означает, что в своей деятельности оккупационные власти должны учитывать законодательство соответствующего государства и обязаны принимать меры к защите и сохранению порядка на контролируемой ими территории, способствовать восстановлению и функционированию основных систем жизнеобеспечения. Если необходимо, оккупирующее государство должно обеспечить население оккупированной территории продовольствием, одеждой и медикаментами.

Население, в свою очередь, должно подчиняться распоряжениям оккупационных властей, а власти обязаны уважать жизнь, честь, собственность и религиозные убеждения находящихся на оккупированной территории гражданских лиц. В отношении таких лиц запрещается: совершать любые акты насилия, запугивания и оскорбления; применять меры физического и морального принуждения; применять пытки, проводить медицинские опыты; захватывать из числа гражданского населения заложников и депортировать это население с оккупированных территорий; применять телесные и коллективные наказания. Население оккупированных территорий нельзя насильственно приводить к присяге оккупирующему данную территорию государству, так же как нельзя привлекать его к работам, которые наносят прямой ущерб обороноспособности и военным усилиям их собственного государства.

Разрешается привлекать лиц старше восемнадцати лет из числа населения оккупированных территорий к принудительным работам в пределах этой территории. Это могут быть работы по обеспечению нужд оккупационной армии или самого населения. Оккупационные власти должны сохранять целостность коллективного и частного имущества на подконтрольной территории.

Вооруженные конфликты XX в. сопровождалась расширением масштабов военных действий, применением все более разрушительных средств и способов ведения вооруженной борьбы. Все это стало приводить ко все большему повреждению и разрушению объектов мирного характера, в том числе представляющих историческую и культурную ценность. Правовые меры, принимавшиеся для защиты таких

объектов на основе нормативных актов 1-й половины XX в., оказались недостаточными, поэтому возникла необходимость в разработке новых международно-правовых документов. 14 мая 1954 г. была подписана «Конвенция о защите *культурных ценностей* в случае вооруженного конфликта». В соответствии с этой конвенцией к культурным ценностям относятся: памятники архитектуры, искусства и истории, рукописи, книги, научные коллекции, архивные материалы, а также здания, предназначенные для их демонстрации и хранения (библиотеки, музеи, архивы).

Обязанностью всех участников конвенции уже в мирное время стала защита культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от последствий возможных вооруженных конфликтов. Все государства, подписавшие и ратифицировавшие конвенцию 1954 г., не должны допускать кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей, а также случаев вандализма в их отношении.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте характеристику развития правовых средств регулирования вооруженной борьбы.
2. Каковы правовые последствия объявления состояния войны между государствами?
3. Что такое «театр войны»?
4. Дайте характеристику понятий «комбатант» и «некомбатант».
5. Чем добровольцы (волонтеры) отличаются от наемников?
6. Что означает статус нейтралитета?
7. Каков правовой статус участников военных действий?
8. Какие средства и приемы ведения вооруженной борьбы запрещены международным правом?
9. Дайте характеристику международно-правовой защиты военнопленных, больных и раненых в условиях вооруженных конфликтов.
10. В чем состоит международно-правовая защита мирного населения и гражданских объектов в условиях вооруженных конфликтов?
11. Охарактеризуйте проблему защиты культурных ценностей во время вооруженного конфликта. Приведите примеры из истории.

Глава XVII

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ

§ 1. Природа и типология международных организаций

Характерным явлением в международных отношениях последних десятилетий стало возрастание числа и роли международных организаций. Вместе с тем общепринятого и бесспорного определения понятия «международная организация» не существует. За основу и для дальнейшего анализа можно взять следующее определение:

- ▶ *международная организация* — учреждение, созданное представителями нескольких государств для совместного достижения общих целей и решения задач, требующих постоянного международного сотрудничества.

Международные организации можно разделить на два основных вида — *международные межправительственные* и *международные неправительственные* организации. Международные межправительственные организации — это организации, созданные представителями официальных властей (правительств) суверенных государств. Неправительственные организации создаются представителями неофициальных неправительственных структур, существующих и действующих на территории различных государств.

Первые международные межправительственные организации появились в 20–30-е гг. XIX в. Они выросли из международных конференций — института, закрепившегося в практике международных отношений в предшествующее столетие. Международные конференции представляют собой встречи представителей нескольких государств, на которых обсуждаются интересующие их проблемы и принимаются

совместные решения. Конференции по своей природе — временные мероприятия. Сроки работы конференций ограничены, хотя они могут длиться месяцы, а иногда и годы. Чаще всего конференции созывались для выработки условий мирных договоров, решения споров политического, экономического или юридического характера.

Когда в практике международных отношений появились вопросы, требующие постоянного обсуждения и принятия по ним совместных решений, конференции стали превращаться в постоянно действующие учреждения и, таким образом, приближаться по основным признакам к современным международным организациям. С точки зрения современного международного права эти признаки таковы.

1. Международная организация создается на основе международного права, значит, ее цели и задачи не могут противоречить основополагающим международным нормам и принципам.
2. Международные организации имеют договорной характер, т. е. создаются и действуют на основе международного договора.
3. Международная организация должна иметь свои постоянные представительные органы, отличающие ее от любых временных образований.
4. Сферы деятельности организации должны быть четко обозначены.
5. Международные организации имеют вытекающие из их статуса права и несут связанные с ними обязанности наряду с другими участниками международных отношений.
6. Международные организации обладают собственной правосубъектностью, отличающейся от правосубъектности создавших их государств. Правосубъектность международных организаций дает им возможность заключать юридически правомочные договоры с государствами и другими международными организациями, иметь постоянные представительства и временные делегации, действующие на основе дипломатического права.

Международные межправительственные организации имеют внутреннюю структуру, вытекающую из содержания и характера их деятельности. Как правило, в организации существует пленарный орган, в который входят все постоянные члены, а также наблюдатели из числа представителей государств и международных организаций, полноправным членством не обладающих. Пленарный орган обсуждает все вопросы, имеющие отношение к целям и задачам деятельности организации, и выносит решение в соответствии с предусмотренным устав-

ными нормами порядком. Пленарный орган работает по той же модели, что и международная организация, поэтому не может действовать постоянно. Для систематической работы в структуре организации создаются более узкие по составу оперативные органы управления, которые могут иметь разные названия: исполкомы, президиумы и т. д. Международная организация в соответствии со своим уставом может иметь лиц, возглавляющих ее (например, президентов, председателей) и отвечающих за все направления деятельности. Для технического обеспечения создаются секретариаты, имеющие собственных руководителей. Финансируется международная организация как за счет взносов государств-членов, так и за счет коммерческой деятельности (в некоторых случаях).

В теории международных отношений существует несколько типологий международных неправительственных организаций. В зависимости от целей, задач и содержания их деятельности они делятся на *политические, экономические, военные организации и организации по специальным вопросам*.

В центре деятельности политических организаций — вопросы преимущественно политического характера: обеспечение международной безопасности, развитие межгосударственного сотрудничества во всех сферах. Такими организациями являются Лига арабских государств, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. К военным или военно-политическим относятся организации, построенные на принципах военного союза и осуществляющие, кроме политического взаимодействия, совместную подготовку к возможному ведению военных действий. В годы холодной войны военно-политических организаций было довольно много — это Организация Варшавского договора (ОВД), СЕАТО, СЕНТО и АНЗЮС. Сегодня из них сохранилась лишь Организация Североатлантического договора (НАТО).

Экономические межправительственные организации занимаются проблемами, связанными с торговлей, кредитно-финансовыми отношениями, инвестиционной деятельностью. К международным экономическим организациям относятся Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ).

Большинство современных международных организаций — это организации по специальным вопросам, чья деятельность сосредоточена на отдельных сферах неполитического и неэкономического характера: транспорт — Международная морская организация (ИМО), Международная организация гражданской авиации (ИКАО); связь — Все-

мирный почтовый союз, Международный союз электросвязи; культура и образование — ЮНЕСКО; здравоохранение — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

Организации, занимающиеся одновременно проблемами политического, экономического и иного характера, выделяют в разряд организаций общей компетенции, такой, например, как Организация Африканского единства, недавно преобразованная в Африканский союз. К организациям общей компетенции следует отнести и Организацию Объединенных Наций.

Одновременно ООН считается и универсальной международной организацией. Деление международных организаций на универсальные и региональные основано на пространственно-географическом факторе. Членами универсальных организаций могут быть все государства мира, что вовсе не налагает на них обязательства быть ими. Кроме ООН, к универсальным относятся организации, входящие в систему ООН: ЮНЕСКО, ИКАО и др. Членами региональных организаций могут быть лишь государства конкретного международно-политического или географического региона.

По условиям членства международные организации могут быть разделены на *открытые* и *закрытые*. Большинство международных организаций являются открытыми: все государства, соответствующие критериям полноправного членства, могут вступить в них; государства, которые не соответствуют критериям полноправного членства, но проявляют интерес к деятельности организации, могут присутствовать в качестве наблюдателей. Закрытые организации сами отбирают кандидатов для вступления в свои ряды и делают им специальные приглашения. Пример такой закрытой организации — НАТО.

В истории политической мысли и в теории международных отношений сложились разные, зачастую прямо противоположные, представления о месте и роли международных организаций в мировом политическом процессе.

Представители *реалистического направления* (политический реализм, неореализм) полагают, что международные организации играют второстепенную роль в международных отношениях. Они рассматривают международные организации либо как поле, на котором государства могут отстаивать свои интересы, либо как инструмент внешней политики какого-либо отдельного государства или группы государств.

Представители *либерального направления* (политический идеализм, неолиберализм) связывают с деятельностью международных инсти-

тутов надежды на перестройку всей системы и структуры международных отношений. По их мнению, международные организации могут играть не только отличную от государств, самостоятельную роль в международной политике: они способны постепенно оттеснить государства на периферию такой политики. Более того, либералы и неолибералы всегда полагали, что международные организации могут иметь не только межгосударственный, но и наднациональный характер, т. е. занимать положение над властью отдельных национальных государств. В последние десятилетия неолибералы говорят о возрастании роли международных институтов на фоне резкого снижения роли национальных государств и размывании самого понятия государственного суверенитета.

Обе точки зрения имеют право на существование, поскольку отражают разные стороны одного и того же мирового политического процесса, в первом случае обращаясь к его прошлому, а во втором — к будущему.

С одной стороны, и в прошлом, и в настоящем в рамках международных организаций государства реализовывали свои национальные интересы, собственно, ради этого они туда вступали и вступают. Как показывает политическая практика, международная организация может стать инструментом политики какого-либо государства, если государство будет полностью контролировать деятельность такой организации, оказывать решающее воздействие на принятие и реализацию решений. Примером может служить Организация Северо-Атлантического договора (НАТО), бывшая в годы холодной войны инструментом политики США и оставшаяся таким инструментом после ее окончания. Точно так же Организация Варшавского договора в период холодной войны была инструментом внешней политики СССР.

С другой стороны, очевидно увеличение численности международных организаций и повышение их роли в мировой политике. Более того, практика международных отношений свидетельствует, что международные институты, создававшиеся и первоначально функционировавшие как межгосударственные, со временем могут приобретать наднациональные черты и функции. Примером может служить опыт европейской интеграции, путь которой лежал от Европейского экономического сообщества (ЕЭС) к Европейскому Союзу (ЕС).

С появлением международных организаций появились иные возможности для разрешения межгосударственных конфликтов, а в последнее время — и для внутривнутриполитических.

§ 2. Место и роль ООН в современном мире

Особую роль в поддержании международной стабильности и обеспечении международной безопасности, предупреждении и урегулировании международных конфликтов играет Организация Объединенных Наций. ООН была создана в соответствии с давней идеей о том, что универсальная организация сможет помочь странам и народам мира навсегда избавиться от войн и конфликтов, заменить силовой механизм регулирования международных отношений политико-правовым.

Первый опыт деятельности универсальной организации, каковой была Лига Наций, основанная в 1919 г., оказался неудачным. Лига Наций не оправдала надежд, она не стала международным институтом, гарантирующим всеобщий мир и безопасность, и после начала Второй мировой войны фактически прекратила свое существование (формально была распущена в 1946 г.).

Проект создания новой универсальной организации начал обсуждаться представителями стран антигитлеровской коалиции уже в конце 1941 г. В годы Второй мировой войны появилось и само название — «Объединенные нации», которое первоначально применялось для обозначения государств — участников антигитлеровской коалиции. На прошедшей в апреле—мае 1945 г. в Сан-Франциско конференции был разработан Устав ООН, вступивший в силу в октябре того же года. В соответствии со ст. 1 Устава ООН, эта организация была создана для того, чтобы:

- ◆ поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии;
- ◆ развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов;
- ◆ осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии;
- ◆ быть центром согласования действий наций в достижении этих общих целей.

В соответствии с Уставом ООН все члены организации должны:

- ◆ добросовестно выполнять обязательства;
- ◆ разрешать свои международные споры мирными средствами, не подвергая угрозе международный мир, безопасность и справедливость;
- ◆ воздерживаться от применения силы или угрозы силой против любого государства;
- ◆ оказывать Организации Объединенных Наций всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых в соответствии с Уставом ООН, и воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера.

Первоначально в состав ООН входило только 51 государство, поскольку странам — союзникам Германии и Японии, так же как и им самим, путь в организацию был закрыт. Впоследствии число членов ООН расширилось как за счет этих же государств, так и за счет новых, возникших в результате деколонизации. Последняя волна расширения числа членов ООН пришлась на начало 90-х гг. XX в. и была связана с распадом таких сложных по своему составу государств, как СССР, СФРЮ, ЧССР, выходом Эритреи из состава Эфиопии. Сегодня число государств — членов Организации Объединенных Наций превысило 190 и может еще возрастать.

При создании ООН были учтены идеи английского историка Д. Митрани, который в годы Второй мировой войны пришел к выводу о том, что причиной краха Лиги Наций была сама идея, изначально лежавшая в основе ее создания. Лига Наций задумывалась как международный институт общеполитического характера, при том что уровень конфликтности международных отношений оставался традиционно высок. В результате в обсуждении вопросов политического сотрудничества постоянно проявлялась межгосударственная разобщенность и несходство интересов. Поэтому Д. Митрани предложил начинать поиски пути к международному сотрудничеству не с глобальных политических проблем, а с конкретных вопросов неполитического характера, представляющих интерес для самых разных государств независимо от их общественного устройства. Именно для решения таких конкретных вопросов есть необходимость и возможность создания международных организаций, которые Д. Митрани назвал организациями функционального типа. Это организации, дистанцирующиеся от политиче-

ской проблематики и сосредоточившие свою деятельность на решении конкретных вопросов. Д. Митрани считал, что совместная работа представителей разных государств в рамках таких организаций покажет преимущества международного сотрудничества перед конфронтацией и приведет их к пониманию необходимости сотрудничества и более высокого уровня взаимного доверия. Функциональные организации могут стать, по мнению Д. Митрани, тем фундаментом, которого была лишена Лига Наций, что и предопределило ее гибель.

В систему ООН наряду с уже существовавшими ранее организациями функционального типа, например Международной организацией труда (МОТ), были включены около тридцати новых. Все они как специализированные учреждения работают в различных сферах жизнедеятельности мирового сообщества, дополняя общие усилия ООН по выполнению заявленных в ее Уставе задач. Функциональный, исключительно технический характер деятельности организаций системы ООН позволил им успешно пережить глобальную международную конфронтацию периода холодной войны и попутно решать немало стоящих перед человечеством проблем, например помощь жертвам международных и внутригосударственных конфликтов оказывает Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

В структуру самой Организации Объединенных Наций входят ее высшие органы — Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), Совет по опеке, Международный суд, а также Секретариат. Генеральная Ассамблея — пленарный орган ООН; все ее полноправные члены обладают одним решающим голосом. В заседаниях ООН кроме представителей государств-членов могут принимать участие и представители других международных межправительственных и неправительственных организаций и движений с правом совещательного голоса. Генеральная Ассамблея собирается на ежегодные сессии, которые начинаются в третий вторник сентября и продолжаются до декабря. В начале каждой сессии проводятся общие прения, потом работа продолжается в шести главных комитетах:

- ◆ первый комитет занимается вопросами разоружения и международной безопасности;
- ◆ второй — экономическими и финансовыми вопросами;
- ◆ третий — социально-гуманитарными и культурными вопросами;

- ◆ четвертый — социально-политическими вопросами (раньше это были вопросы деколонизации);
- ◆ пятый — административными и бюджетными вопросами;
- ◆ шестой — правовыми вопросами.

В случае необходимости работа сессии Генеральной Ассамблеи может быть продолжена, а после ее завершения могут специально созываться чрезвычайные сессии. Чрезвычайные сессии созываются по требованию Совета Безопасности, а также большинства членов ООН. Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи может быть созвана и по требованию одного члена Организации, если его поддерживает большинство остальных.

Устав ООН определяет следующие функции и полномочия Генеральной Ассамблеи:

- ◆ рассматривать принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности, в том числе принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений, и выработать рекомендации в отношении этих принципов;
- ◆ обсуждать любые вопросы, относящиеся к международному миру и безопасности, и выработать по ним рекомендации, за исключением тех случаев, когда спор или ситуация находятся на рассмотрении Совета Безопасности;
- ◆ обсуждать и за тем же исключением выработать рекомендации по любым вопросам в пределах Устава или по вопросам, касающимся полномочий и функций любого органа ООН;
- ◆ организовывать исследования и выработать рекомендации в целях: содействия международному сотрудничеству в политической области, развития и кодификации международного права, осуществления прав человека и основных свобод для всех и содействия международному сотрудничеству в экономической и социальной областях, а также в области культуры, образования и здравоохранения;
- ◆ рекомендовать меры мирного урегулирования любой ситуации, которая могла бы нанести ущерб дружественным отношениям между нациями;
- ◆ получать и рассматривать доклады Совета Безопасности и других органов ООН;
- ◆ рассматривать и утверждать бюджет ООН и определять размеры взносов отдельных членов;

- ◆ избирать непостоянных членов Совета Безопасности, членов Экономического и социального совета и подлежащих избранию членов Совета по опеке;
- ◆ совместно с Советом Безопасности участвовать в избрании судей Международного Суда и по рекомендации Совета Безопасности назначать Генерального секретаря.

Решения Генеральной Ассамблеи по процедурным внутриорганизационным вопросам принимаются простым большинством голосов. По вопросам принятия новых членов ООН, принятия бюджета требуется квалифицированное большинство: 2/3 голосов + 1 голос. Столько же необходимо для принятия решений по вопросам мира и безопасности. Однако решения Генеральной Ассамблеи по этим вопросам не носят юридически обязательного характера. Они важны с морально-политической точки зрения, поскольку отражают позицию большинства международного сообщества. В этом плане решения Ассамблеи могут воздействовать на ситуации в зонах конфликтов, а также везде, где возникает угроза всеобщей безопасности, но юридически обязательные решения, согласно Уставу ООН, может принимать Совет Безопасности.

В отличие от Генеральной Ассамблеи, Совет Безопасности работает на постоянной основе, при необходимости он может быть созван в любое время суток, так как именно Совет Безопасности несет главную ответственность за сохранение всеобщего мира, предупреждение и устранение всех угроз мировому сообществу. Начиная с 1965 г. Совет Безопасности состоял из пяти постоянных и десяти непостоянных членов. Непостоянные члены избираются Генеральной Ассамблеей сроком на два года. Ежегодно должны переизбираться пять непостоянных членов, при этом должны сохраняться региональные квоты на представительство в Совете Безопасности. Отличие постоянных членов, в число которых входят США, РФ, КНР, Великобритания и Франция, от непостоянных в том, что кроме постоянного членства при принятии решений они обладают привилегией, известной как «право вето». Решения Совета Безопасности принимаются, когда за них проголосуют не менее девяти из пятнадцати членов, если при этом ни один из постоянных членов не выскажется против. Таким образом, голосуя против, любой постоянный член Совета Безопасности может заблокировать принятие решения. Все решения Совета Безопасности имеют обязательную юридическую силу и опираются на наиболее влиятельные государства мира.

Функции и полномочия Совета Безопасности, в соответствии с Уставом ООН, заключаются в следующем:

- ◆ поддерживать международный мир и безопасность в соответствии с принципами и целями ООН;
- ◆ расследовать любой спор или любую ситуацию, которые могут привести к международным конфликтам;
- ◆ рекомендовать методы урегулирования таких споров или условия их разрешения;
- ◆ выработать планы для создания системы регулирования вооружений;
- ◆ определять наличие угрозы миру или акта агрессии и рекомендовать меры, которые следует предпринять;
- ◆ призывать членов Организации к применению экономических санкций или других мер, не связанных с использованием силы, для предупреждения или прекращения агрессии;
- ◆ предпринимать военные действия против агрессора;
- ◆ рекомендовать принятие новых членов;
- ◆ осуществлять функции Организации Объединенных Наций по опеке в «стратегических районах»;
- ◆ выработать рекомендации Генеральной Ассамблеи о назначении Генерального секретаря и вместе с Ассамблеей избирать судей Международного суда.

На своих заседаниях Совет Безопасности принимает обязательные для исполнения резолюции по вопросам, относящимся к его компетенции. При возникновении угрозы миру и безопасности Совет Безопасности должен принять меры для урегулирования конфликтной ситуации и предложить мирные способы решения спорных вопросов. Если дело доходит до вооруженного насилия, Совет Безопасности обязан предпринять шаги к его прекращению. В соответствии с Уставом ООН только Совет Безопасности имеет легитимное право на использование силы для восстановления мира и пресечения агрессии. Совет Безопасности может прибегнуть и к принудительным мерам, обеспечивающим выполнение принятых им решений. Это могут быть экономические санкции, эмбарго на поставку оружия, при крайней необходимости Совет Безопасности может санкционировать коллективные военные действия, как это случилось в 1991 г., когда была принята

резолюция о применении силы против Ирака, оккупировавшего территорию Кувейта.

Экономический и социальный совет координирует деятельность ООН по решению экономических и социальных проблем мирового развития. В состав ЭКОСОС входят 54 члена ООН, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН сроком на три года. Под эгидой ЭКОСОС действуют специализированные организации и учреждения ООН, которые решают экономические, социальные, гуманитарные и культурные проблемы. По линии ЭКОСОС осуществляется официальная помощь ООН слаборазвитым странам. Общая сумма этой помощи исчисляется миллиардами долларов, часть этих денег идет на решение проблем, возникающих в зонах международных и внутригосударственных конфликтов, стихийных бедствий и природных катастроф.

Совет по опеке был создан для помощи в обретении полной независимости и государственного суверенитета населению тех территорий, которые ранее не были самостоятельными. Предполагалось, что бывшие колонии и другие зависимые территории будут переходить первоначально под управление Совета по опеке. А уже потом, после переходного периода, власть от временной администрации должна была переходить к легитимным органам, представляющим население ранее несамостоятельных территорий. На практике деколонизация в целом шла иначе, и под управлением Совета по опеке оказалось лишь несколько небольших территорий, сегодня ставших самостоятельными.

Международный Суд был создан еще в 1919 г. под эгидой Лиги Наций, а в 1945 г. включен в структуру ООН в качестве ее полноправного органа.

Секретариат ООН задумывался как структура, обеспечивающая административный и технический аспект ее деятельности. В настоящий момент в Секретариате работает почти 9 тыс. человек, выполняющих самые разные функции, в том числе и связанные с урегулированием конфликтных и кризисных ситуаций: это и посредничество на переговорах, и выработка мирных предложений, и организация оказания гуманитарной помощи жертвам конфликтов. В аппарате Секретариата трудятся переводчики, референты, технические секретари, без которых работа ООН невозможна.

Возглавляет Секретариат Генеральный секретарь ООН. В соответствии с Уставом он должен доводить до сведения Совета Безопасности информацию обо всех угрозах международному миру и безопасности, а также выполнять поручения как Совета Безопасности, так и Генеральной Ассамблеи и других высших органов ООН. На практике роль

Генерального секретаря ООН в мировой политике, в том числе и в разрешении проблем урегулирования внутренних и международных конфликтов, больше, чем первоначально предполагалось. Это обстоятельство привлекает внимание, когда обсуждаются проекты реформирования Организации Объединенных Наций.

Сама идея реформирования ООН появилась в конце 80-х гг. XX в., когда стало ясно, что в мировой политике происходят серьезные изменения. Организация, созданная в середине столетия, отразила в своей структуре и характере деятельности особенности международных отношений, сложившихся непосредственно после окончания Второй мировой войны. За прошедшие десятилетия накоплен огромный опыт, позволяющий судить о том, что в структуре и принципах деятельности ООН оправдало себя, а что требует пересмотра. Среди мер, которые предлагается осуществить в рамках реформирования ООН, часто называется упразднение Совета по опеке как выполнившего свои задачи, повышение статуса и эффективности работы Генеральной Ассамблеи, реформирование Совета Безопасности, расширение его состава как за счет постоянных членов, так и путем увеличения числа непостоянных. Пока согласия по вопросу о количестве и о персональных кандидатурах новых государств — постоянных членов Совета Безопасности — нет. При обсуждении вопросов реформирования ООН речь идет и о совершенствовании миротворческой деятельности этой организации.

§ 3. Основные направления миротворческой деятельности международных межправительственных организаций

Создание многих международных организаций, в том числе и Организации Объединенных Наций, было обусловлено необходимостью предотвращения и урегулирования международных конфликтов. Со временем задачи миротворческой деятельности международных организаций значительно расширились. Сегодня, наряду с обеспечением международной безопасности через управление конфликтными ситуациями в межгосударственных отношениях, все большее значение приобретают усилия по урегулированию внутривнутриполитических конфликтов. В целом понятие «миротворчество» включает в себя следующие

щие виды вмешательства международных организаций в конфликтные ситуации: *превентивная дипломатия, миротворческая деятельность в узком смысле слова, осуществление миротворческих операций с привлечением военных контингентов, миростроительные операции.*

Цель *превентивной дипломатии* — поиск возможностей предотвращения назревающих вооруженных столкновений. В рамках превентивной дипломатии международные организации, и прежде всего ООН, стремятся устранить причины потенциальных конфликтов, в том числе и социально-экономического характера. Для этого разрабатываются долгосрочные программы борьбы с бедностью и отсталостью, коррупцией, политической нестабильностью, а также программы по решению экологических проблем, устранению межэтнических или межконфессиональных распрей. Этим занимаются специализированные учреждения ООН социально-экономического и гуманитарного профиля. Одновременно проводится мониторинг ситуаций в различных регионах мира для обнаружения признаков резкого возрастания напряженности или перехода конфликтов на более опасные стадии развития.

Если усилия по предотвращению конфликтов не приносят успеха, встает вопрос о проведении *миротворческих акций в узком смысле слова*. Суть их заключается в использовании международно-правовых механизмов мирного разрешения споров, например судебных или арбитражных, а также в предоставлении добрых услуг и посредничества при проведении переговоров, разработке предложений по мирному выходу из конфликтных ситуаций.

Миротворчество может включать в себя использование не только юридических, политических и дипломатических, но и военных ресурсов — в некоторых случаях. В таком случае речь идет о проведении миротворческих операций. Существуют различные виды миротворческих операций. В последние годы часто применяется такая их разновидность, как операции по установлению мира или принуждения к миру. Такая операция предполагает использование военной силы для пресечения вооруженной борьбы в зоне конфликта. Это может быть нанесение авиационных ударов, направление сухопутных контингентов, для того чтобы заставить противоборствующие стороны (или одну из них) отказаться от продолжения вооруженной борьбы. Нередко подобные акции оправдываются концепцией «гуманитарной интервенции», в соответствии с которой допускается иностранное военное вмешательство в случаях, когда возникает угроза массовой катастрофы гуманитарного характера. Однако полного согласия о правовой и политической правомерности действий по принуждению к миру в ми-

ровом сообществе, в том числе и внутри ООН, нет. Осуществляемые на практике такие акции дают весьма неоднозначные и противоречивые результаты, как это было на территории бывшей Югославии.

Гораздо более четкий правовой статус имеют *операции по поддержанию мира*. Возможность их проведения вытекает из VII главы Устава ООН, в соответствии с которой Совет Безопасности имеет полномочия давать отпор агрессии и получать от государств — членов ООН в свое распоряжение контингенты вооруженных сил, необходимые для поддержания мира и безопасности.

В рамках операций по поддержанию мира, проводимых под эгидой ООН, выделяют направление миссий военных наблюдателей и направление миротворческих сил. В первом случае речь идет о небольших группах офицеров, представляющих различные государства, которые, находясь в зонах вооруженной борьбы, занимаются мониторингом выполнения ранее достигнутых соглашений о перемирии или прекращении огня. Миротворческие силы, действующие под эгидой ООН, состоят из воинских контингентов стран, давших согласие участвовать в данной операции. Как правило, они вооружены лишь легким стрелковым оружием и выполняют примерно те же функции, что и военные наблюдатели, одновременно являясь «буфером» между сторонами вооруженного конфликта.

Однако в последнее время задачи миротворцев стали расширяться. Поскольку операции по поддержанию мира часто проводятся в зонах внутригосударственных конфликтов, то миротворцы могут заниматься разоружением участников незаконных вооруженных формирований, наблюдением за их демобилизацией, сбором оружия, разминированием территории. Миротворцы обеспечивают поддержание порядка и стабильности в зоне конфликта, охрану коммуникаций. Расширение задач приводит к увеличению численности и изменению структуры миротворческих контингентов. Современные операции по поддержанию мира проводятся по мандату Совета Безопасности ООН и проходят с привлечением не только миротворческих войск, но и полицейских формирований, а также гражданских специалистов, работающих во временных административных органах в зоне конфликта.

Операции по поддержанию мира могут перерасти в *миростроительные операции*. Задача таких операций — устранение последствий вооруженных конфликтов, восстановление систем жизнедеятельности, социальной, экономической и политической инфраструктуры. Участие контингентов миротворческих войск в миростроительных операциях необходимо, но при проведении таких операций резко возрастает

роль полицейских формирований и административных структур. Присутствие миротворцев оправданно до тех пор, пока не созданы все внутренние условия для сохранения мира и безопасности. В практике современных международных отношений нет жестких барьеров, разделяющих один вид миротворческих операций от других. Они могут выступать как сменяющие друг друга этапы процесса мирного урегулирования внутренних и международных конфликтов.

Большинство миротворческих операций проводится по решению Совета Безопасности ООН и под эгидой этой организации. Можно отметить, что сегодня обнаружился целый ряд недостатков в организации и осуществлении миротворческой деятельности. Военно-штабной комитет, созданный при Совете Безопасности, так и не заработал, поэтому в ходе миротворческих операций постоянно обнаруживаются недостатки их планирования. Формирование миротворческих контингентов зачастую происходит хаотично, миротворцы не имеют нужного опыта и подготовки. Взаимодействие различных национальных формирований не отработано, часто они различаются между собой по штатной организации и материально-техническому обеспечению. Возникают вопросы по поводу руководства миротворческими операциями и их финансирования.

В последние годы проводится работа по совершенствованию миротворческой деятельности ООН. К настоящему моменту более 60 государств — членов ООН точно определили, какие силы и средства они могут предоставить для проведения той или иной миротворческой операции, еще 20 государств подписали так называемые резервные соглашения. Для повышения оперативной готовности и эффективности участия своих контингентов в миротворческих операциях ряд государств учредили «Бригаду повышенной готовности резервных сил». В армиях многих стран мира, включая и Российскую Федерацию, создаются и готовятся специальные подразделения для осуществления миротворческих миссий, в том числе и по мандату ООН. В Штаб-квартире ООН в Нью-Йорке круглосуточно работает Ситуационный центр, поддерживающий связь с командованием всех миротворческих операций, а в итальянском городе Бриндизи находится склад материально-технического обеспечения операций ООН по поддержанию мира.

Предложения российской стороны по совершенствованию деятельности Военно-штабного комитета пока не нашли отклика у других членов Совета Безопасности. Вышеперечисленные недостатки в осуществлении миротворческих операций стали причиной неудач и провалов некоторых из них. Поэтому отдельные государства и региональ-

ные международные организации пытаются действовать в обход или подменять ООН, ссылаясь на ее неэффективность. НАТО, стремясь найти оправдание своему существованию после окончания холодной войны, в конце 1990-х гг. приняла новую доктрину, предполагающую использование силовых ресурсов этого военного блока в миротворческих целях за пределами территории своей традиционной ответственности. В 1995 г. многонациональные вооруженные силы во главе с НАТО сменили в Боснии и Герцеговине миротворческий контингент ООН, который не смог полностью выполнить свои задачи. В 1999 г., после того как авиация НАТО нанесла удары по Югославии, Совет Безопасности ООН санкционировал присутствие в Автономном крае Косово наряду с собственной миссией по делам временной администрации также и международных сил безопасности, основу которых составил контингент стран — членов НАТО. Активное участие сил НАТО в операции по поддержанию мира и далее в миростроительной операции в Косово привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, на эти территории бывшей Югославии вернулись многочисленные албанские беженцы, с другой — из края было вытеснено большинство сербского населения, чему ни администрация ООН, ни миротворцы НАТО воспрепятствовать не смогли.

Можно согласиться с тем, что Организация Объединенных Наций не должна монополизировать всю миротворческую деятельность, региональные международные организации могут справиться с задачами миротворчества самостоятельно. Так, например, некоторые миротворческие операции в Африке осуществлялись и осуществляются под эгидой Африканского союза (в прошлом Организации африканского единства). На постсоветском пространстве с 1994 г. по мандату СНГ российские миротворцы находятся в зоне грузино-абхазского конфликта, в 1992–2001 гг. коллективные миротворческие силы СНГ при активном участии России действовали в Таджикистане (см. главу XVIII). Не до конца был реализован миротворческий потенциал такой региональной международной организации, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хотя миссии ОБСЕ сыграли свою позитивную роль в решении вопросов, возникавших в зонах конфликтов, в том числе и на постсоветском пространстве, в последнее время в деятельности этой организации наблюдаются попытки вмешательства во внутривнутриполитические процессы в европейских странах, которые происходят прежде всего в рамках избирательных кампаний. Вместо осуществления функций важнейшего института в системе безопасности европейского континента, ОБСЕ в большей сте-

пени выполняет функции инструмента внешней политики некоторых входящих с нее государств.

§ 4. Деятельность международных неправительственных организаций в конфликтных зонах современного мира

Международные неправительственные организации (МНПО) появились в середине XIX столетия. Одной из первых МНПО был Международный комитет Красного Креста, выполнявший важные гуманитарные функции в зонах военных действий. Особенно быстро численность МНПО росла в XX в.: накануне Первой мировой войны в 1914 г. их насчитывалось 300, накануне Второй мировой войны в 1939 г. — 730, в 1970 г. — 2300, а к началу нынешнего века число МНПО в мире превысило 10 000.

В теории международных отношений нет единого мнения относительно места и роли таких организаций в современном мире. Сторонники реалистической парадигмы, в том числе неореалисты, не признают за ними какого-либо самостоятельного значения в мировых делах, а представители нелиберальных и постмодернистских концепций видят в современных МНПО зародыш будущего глобального гражданского общества, которое должно прийти на смену разобщенным национальным государствам. Многие влиятельные международные неправительственные организации видят в МНПО достойных и равноправных партнеров. Так, более полутора тысяч неправительственных организаций сотрудничают на официальной основе с Экономическим и социальным советом ООН. Сотрудничают с МНПО и правительственные структуры многих государств, хотя в некоторых странах к неправительственным организациям относятся с недоверием.

Степень вовлеченности МНПО в проблемы мировой политики, в том числе и во внутригосударственные и международные конфликты, зависит от характера и содержания деятельности самих неправительственных организаций. Большинство из них возникают на основе интересов неполитического характера и поэтому в своей деятельности стараются дистанцироваться от политики. Наибольшую заинтересованность в решении проблем, связанных с конфликтными ситуациями, проявляют МНПО правозащитного, гуманитарного, экологического и собственно политического характера, которые представлены прежде

всего международными объединениями политических партий и движений. Одним из наиболее массовых и авторитетных объединений подобного рода является Социалистический Интернационал (см. главу III). Ядром Социнтерна традиционно была западная социал-демократия, но за последние десятилетия ряды этой организации расширились за счет партий, представляющих Восточную Европу, Латинскую Америку, азиатский и африканский континенты. Одной из программных целей Социнтерна изначально было достижение «международной демократии», т. е. стабильного и безопасного состояния международных отношений, основанного на равноправном сотрудничестве всех государств мира. Исходя из этой программной установки, Социинтерн стремится способствовать решению глобальных общечеловеческих проблем и разрешению конфликтных ситуаций.

Делегации Социнтерна не раз принимали участие в переговорах по урегулированию внутренних и международных конфликтов, выполняли посреднические функции. В рамках Социнтерна создаются комиссии, вырабатывающие предложения по выходу из той или иной сложной конфликтной ситуации. В последние десятилетия Социинтерн уделял немало внимания предупреждению конфликтов в странах третьего мира, помогая решать проблемы преодоления бедности и отсталости этих стран, перестройки международных экономических отношений. У Социалистического Интернационала есть возможность и прямо воздействовать на политические и экономические процессы в тех или иных странах через деятельность партий, в него входящих. Часто эти партии возглавляют правительства или участвуют в проправительственных коалициях, что дает им возможность влиять на формирование внешней политики своих государств. Например, социал-демократические партии стран Скандинавии традиционно много делают для решения гуманитарных и иных проблем, возникающих в наиболее конфликтных регионах современного мира.

Среди гуманитарных неправительственных организаций, активно действующих в зонах вооруженных конфликтов и стихийных бедствий, наряду со старейшей из них, Международным комитетом Красного Креста, можно отметить и относительно новую организацию — «Врачи без границ». Эта МНПО была основана в 1971 г. группой французских врачей, ранее принимавших участие в работе Красного Креста. В отличие от последнего, «Врачи без границ» оказывают нуждающимся помощь не только в периоды военных действий, но и в мирное время. Члены организации работают в стационарных медицинских учреждениях, организуют массовую вакцинацию населения и другие

профилактические мероприятия, участвуют в доставке и распределении гуманитарной помощи. В последние 15 лет «Врачи без границ» работали в таких конфликтных зонах, как Афганистан, Босния и Герцеговина, Чечня, Косово, Бурунди. Кроме оказания медицинской и гуманитарной помощи жертвам конфликтов «Врачи без границ» стремятся влиять на общественное мнение, освещая в средствах массовой информации события в зонах конфликтов, воздействовать на правительства государств и руководство международных организаций для улучшения положения с осуществлением прав человека и решением гуманитарных проблем на территориях, охваченных внутренними и международными конфликтами.

Широко известна международная неправительственная организация, основанная в 1961 г. английским юристом П. Бененсоном, — «Международная амнистия». Ее целью стала борьба против нарушения прав человека по всему миру. Особое внимание «Международная амнистия» уделяет ситуациям, складывающимся в местах лишения свободы, а также судьбам захваченных в плен участников конфликтов, в частности, ее представители расследовали судьбу узников американской базы Гуантанамо и секретных тюрем ЦРУ в европейских странах.

Среди неправительственных организаций экологического характера наиболее известна организация «Гринпис». Она сформировалась в конце 60-х гг. прошлого века в рамках кампаний протеста против испытаний ядерного оружия. К концу 1970-х гг. окончательно сложилась структура организации, действующей на сетевых принципах. Главная цель «Гринпис» — защита окружающей среды. Поскольку последствия конфликтов даже с использованием обычных вооружений представляют опасность для природы, а оружие массового поражения по вредному воздействию находится на первом месте, «Гринпис» по мере возможности способствует уменьшению напряженности и конфликтности в мире. Кроме того, сама по себе экологическая проблема, в решении которой активное участие принимает «Гринпис», порождена глобальным конфликтом общества и природы, который в значительной степени влияет на современную мировую политику.

Контрольные вопросы и задания

1. Как разные школы и направления теории международных отношений оценивают место и роль международных организаций в современной мировой политике?

2. Назовите основные типы международных межправительственных организаций. Какова их роль в урегулировании конфликтов неполитического характера?
3. Каким образом международные неправительственные организации могут влиять на конфликтные ситуации в мировой политике?
4. Охарактеризуйте и сравните полномочия и возможности основных руководящих органов ООН в урегулировании международных конфликтов.
5. Назовите основные направления миротворческой деятельности международных организаций.
6. Чем миростроительные операции отличаются от операций по поддержанию мира?
7. Каким образом, на ваш взгляд, можно повлиять на эффективность миротворческих операций, проводимых ООН и другими международными организациями?

Глава XVIII

ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

§ 1. Конфликты постсоветского пространства: причины возникновения, тенденции развития и типология

Как часто бывало в мировой истории, распад такого многонационального государства, как Советский Союз, породил множество проблем и конфликтов на его бывшей территории. В предшествующих главах данного учебного пособия неоднократно подчеркивалось, что преобладающей причиной международных, а в некоторых случаях и внутривнутриполитических конфликтов были территориальные споры. Не составляет исключения и постсоветское пространство, на уровень конфликтности которого сильное воздействие оказывает территориальный фактор.

Пограничные проблемы, вставшие перед Россией и другими постсоветскими государствами после распада Советского Союза, уникальны как по своим масштабам, так и по качественным характеристикам. Так, из 24 новых границ протяженностью более 24 тыс. километров, возникших в результате дезинтеграции Советского Союза, более 11 тыс. километров (45,8 %) приходится на Россию.

Располагая самым мощным экономическим, военно-силовым, демографическим и другим потенциалом по сравнению со всеми сопредельными постсоветскими государствами, Россия столкнулась и с наиболее масштабными пограничными проблемами, практически не имеющими аналогов в мировой истории. Для нового пограничья РФ характерно несовпадение государственных границ с ландшафтными,

этнокультурными, историческими, геополитическими и другими рубежами. В условиях общей нестабильности политической и экономической ситуации на постсоветском пространстве это обстоятельство повышает его потенциальную конфликтность.

Можно выделить следующие региональные подсистемы в новом российском пограничье:

- 1) Прибалтийскую (границы между Россией, Беларуссией, Латвией, Литвой и Эстонией);
- 2) Восточнославянскую (границы между Россией, Украиной и Беларуссией);
- 3) Кавказскую (все границы между Россией и государствами Закавказья);
- 4) Каспийскую (проходящие по поверхности Каспийского моря рубежи между новыми прикаспийскими государствами);
- 5) Центральноазиатскую (границы между новыми государствами Центральной Азии, а также между Россией и Казахстаном).

Особняком стоит Приднестровская (украинско-молдавская) граница, которая хотя территориально и не соотносится с Россией, но играет весьма существенную роль в ее внешней политике.

Несмотря на то что для каждой из подсистем характерна своя специфика потенциальной конфликтности, ключевыми проблемами для нового российского и всего постсоветского пограничья стали прозрачность рубежей между подавляющим большинством бывших советских республик и сохраняющаяся в ряде случаев неопределенность статуса границ. В предшествующий период эти границы рассматривались как формальные разделительные линии, проведенные для удобства административного управления, локальные изменения которых в ряде случаев могли решаться на местном уровне, исходя из хозяйственных нужд. После прекращения существования Союза ССР как субъекта международного права (декабрь 1991 г.) и конституирования Российской Федерации (до апреля 1992 г. — РСФСР) в качестве суверенного государства с самостоятельным международно-правовым статусом, бывшими советскими республиками было произведено взаимное признание государственного суверенитета и установлены дипломатические отношения. Политически это квалифицировали как «мирный развод и раздел советского наследства» на основе принципа *uti possidetis* (владей тем, чем владеешь).

Именно поэтому сегодня на территории бывшего СССР процесс оформления в соответствии с нормами международного права государственных границ далек от завершения. Нерешенность проблем делимитации и, как следствие, новых угроз (наркоторговля, неконтролируемая миграция, соотношение полномочий в сфере трансграничного взаимодействия между центром и приграничными регионами, влияние процессов глобализации и т. п.) обусловлены в первую очередь спецификой постсоветского периода, наличием целого ряда объективных и субъективных факторов. Если пограничные конфликты в Средней Азии и на Кавказе зачастую имеют трайбалистскую или клановую подоплеку, то в Прибалтийской и отчасти в Восточноевропейской зонах они имеют ярко выраженный политический характер. Так, делимитация границ России с государствами Балтии ставится в прямую зависимость от их недружественной или ярко выраженной антироссийской политики. Например, Договор о российско-литовской границе от 24 октября 1997 г. был ратифицирован Государственной думой РФ только в мае 2003 г., что, по мнению аналитиков, связано с неприятием Россией вступления прибалтийских государств в НАТО и их требованиями о возмещении ущерба, нанесенного в период вхождения Прибалтики в состав СССР. Аналогичным образом в 2005 г. была отозвана подпись Российской Федерации под договором с Эстонией о границе, поскольку эстонская сторона в одностороннем порядке включила в текст уже согласованного договора положение о советской оккупации и ответственности России.

С другой стороны, членство стран Балтии в Евросоюзе побуждает их к скорейшему разрешению спорных пограничных вопросов, причем в пользу России. В декабре 2006 г. министр путей сообщения Айнар Шлесерс заявил, что Латвия намерена отказаться от претензий на территорию Пыталовского района Псковской области и подписать уже в феврале 2007 г. с Россией «парафированный (согласованный) пограничный договор, без всяких деклараций», поскольку в противном случае пересмотр границ потребует выхода страны из Евросоюза.

Территориальный фактор конфликтогенности постсоветского пространства тесным образом переплетается с *национальным (этническим) фактором*. Основой зарождения множества конфликтных ситуаций на территории бывшего СССР является многонациональный состав государства, последствия специфических — «марксистско-ленинских» — подходов к решению «национального вопроса», формирование и активизация национальных элит. Одной из весомых при-

чин возникновения конфликтов на постсоветском пространстве стало и стремление большинства новых независимых государств формировать государственность на основе прямолинейной реализации принципа о праве наций на самоопределение. Но поскольку все государства СНГ, за исключением Армении, этнически неоднородны, то любая попытка в интересах «титულიй нации» нарушить хрупкий баланс между самоопределением титульной нации и интеграцией национальных меньшинств с целью создания моноэтнического государства неизменно ведет к дестабилизации ситуации (см. главу V).

Источником частых конфликтов в постсоветских государствах становится, например, проблема представительства в государственном управлении так называемых этнических меньшинств — русских, немцев, узбеков — и связанные с этим вопросы отношений отдельных регионов с центральной властью.

Чреватые конфликтами сфера применения языка и связанная с нею сфера образования (как школьного, так и высшего). Так, например, в Казахстане принят один государственный язык — казахский, хотя доля казахов среди населения составляет лишь половину, а этнических русских, по данным государственной переписи 1999 г., насчитывается около 30 %. Несмотря на то что законом о языке определено, что «в местах компактного проживания национальных групп могут быть использованы их языки», в регионах вводятся в действие программы функционирования и развития языков, ориентированных именно на усиление роли казахского языка. Например, в Восточно-Казахстанской области, где проживает 70 % русскоязычного населения, программа языкового развития целиком ориентирована на казахский язык. В Молдове лингвистический фактор стал одной из причин возникновения Приднестровского конфликта¹. Новый всплеск обострения отношений с Ригой, пришедшийся на зиму 2004 г., был связан с реформой образования в Латвии, предусматривавшей перевод среднего образования исключительно на латышский язык. Такая инициатива

¹ Закон «О языке» Республики Молдова от 31 августа 1989 г., закрепив государственным молдавский язык, идентичный румынскому, с латинским правописанием, фактически закрыл канал коммуникации с русскоязычным населением Приднестровья, которое отреагировало на принятие этого Закона политическими забастовками, усугубив в нем угрозу для себя и своих потомков. Преобладающая русскоязычная часть населения Приднестровья оказалась исключенной как из культурной, так и из информационной среды Республики Молдова. Резкое изменение условий лингвистической среды значительно усилило враждебные настроения населения Приднестровья к официальному Кишиневу.

государства сплотила разрозненные прежде русскоязычные группы и способствовала радикализации их настроения, что едва не привело ситуацию в Латвии к этническому конфликту и крайне отрицательно повлияло на ее отношения с Россией.

В целом проблема русскоязычного населения — одна из наиболее конфликтогенных на постсоветском пространстве. Всего после распада Советского Союза за пределами России (с учетом стран Балтии) оказалось свыше 25 млн россиян, что составило 17,4 % от общего населения Российской Федерации. Проведение большинством правительств стран СНГ курса на приоритетное развитие титульных наций, неодинаковый уровень их социально-политического развития, отсутствие внутривнутриполитической стабильности, развитых демократических институтов и гарантий безопасности граждан — все это вызывает межэтническую напряженность и осложняет положение соотечественников, которые до сих пор сталкиваются с проявлениями бытового национализма, кадровой дискриминации, страдают от произвола административных, правоохранительных и судебных властей на местах. Особенно острые формы конфликт принял в таких государствах, как Эстония и Латвия, отказавших большинству русскоязычного населения в предоставлении гражданства.

Однако несмотря на то что в последние годы было принято значительное количество законодательных актов, различных постановлений, несмотря на ратификацию ряда международных договоров РФ, в России до сих пор не сложилось единства мнений, терминологических и концептуальных подходов к «русскому вопросу», а политика в отношении соотечественников пока отличается непоследовательностью.

Наибольшее количество постсоветских конфликтов связано с этнотерриториальным фактором. Все множество причин территориально-этнических притязаний и конфликтов на постсоветском пространстве исследователи объединяют в шесть основных групп¹:

- 1) спорность линий границ, связанная с ее изменениями, а соответственно, и с изменениями национально-государственной принадлежности территории;

¹ Глезер О. Б., Стрелецкий В. Н. Типология территориально-этнических притязаний и конфликтов на территории бывшего СССР // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. № 3 — межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. Часть II. Панорама этнических напряжений и противостояний. — М.: РАН, 1993.

- 2) спорность принадлежности и статуса территориальной единицы, связанная с их изменениями, а также с упразднением или слиянием автономий;
- 3) отсутствие автономии у отдельных этнических групп, имеющих государственность на других территориях или не имеющих ее вообще;
- 4) этническая неоднородность национально-государственных образований (например, национальных автономий);
- 5) этническая, историческая, конфессиональная, культурная, экономическая общность территорий, разделенных национально-политическими границами, либо, напротив, своеобразие какой-либо части территории по упомянутым признакам;
- 6) невозможность проживания народа на данной территории (как следствие депортаций, заявлений об исключительности прав одного этноса на его «исконные» территории и т. д.).

В одном только Среднеазиатском регионе можно насчитать более 50 территориально-этнических спорных вопросов, что связано с этнической и культурной мозаичностью населения региона, молодостью существующих национальных государств, несовпадением ареалов расселения этносов в прошлом и настоящем. Наиболее значимые из них — спор между Таджикистаном и Кыргызстаном относительно границы между Исфаринским и Баткенским районами соответствующих республик, так как правительство Таджикистана считает изменение границы в пользу Киргизии, осуществленное в 1958 г., нелегитимным актом. Оспариваемые территории имеют преимущественно сельскохозяйственное, овцеводческое значение. «Официальный» характер приобрели также стремления каракалпаков к независимости и бадахшанский сепаратизм на Памире (в Таджикистане). Кроме того, зафиксированы требования политической автономии со стороны представителей некоторых этнических меньшинств (уйгуров в Казахстане, немцев в Казахстане и Киргизии, корейцев в Узбекистане и Казахстане, русских в Северном Казахстане, курдов в Туркменистане).

В целом только за период с 1988 по 1991 г. на этнической почве в бывших советских республиках произошло более 150 конфликтов, в том числе около 20 — повлекших человеческие жертвы. Кроме того, начиная с конца 1980-х гг. на территории бывшего СССР зафиксировано шесть региональных вооруженных конфликтов с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения: Карабахский

(армяно-азербайджанский) 1988–1994 гг., грузино-югоосетинский 1991–1992 гг., грузино-абхазский 1992–1994 гг., Приднестровский 1992 г., чеченский 1994–1996 гг. и 1999–2001 гг., конфликты и гражданская война в Таджикистане 1992–1996 гг., а также около двадцати кратковременных вооруженных столкновений, приведших к жертвам среди мирного населения (наиболее значительный – осетино-ингушский конфликт 1992 г.). Наиболее существенными отличительными чертами таких конфликтов являются высокая скоротечность латентной фазы и стремительный выход на вооруженный уровень развития. Такой индикатор не просто ставит постсоветские конфликты в один ряд с приблизительно тридцатью крупнейшими вооруженными конфликтами, имевшими место в «остальном мире» на рубеже 1980–1990 гг., но и ввиду их повышенной интенсивности (примерно 15 % вооруженных конфликтов на 6 % населения) позволяет считать территорию СНГ одним из самых значительных узлов опасности и нестабильности в мире.

Тяжелейшими последствиями вооруженных конфликтов стали человеческие и материальные потери. По далеко не полным данным, вследствие эскалации конфликтов на территории бывшего Союза погибли и пропали без вести свыше 100 тыс. человек. Экономический ущерб в зонах конфликтов вообще с трудом поддается оценке. По самым приблизительным подсчетам, только прямые материальные потери в зонах конфликтов составляют около 13 млрд долларов. Не следует забывать, что экономические последствия конфликта сказываются в течение долгого периода после его разрешения. Так, лишь на содержание миротворцев в зонах конфликтов Россия затрачивает почти 20 млн долларов ежегодно.

Массовые перемещения людей, спасавшихся от войны и этнических чисток, кардинально изменили этнический состав ряда территорий, порождая здесь различные конфликтные ситуации. За годы карабахского конфликта Азербайджан покинули не менее 600 тыс. граждан нетитульной национальности. В результате этих миграционных процессов сегодня более 90 % из 7,6 млн жителей республики составляют азербайджанцы. Заметно изменился и состав этнических меньшинств: если прежде второй по численности этнической группой после азербайджанцев в республике были русские и армяне, то теперь их места заняли лезгины, талыши и курды. Резко изменился и религиозный состав: более 95 % – мусульмане и около 4 % – христиане.

Значительно уменьшились диаспорные общности вследствие гражданской войны в Таджикистане. С 1989 по 1996 г. удельный вес русских в составе населения уменьшился с 7,6 до 3,2 %, украинцев — с 0,8 до 0,4 %, татар — с 16 до 0,7 %, туркмен — с 0,4 до 0,3 %, казахов — с 0,2 до 0,1 %, белорусов — с 0,2 до 0,1 %. Сократилось число граждан и других национальностей. За это же время удельный вес таджиков возрос с 62,3 до 68,4 %, узбеков — с 23,5 до 24,8 %. На повышение доли коренных национальностей повлияли и более высокие темпы естественного прироста. Одновременно возросли темпы внутренней миграции представителей нетитульной национальности (узбеков, кыпчаков и других тюркских кочевых и полукочевых этнических групп), расселенных в годы советской власти в новых местах проживания и возвращающихся на старые места. Эти процессы имеют последствия в виде конкуренции за землю и воду среди реэмигрантов и местного населения, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям.

Вследствие различий в интенсивности, характере проявления и средствах урегулирования, в литературе не сформировалось единой точки зрения на типологию постсоветских конфликтов. Пожалуй, единственное, в чем сходятся все исследователи, это мнение о том, что межгосударственный конфликт классического типа для постсоветского пространства не характерен. Гораздо большую опасность представляет интернационализация внутренних этнополитических конфликтов, которые имеют наибольшее распространение на территории бывшего Советского Союза.

Типологию постсоветских межнациональных конфликтов можно представить следующим образом.

1. Территориальные конфликты, часто тесно связанные с воссоединением раздробленных в прошлом этносов, источником которых служат внутривнутриполитические, нередко вооруженные столкновения между правительством и национальными движениями или сепаратистскими группировками, пользующимися военно-политической поддержкой соседних государств (Нагорный Карабах, отчасти Южная Осетия, северо-восточные районы Казахстана, Южный Дагестан и др.).
2. Конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования (грузино-абхазский конфликт).

3. Конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства (стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд районов Псковской области).
4. Конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществляемых в советский период (проблема Крыма, Северный Казахстан).
5. Конфликты как следствие столкновений экономических интересов (чеченский конфликт).
6. Конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера, обусловленные традициями многолетней национально-освободительной борьбы против метрополии (например, конфронтация между Конфедерацией народов Кавказа и российскими властями).
7. Конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов или порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территориях других республик (турки-месхетинцы в Узбекистане, чеченцы в Казахстане).
8. Этнокультурные и лингвистические конфликты (Приднестровье, Казахстан).
9. Конфликты, вызванные дискриминацией русскоязычного населения в ряде государств СНГ и Балтии.
10. Конфликты, связанные с абсолютизацией и противопоставлением принципов права наций на самоопределение и территориальную целостность государств, со стремлением легитимации социально-политического превосходства титульной нации данного государства над другими народами.

Конечно, в чистом виде трудно вычленить каждый из этих типов конфликтов. Зачастую конфликты возникают в результате целого комплекса противоречий: этнических, территориальных, политических, экономических, религиозных.

В постсоветских республиках можно выделить три типа вооруженных конфликтов: а) конфликты, вызванные стремлением национальных меньшинств реализовать свое право на самоопределение; б) конфликты, вызванные разделением бывшего союзного наследства; в) конфликты как гражданские войны.

§ 2. Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации по урегулированию конфликтов на территории бывшего СССР

За 15 лет, прошедших с момента распада СССР, практически не было ни одного локального конфликта на его бывшей территории, который не затрагивал бы национальных интересов России. Поэтому ни в одном из конфликтов на постсоветском пространстве Россия не может быть ни сторонним безучастным наблюдателем, ни объективным судьей. Одновременно никакая другая страна, кроме России, не может реально выступать в роли миротворца. Запад не очень стремится к этому в силу сложности и тяжести задач, да и сам он обнаруживает несостоятельность в подобного рода деятельности, безуспешно пытаясь урегулировать конфликты в бывшей Югославии.

Внешнеполитические подходы России к постсоветскому пространству и, соответственно, к урегулированию конфликтов, за прошедшее с момента распада СССР время претерпели ряд эволюционных изменений.

К середине 1990-х гг. существовали по крайней мере пять концепций внешней политики России по отношению к постсоветскому пространству.

1. Узконационалистическая, отстаивающая идентификацию России в ее нынешних границах и настаивающая на отказе от различий между ближним и дальним зарубежьем.
2. Неоимперская, предполагавшая воссоздание СССР как некоего союза равноправных республик.
3. Национал-патриотическая, предусматривавшая создание союза неравноправных субъектов во главе с Россией.
4. Либерально-космополитическая концепция, предполагавшая восстановление СССР в форме евразийского союза.
5. Национально-либеральная, исходящая из возможности добровольного (на основе референдума) объединения ряда бывших республик, включая Россию, в федеративное государство на основе цивилизационно-культурной общности.

В реальной политике России присутствовали все эти подходы, которые на каждом новом этапе выступали в различных комбинациях.

Постоянная борьба этих представлений и стоящих за ними сил, менявшееся их влияние на исполнительную власть — все это придавало большую подвижность российской политике, имело следствием отсутствие в ней четких тактических и стратегических ориентиров и целей в отношении постсоветского пространства.

Наиболее серьезные усилия Российской Федерации по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве связаны прежде всего с пятью региональными конфликтами.

Одним из методов в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве, как и в мировой практике, можно считать проведение миротворческих операций (см. главу XVII). Отправной точкой формирования межгосударственных правовых основ миротворчества СНГ являются:

- ◆ Устав СНГ (1993 г.);
- ◆ Соглашение «О группах военных наблюдателей и коллективных миротворческих силах по поддержанию мира в СНГ» (20 марта 1992 г., Киев);
- ◆ Протокол «О комплектовании, структуре, материально-техническом и финансовом обеспечении Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ» (15 мая 1992 г., Ташкент).

В развитие положений, содержащихся в этих документах, 24 сентября 1993 г. в Москве было подписано Соглашение «О коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению».

Наряду с этой работой органы Содружества прилагали значительные усилия для признания мировым сообществом СНГ в качестве региона, подпадающего под положение главы VIII Устава ООН, дающей, в частности, право на самостоятельное использование вооруженных сил для предотвращения конфликтов по решению региональной организации или в соответствии с региональными соглашениями. В рамках СНГ органом, которому предоставлено такое право, является Совет глав государств. В июне 2000 г. были расширены функции Штаба в области предотвращения и урегулирования конфликтов. Несмотря на ряд разночтений в механизме реализации этой функции (так, Устав СНГ допускает проведение миротворческих операций с одобрения заинтересованных государств-участников, а киевское Соглашение от 20.03.92 г. устанавливает, что такие решения принимаются только с общего согласия), резолюция Генеральной Ассамблеи ООН

от 34 марта 1994 г. признала (с некоторыми оговорками ряда скандинавских и западно-европейских стран) право СНГ самостоятельно проводить региональные операции по поддержанию мира.

Что касается собственно российской политической концепции в области урегулирования постсоветских конфликтов и миротворчества как средства их разрешения, то ее становление пришлось преимущественно на первые постсоветские годы, для которых была характерна эскалация вооруженных конфликтов.

Корректировка российских установок в области миротворческих операций произошла в середине 1995 г. и была связана с изменениями во внешнеполитической доктрине РФ в целом. Они были отражены в следующих документах: прежде всего, в утвержденном Президентом РФ «Стратегическом курсе РФ в отношениях с государствами-участниками СНГ», а также в Федеральном законе «О порядке предоставления РФ военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» (1995 г.), и касалась двух принципиальных вопросов: отношений с международными организациями по порядку направления российских Вооруженных сил в зоны конфликта и целевых установок России в отношении новых независимых государств.

Говоря о взаимоотношениях с международными организациями, следует отметить, что уже в послании Президента Федеральному Собранию РФ в феврале 1995 г. и в «Стратегическом курсе РФ в отношениях с государствами — участниками СНГ» наряду со справедливой критикой ООН и ОБСЕ за «за неоправданно скромную поддержку» российских миротворческих операций и осуждением «двойных стандартов» появляется положение о необходимости добиться того, чтобы «миротворчество стало плодом коллективных усилий государств СНГ путем их более адекватного участия на всех этапах деятельности по налаживанию механизма оперативного решения вопросов миротворчества в рамках СНГ», а также о необходимости взаимодействия с ООН и ОБСЕ в этом направлении.

Эта установка была реализована в принятых в начале 1996 г. документах Совета глав государств СНГ, где были четко выражены как коллективное начало при проведении миротворческих операций, так и обязательное одобрение мер по принуждению к миру со стороны Совета Безопасности ООН.

Важным документом, определяющим действия России по урегулированию конфликтов, стал Федеральный закон «О порядке предоставления РФ военного и гражданского персонала для участия в дея-

тельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», в котором силу закона обрело положение о том, что принудительные меры могут предприниматься Россией только по решению СБ ООН, тогда как операции по поддержанию мира могут проводиться и без решений ООН, на основании, например, международных обязательств.

Исходя из данных положений, можно выделить три группы миротворческих операций на территории Содружества с участием России.

Первая группа представляет собой относительно удачные операции, которые в наибольшей мере решили поставленные перед ними задачи (в Южной Осетии и Приднестровье). Обращает на себя внимание тот факт, что данные операции, проводимые в рамках двусторонних межправительственных соглашений России соответственно с правительствами Грузии и Молдовы, связаны с наибольшими проблемами в плане международного признания их политико-правового статуса. По обеим операциям отсутствуют мандаты не только ООН, но и региональных организаций (ОБСЕ и СНГ), а единственным гарантом урегулирования конфликта остается Россия. Формальные принципы миротворчества нарушает и включение в состав миротворцев контингентов, предоставленных самими враждующими сторонами.

Во *вторую группу* входят миротворческие операции (в Абхазии и Таджикистане), которые по статусу являются полноценными региональными миротворческими операциями СНГ. Они осуществляются на основании коллективного решения глав государств СНГ, имеют мандат СНГ (который при этом неоднократно обновлялся и уточнялся), общее военное руководство ими осуществляется через международный орган — Штаб по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ. Тем не менее российское участие в этих операциях представляет одну из наиболее существенных сторон процесса мирного урегулирования. Например, комплекс разнотипных операций по урегулированию ситуации в Таджикистане, помимо собственно операции Коллективных миротворческих сил СНГ по мандату Совета глав государств СНГ, включал:

- ◆ операцию пограничных (и приданных к ним) сил РФ по охране государственной границы Таджикистана с Афганистаном и Китаем, которая осуществлялась на основе двустороннего межгосударственного соглашения РФ-РТ от 25.05.1993 г.;
- ◆ действия военных контингентов Вооруженных сил Российской Федерации, дислоцированных на территории Республики Таджики-

стан, по оказанию поддержки правительству Республики Таджикистан в решении задач, связанных со стабилизацией обстановки, и в решении иных государственных задач на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РТ и других двусторонних соглашений.

К числу важнейших успехов Российской дипломатии по урегулированию внутритаджикского конфликта относится заключение соглашений в декабре 1996 г. в Москве. Кроме того, несмотря на то что формально операция КМС считается завершенной и на протяжении 2000 г. происходило ее «свертывание», участие России в данном региональном конфликте в других форматах (пограничное сотрудничество, сотрудничество по линии двустороннего договора с Таджикистаном) продолжается.

Аналогичная ситуация складывается и в зоне грузино-абхазского конфликта, где проводится две взаимосвязанных миротворческих операции:

- ◆ миротворческая операция региональной организации (СНГ) на основе мандата глав государств Содружества;
- ◆ миротворческая операция ООН на основе мандата Совета Безопасности ООН.

Однако, как отмечают наблюдатели, первая из них так и не стала коллективной операцией стран СНГ. Основной миротворческий контингент не был предоставлен никакими иными государствами СНГ, помимо России, что идет в разрез со сложившимися в ООН стандартами, согласно которым контингент, предоставляемый одной страной, не должен превышать одной трети от общего количества участников.

Третья группа миротворческих операций (например, в зоне нагорно-карабахского конфликта) представляет собой пример неудачной попытки организации региональной миротворческой операции под эгидой ОБСЕ (так называемая Минская группа), согласовавшей в 1993 г. мандат на проведение такой операции, но так и не сумевшей реализовать его.

Роль России в нагорно-карабахском конфликте настолько же значительна, насколько и противоречива. С одной стороны, Российская Федерация активно участвует в переговорном процессе под эгидой ОБСЕ. В мае 1994 г. при прямом содействии России в зоне конфликта был установлен режим прекращения огня. С 1997 г., наряду с Францией и Соединенными Штатами, Россия стала сопредседателем Минской

группы и в этом качестве участвовала в подготовке трех вариантов (поэтапный и пакетный 1997 г., «общего государства» 1998 г.) решения армяно-азербайджанского конфликта. Начиная с 2000 г. Россия принимает участие в урегулировании нагорно-карабахского конфликта в составе так называемой «карабахской тройки» (на уровне глав РФ, Азербайджана и Армении). С другой стороны, фактом, усложняющим как процесс переговоров по нагорно-карабахскому конфликту, так и в целом обстановку в регионе, стало приобретение Арменией российского оружия (1997–1999 гг.) на сумму более чем 1 млрд долларов.

Таким образом, особенностью ситуации с миротворческими операциями на территории бывшего СССР стало то, что их проведение в первый период, с одной стороны, заставляло Россию и рабочие органы Содружества формировать в оперативном порядке законодательную основу, опираясь на мировой опыт и современные тенденции миротворчества, а с другой — вынуждало по различным причинам осуществлять практически все типы миротворческих операций. Это обусловило специфику постсоветского миротворчества. Его отличие от операций, проводимых миротворческими контингентами ООН, состоит:

- 1) в отсутствии резолюций Совета Безопасности ООН и решений СБСЕ о проведении операций и параметрах политического мандата операций на территории новых независимых государств;
- 2) в недостаточности политического (гражданского) контроля над действиями вооруженных сил в районах конфликта;
- 3) в привлечении к посреднической роли стран и сил, имеющих собственные интересы в районе конфликтов;
- 4) в нарушении посредническими силами и контингентами принципа беспристрастности, содействии в ряде случаев интересам одной из противоборствующих сторон в ущерб интересам других сторон;
- 5) в выполнении в конфликтных районах политических, переговорных, посреднических, правовых функций представителями военных контингентов, а не гражданскими властями с соответствующими полномочиями;
- 6) в отрыве военной стороны миротворческих операций от политического урегулирования конфликта.

Тем не менее стоит отметить, что, несмотря на существующие проблемы, Содружеству и России в целом удалось достичь заметных результатов в вопросах миротворческой деятельности, а лидирующая роль

России в урегулировании постсоветских конфликтов неоднократно отмечалась международным сообществом. Так, например, Будапештский саммит ОБСЕ в 1994 г. выразил признательность нашей стране — «за решающий вклад Российской Федерации» в достижение договоренностей о прекращении огня в зоне армяно-азербайджанского конфликта — и другим членам Минской группы — «за индивидуальные усилия».

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные конфликтогенные факторы на постсоветском пространстве.
2. Изложите основные причины, расстановку сил и этапы развития вооруженных конфликтов в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, Таджикистане.
3. В чем заключается специфика миротворческих операций с участием России на постсоветском пространстве?
4. Дайте характеристику основных направлений внешнеполитической деятельности России по предотвращению и урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве.
5. Какова роль Содружества Независимых Государств в урегулировании конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве?

ЛИТЕРАТУРА

- Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.
- Анисимов Л. Н.* Международно-правовые средства разрешения международных споров (конфликтов). Л., 1975.
- Анципов А. Я., Баклановский С. В.* Конфликтология в схемах и комментариях. СПб., 2005.
- Анципов А. Я., Шитлов А. И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006.
- Арцибасов И. Н., Егоров С. А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1976.
- Ачкасов В. А.* Этнополитология. Учебник. СПб., 2005.
- Ачкасова В. А.* Конфликтология. СПб., 2005.
- Василенко И. А.* Политические переговоры. Учебное пособие. М., 2006.
- Глухова А. В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М., 2000.
- Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб., 2000.
- Дмитриев А. В.* Конфликтология. Учебное пособие. М., 2000.
- Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999.
- Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжов О. А.* Политическая конфликтология. М., 2002.
- Кулагин В. М.* Международная безопасность. М., 2006.
- Ланцов С. А.* Террор и террористы. СПб., 2004.
- Лебедева М. М.* Мировая политика. М., 2006.
- Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.
- Мальшева Д. Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности.
- Международные конфликты современности / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1983.
- Международные отношения: теории, конфликты, организации. Учебное пособие / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 2006.

318 Литература

- Мировая политика и международные отношения. Учебное пособие / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб., 2005.
- Митрошенков О. А.* Эффективные переговоры. М., 2003.
- Мокшанцев Р. И.* Психология переговоров. Учебное пособие. М.; Новосибирск. 2002.
- Полторак А. И., Савинский Л. И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976.
- Развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80-е годы. М., 1991.
- Слитченко В. И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.
- Современные международные отношения и мировая политика. Учебник / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004.
- Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е. И. Степанова. М., 2000.
- Терроризм и религия / Науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 2005.
- Тиунов О. И.* Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. М., 1999.
- Фельдман Д. М.* Политология конфликта. М., 1998.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Социология международных отношений. М., 2006.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2003.
- Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2006.

Под ред. Сергея Алексеевича Ланцова
Политическая конфликтология: Учебное пособие

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Художник
Литературный редактор
Корректоры
Верстка

М. Трофимова
Е. Цветкова
С. Маликова
И. Серова
И. Смирнова, Н. Шелковникова
Л. Егорова

Подписано в печать 25.12.07. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 20. Тираж 3000. Заказ
ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29..
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
191126, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2.

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА
«ПИТЕР» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
ОПТОМ И В РОЗНИЦУ У НАШИХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ.

Дальний Восток

Владивосток, «Приморский торговый дом книги»,
тел./факс (4232) 23-82-12.
E-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга»,
ул. Пугевая, д. 1а,
тел. (4212) 36-06-65, 33-95-31
E-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»,
тел. (4212) 32-85-51, факс 32-82-50.
E-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»,
тел. (4212) 39-49-30.
E-mail: zakaz@booksmirs.ru

Европейские регионы России

Архангельск, «Дом книги»,
пл. Ленина, д. 3
тел. (8182) 65-41-34, 65-38-79.
E-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь»,
пл. Ленина, д. 4,
тел. (4732) 26-77-77.
<http://www.amital.ru>

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»,
тел./факс (4012) 21-56-28, 65-65-68.
E-mail: nshibkova@vester.ru
<http://www.vester.ru>

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»,
Московское шоссе, д. 15,
тел. (846) 331-22-33.
E-mail: chaconne@chaccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»,
пр. Революции, д. 58,
тел. (4732) 51-28-93, 47-00-81.
E-mail: manager@kmsvrn.ru

Северный Кавказ

Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424,
тел./факс (87934) 6-93-09.
E-mail: rossy@kmw.ru

Сибирь

Иркутск, «ПродаЛитЪ»,
тел. (3952) 20-09-17, 24-17-77.
E-mail: prodalit@irk.ru
<http://www.prodalit.irk.ru>

Иркутск, «Светлана»,
тел./факс (3952) 25-25-90.
E-mail: kkcbooks@bk.ru
<http://www.kkcbooks.ru>

Красноярск, «Книжный мир», пр. Мира, д. 86,
тел./факс (3912) 27-39-71.
E-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»,
тел. (383) 336-10-26, факс 336-10-27.
E-mail: office@top-kniga.ru
<http://www.top-kniga.ru>

Татарстан

Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»,
тел. (843) 272-34-55.
E-mail: tais@bancorp.ru

Урал

Екатеринбург, ООО «Дом книги»,
ул. Антона Валека, д. 12,
тел./факс (343) 358-18-98, 358-14-84.
E-mail: domknigi@k66.ru

Челябинск, ТД «Эврика», ул. Барбюса, д. 61,
тел./факс (351) 256-93-60.
E-mail: evrika@bookmagazin.ru
<http://www.bookmagazin.ru>

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»,
ул. Артиллерийская, д. 124
тел. (351)247-74-03, 247-74-09, 247-74-16.
E-mail: zakup@intser.ru
<http://www.fkniga.ru> , www.intser.ru